
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ МОГ МОЛЧАТЬ...

*Современники о выдающемся борце за Права Человека
генерале Петре Григоренко*

(в двух частях)

Часть вторая

**ХАРЬКОВ
«ПРАВА ЛЮДИНИ»
2015**

УДК 821.161.1'06(477)-94:929Григоренко](082)
ББК 84(4Укр=Рос)6-442я43
Ч-39

Художник-оформитель
Б. Е. Захаров

Под общей редакцией
А. П. Григоренко

Эта публикация печатается
при финансовой поддержке Правительства Швеции.
Взгляды и интерпретации, представленные в этом издании,
не обязательно отражают позицию
Правительства Швеции

Человек, который не мог молчать... Часть вторая / под
Ч-39 общ. ред. А. П. Григоренко; ООО «Харьковская правозащитная
группа». — Харьков: ООО «Издательство права человека», 2015. —
312 с. фотоилл.

ISBN 978-617-7266-18-0

В книгу включены избранные воспоминания различных людей об одной из центральных фигур движения за права человека в несуществующем более СССР. Это — ветеран Второй мировой войны, генерал, общественный деятель, правозащитник и публицист Петро Григорьевич Григоренко (1907–1987). Покойный генерал получил широкую международную известность во второй половине XX века, стал единственным советским генералом, лишенным советского гражданства и наиболее известным в мире украинским патриотом. Его деятельность и публицистика остаются во многом актуальными и сегодня.

УДК 821.161.1'06(477)-94:929Григоренко](082)
ББК 84(4Укр=Рос)6-442я43

© by General Petro Grigorenko
Foundation, Inc., 2015
© Коллектив авторов, 2015
© А. П. Григоренко, переводы
с английского и украинского
языков, 2015
© Б. Е. Захаров, художественное
оформление, 2015

ISBN 978-617-7266-18-0

Часть
ВТОРАЯ

Гранітні обеліски, як медузи,
Повзли, повзли і вибилися з сил.
На цвинтарі розстріляних ілюзій
Уже нема місця для могил.

Василь Симоненко

ЗА ДРУЖБУ ПРЕЖНИХ ДНЕЙ

За дружбу старую — До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Роберт Бернс

И словно нету расставания,
И все они опять со мной.
Как будто всей честной компанией
Сидим мы в камере одной!

Виктор Некипелов

Мирослав Маринович

Заметки связного¹

Мое первое знакомство с генералом Григоренко организовало... радио «Свобода», которое донесло весть об этой славной фигуре жаждущему правды юноше. Сегодня трудно уже вспомнить, в каком именно контексте услышал я тогда об этом человеке, но имя Григоренко приковало мое внимание уже самым своим звучанием.

Во-первых, оно особым образом легитимизировало диссидентское движение сопротивления: если за критику советской власти принимаются уже генералы, имеющие возможность пользоваться всеми ее благами, то что-то здесь не так с самой системой. И если против нее восстают высокие военные чины и даже сами создатели ее оборонного щита — водородной бомбы (Андрей Сахаров), то будущего она, по-видимому, не имеет.

Во-вторых, казалось особенно примечательным, что в лице Григоренко выступает не один из штабных прихлебателей, льнущих к властному сапогу, а хлебнувший военного лиха боевой генерал. В этом как бы была гарантия, что Солдат с большой буквы, смело смотревший в глаза смерти, не станет отводить взгляд от опасной правды.

В-третьих, от фамилии генерала веяло родным мне украинством. Для меня это был еще один земляк, душа которого не смирилась с обманом и несправедливостью.

¹ Название дано Составителем. Перевод с украинского Андрея Григоренко.

Хотя и жил он в Москве, а Украина была для него скорее воспоминанием детства, чем живой реальностью. Поэтому сразу — еще долго до нашего личного знакомства — я почувствовал в нем дух побратимства.

В то время фигура Петра Григоренко ассоциировалась прежде всего с судьбой крымскотатарского народа, пострадавшего в силу бредовой сталинской идеи коллективной вины. Решение генерала открыто поддержать право крымских татар на реабилитацию и возвращение на малую родину было совершенно в русле лучшей традиции московских диссидентов, светивших, словно маяки, рассеянной по всему Союзу армии одиночек-правдоискателей. Однако мне кажется, что тут, может быть, еще неосознанно, заговорила в нем и его украинская природа, в результате чего идея справедливости, как это часто бывает у лиц угнетаемой национальности, возобладала над идеей государственнической.

А, между тем, именно в Украине идея эта получила в те годы свое наиболее полное воплощение. В самом деле, потенциально опасный мусульманский фактор был нейтрализован; севастопольская слава российского оружия окончательно утверждена; территория Крыма «зачищена» под кремлевские дачи и всесоюзные здравницы — разве мог бы возражать против этого истинный государственный? Но моральное чувство генерала говорило ему: «Это несправедливо!», и голос гражданской совести стал для него императивом всех его дальнейших действий и поступков.

Так что весть о вхождении Петра Григоренко в Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений не представлялась мне неожиданностью. Наоборот, это был логический шаг в том противостоянии власти, которое не оставляло человеку другого выбора, кроме моральной капитуляции. Однако в случае Григоренко немаловажно и то, что он одновременно вошел и в Украинскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглаше-

ний (УХГ). В этом его шаге сказалось, конечно, и чувство тревоги за судьбу украинских правозащитников-камикадзе, находившихся под намного большей угрозой, нежели их коллеги в Москве, и которое, по свидетельству Л. Алексеевой, охватило многих московских диссидентов. Однако была в этом решении Григоренко и дань его национальному чувству, которое в тогдашних условиях довольно быстро начало завоевывать его сознание. Речь не идет, конечно, о чувстве национального превосходства или каких-то иных его патологических крайностях, особенно типичных для этнонеофитов. Нет, скорее, это возвращение к украинству чем-то напоминало его интерес к крымскотатарскому движению: в обоих случаях главным мотивирующим фактором было острое сопереживание испытываемому где-то национальному притеснению. Думаю, что выпади ему жить среди племен Центральной Африки, то и там он встал бы на сторону обиженного племени, поскольку первичным в нем все же было этическое, нежели этническое чувство.

В подтверждение этой его особой чувствительности к любым проявлениям национального притеснения, приведу один характерный случай из жизни генерала. Однажды он послал телеграмму кому-то из своих киевских знакомых-украинцев. Написал ее по-украински, но так как это не отвечало тогдашним правилам, транслитерировал слова буквами российской кириллицы. Однако на почте посланную им телеграмму самочинно перевели с украинского на русский. Узнав об этом от своего адресата, он подал письменную жалобу, заставив почтовых работников произвести специальное расследование этого ничтожного, по тем временам, инцидента и принести ему сквозь зубы свои извинения.

Контакты членов УХГ с Петром Григоренко велись в основном через главу Группы Мыколу Руденко. Но однажды поручение съездить в Москву и встретиться с Григоренко получил и я, тогда самый еще молодой 28-летний член УХГ. В то время (это было

в январе 1977 года) меня уже выгнали с работы, а потому свободно-го времени было хоть отбавляй.

Москва встретила меня пронизывающим холодом, как в прямом, так и в переносном смысле. В этой великодержавной столице я не мог чувствовать себя обыкновенным туристом. Мороз пробирал до костей от одной мысли, что ты немощная «букашка», осмелившаяся бросить вызов этой исполинской машине. И трудно было отделаться от ощущения, что где-то рядом, в кремлевских сейфах, хранятся ключи от украинской судьбы. Но все же я ощущал гордость от сознания, что мне выпала честь быть причастным к маленькой группе «отщепенцев», не побоявшихся выступить против этой грозной силы. А вместе с тем я не мог не думать и о дистанции другого рода: ведь в квартиру Петра Григоровича входил робкий провинциал, хорошо сознающий, что в голове у него полная мировоззренческая каша и что титул члена УХГ — это скорее почетный аванс.

Эта моя тогдашняя незрелость обнаружила себя с первых же минут нашего разговора. Петро Григорович, отнесшийся ко мне радушно и с полным доверием, дал мне прочитать какой-то свой текст. В нем говорилось о паспортной системе как атрибуте полицейского государства. Помнится, меня это так поразило, что я не сумел скрыть своего удивления: «Но разве может существовать государство без паспортной системы?» Петро Григорович улыбнулся и тут же прочитал короткую лекцию об основах демократии. Не помню уже сути сказанного, но больше всего меня впечатлило то, что он ни словом, ни жестом не дал мне понять наивности моего вопроса, не дал почувствовать себя неучем, рвущимся в правозащитники. Для меня это был как бы двойной урок — демократической теории и бережного отношения к достоинству человека, который сам Петро Григорович тогда едва ли заметил.

Главной целью моего визита было ознакомить хозяина с проектом очередного Меморандума УХГ, что я, конечно, и сделал.

С отчаянием преодолевая свое смущение, я кратко рассказал ему о ситуации в группе, прекрасно сознавая, что он — рупор этой группы, чей голос услышат и в Москве, а через аккредитованных здесь зарубежных журналистов и дипломатов — и во всем мире. После Москвы я планировал съездить в Тарусу, маленький городок в ста километрах от столицы, где в то время находилась в ссылке другой член нашей группы — Нина Строката, которую также следовало ознакомить с текстом Меморандума, и мы с Петром Григоровичем обсудили мой маршрут туда и обратно.

Квартира семьи Григоренко была скромной, явно не «генеральской». Плотная фигура хозяина как бы заполняла собой весь дом, хотя был он там не один: в тот день я познакомился с женой Петра Григоровича Зинаидой Михайловной, её больным сыном Олегом, а также с крымской татаркой, если не ошибаюсь, с Айше Сеитмуратовой. Зинаида Михайловна оказалась на редкость радушной хозяйкой, чья приветливость просто завораживала. Феноменальной была сердечность хозяев дома, которая уже через несколько минут создавала впечатление, будто мы давным-давно знакомы. Много лет спустя, уже после их эмиграции и после смерти Петра Григоровича, мы не раз говорили с Зинаидой Михайловной по телефону во время моих приездов в Америку, и оказалось, что той единственной встречи было достаточно, чтобы она сохранила ко мне теплое чувство на всю жизнь.

Зато с Айше у нас разговор не получился. Хотя я и испытывал к ней искреннюю симпатию, но все-таки опасался задеть болезненную крымскую тему, в которой тогда слабо ориентировался. В свою очередь, все внимание Айше было приковано к хозяину дома. Ее любовь и восхищение Петром Григоровичем проявлялась в каждом жесте и в каждом взгляде. И это ее к нему отношение стало для меня на тот момент символическим. Позднее, когда в лагере я слышал рассказы о любви крымских татар к Григоренко, для которых он стал

чем-то вроде национального героя, в моей памяти сразу же всплывала фигура Айше. Я не запомнил черт ее лица, но твердо запомнил те знаки уважения и любви, которыми она окружала Петра Григоровича.

Мое пребывание в этом гостеприимном доме было недолгим: короткий деловой разговор, продолженный уже за общим обедом, и — в дорогу. Как это часто бывает, прощаясь, я не догадывался, что вижусь с хозяином в первый и последний раз. Кремлевская метла, которая заботливо «зачищала» жизненное пространство для более удачливых и счастливых сограждан, «вымела» нас в разные стороны: меня — в лагерь на Урал, Петра Григоренко и Зинаиду Михайловну — в Америку, где они, лишённые советского гражданства, были вынуждены коротать свой век. Об их судьбе в этой стране мне впоследствии рассказывала Надия Свитлычная, горячо любившая Петра Григоровича и его семью и поддерживавшая с ними регулярные контакты. Именно от нее я получил несколько фотографий с состарившимся генералом, сделанных уже в конце его земного пути. А умер он как раз в тот год, когда я вернулся домой из казахстанской ссылки. На его могиле в Баунд-Бруке я помолился в самом начале 90-х годов при первом моем посещении Америки.

На этом мои воспоминания об одной-единственной и очень короткой встрече с генералом Григоренко можно было бы, собственно говоря, и закончить. Но у моего армейского друга Геннадия Плоткина, который уже давно живет в Америке, хранится письмо Петра Григоровича, которое мешает мне поставить точку.

В 1977 году Геннадий, находясь дома в Дрогобыче, попытался разыскать меня, но безуспешно. И лишь через радио «Свобода» узнал о моем аресте. Но, даже эмигрировав в Соединенные Штаты, он не прекращал поисков и в конце концов вышел на Петра Григоровича, который ему ответил. Текст этого письма настолько хорошо передает дух той полузабытой эпохи, что я с разрешения Геннадия хочу его здесь впервые опубликовать.

20.08.82

Уважаемый Геннадий!

Мирослава Мариновича я, конечно, знаю. Я член Украинской Хельсинкской группы, а с момента высылки из СССР — представитель этой группы на Западе.

Когда Вы разыскивали Мариновича (летом 1977 г.), он уже был под арестом, а я еще был в Москве и боролся за освобождение арестованных членов группы, в том числе Мирослава. Осудили его на 7 лет заключения и 5 ссылки. По последним данным, он в Чистопольской тюрьме. [Далее следует адрес, хотя эта информация была ошибочной: в Чистопольской тюрьме я не сидел. — М. М.]

Вы спрашиваете, существует ли возможность почтовой связи с ним. Почему же нет? Мы с Вами, слава Богу, живем в свободной стране, в которой связь не ограничена ничем. А эта страна состоит в договорных отношениях с СССР по почтовым связям. И должна принимать и доставлять своим гражданам письма, полученные от американской почты. Но поскольку СССР может нарушать любые договора, американская почта рекомендует своим гражданам письма и открытки посылать с подтверждением о вручении, а посылки и бандероли, кроме того, страховать. В этих случаях за недоставленные отправления можно взыскать.

Я не знаю Ваши материальные возможности, но, если они имеются, жене можно послать посылку и бандероль. Писать надо, помня, что будет цензура, поэтому самое «беспартийное» (как Вы разыскивали его, о том, что послали письмо его жене и т. п.). Говоря о том, как нашли, не ссылайтесь на радио «Свобода». Лучше приплетите случайность. Познакомились с земляком, а он, оказалось, знает Мариновича. Если по ходу потребуется имя земляка, назовите мое имя-отчество (не фамилию) в украинской транслитерации (Петро Григорович).

Желаю Вам успеха. Связавшись, Вы сделаете благородное дело. Подбодрите дух хорошего человека, хотя он и без этого держится вели-

коленно. Мужественно вел себя на суде и так же ведет себя в заключении. Участвовал в создании и работе Украинской Хельсинкской группы.

Пусть Господь хранит Вас и семью. Привет от меня и Зинаиды Михайловны.

С уважением

П. Г.

Излишне говорить, как дорого мне это письмо. Однако прочитал я его уже тогда, когда Петро Григорович ушел в мир иной, и было оно будто приветом от него из тех мест, где нет «ни горестей, ни печалей», а еще — шмонов и психушек, партийного беспредела и гебистской дьявольщины.

Генералу Григоренко выпала нелегкая участь вести войну сразу с двумя тоталитарными режимами двадцатого века. И, как человек чести и совести, он не побоялся назвать оба эти режима преступными. То есть сделал то, чего и до сих пор не решаются сделать многочисленные его собратья по оружию — советские ветераны Второй Мировой войны. Они — формальные победители — все еще находятся в плену идеологических иллюзий. Григоренко же — преследуемый властью и приговоренный к принудительному психиатрическому лечению — дважды победил зло, и дух его остался свободным. Думаю, что с таким «послужным списком» ему не страшно было предстать и перед Последним Судом, который не страшен для таких, как он, праведников.

*Львов
Февраль 2007 года*

Григорий Померанц

В пространстве без дорог²

Кажется, что Чичиковым никто всерьез не противопоставит — разве Скалозубы и Федьки Каторжные, требующие своей доли (и получающие ее). Но крайность рождает крайность. Первые похождения Чичикова вызвали контрдвижение, замеченное Тургеневым в статье «Гамлеты и Донкихоты». С его легкой руки гамлеты и донкихоты получили полное русское гражданство. И, как во всем русском восприятии европейского, то, что в Европе существовало по отдельности, в России стало единым целым. Из английского принца и испанского гидальго вышел новый русский характер. Иногда — с перевесом гамлетовского, иногда — донкихотского, но в единстве друг с другом. Я это знаю по себе. Мой любимый герой — Гамлет, но сколько раз я сражался с ветряными мельницами! А диссидент-генерал Петр Григорьевич Григоренко — прославленный донкихот, но с какими глубокими гамлетовскими размышлениями! Я ставил эксперименты над самим собой, чтобы понять, он старался понять, чтобы действовать, но мы прекрасно друг друга понимали.

Когда Петр Григорьевич Григоренко начал борьбу за права человека, его поддержали два народа: крымские

² Публикуется по книге: *Г. Померанц. «Записки гадкого утенка»*. — М.: Московский рабочий, 1998. — 399 с.

татары и немцы Поволжья. Татарам хотелось в Крым, немцам не знаю куда... Остальным никуда не хотелось. Единственная форма народного движения, которая сегодня то тлеет, то вспыхивает, — это столкновения русских с нерусскими, армян с азербайджанцами, узбеков с таджиками и т. п. Вплоть до споров эрзя лесных с эрзя луговыми. Во всем этом я могу участвовать, только как санитар в сумасшедшем доме.

Вы скажете — единичный случай. Да, потому что таких людей Сталин целенаправленно истреблял. И все же в диссидентское движение влилась «коммунистическая фракция»: Костерин, Григоренко, Лерт. Для них путь в диссидентство был так же органичен, как путь в революцию. С Лерт я был хорошо знаком, с Петром Григорьевичем дружен и храню светлую память о нем. Он стал коммунистом, как и многие на Юге Украины, после террора дроздовцев, потом перестал быть коммунистом, но он никогда не переставал быть самим собой — начиная с прыжка из окна второго этажа в кучку учеников, избивавших малыша, кончая ударом ребром ладони по кадыку санитара, избивавшего душевнобольных в психушке. Тоталитарной штамповке поддавались люди без Божьей печати в душе. У кого была нравственная харизма, тот никогда ее не терял. И всегда находились Дон Кихоты, боровшиеся за соблюдение хоть каких-то законов. Об этом стоит почитать в книге воспоминаний Петра Григорьевича.

Вы подчеркиваете, что масштабы красного террора были чудовищными и несравнимы с белым террором. Это подтверждают все, в том числе Григоренко, который при этом задаёт вопрос: почему его односельчане, испытавшие и то, и другое, с красным террором помирились, а белый осуждали? Ответа он не знал. Я думаю, что однозначного ответа и нет. Но один из ключей к разгадке — революционная риторика, увлекавшая Россию. Из противников большевизма ею владели эсеры. К несчастью, белые с ними поссорились, а сами

они умели разговаривать только со своими, с людьми своего круга. Слов, доступных мужикам, способных увлечь их, — не нашли. Разве только то, что Петя Григоренко наблюдал в городке, где учился: на другой день после вступления дроздовцев в Ногайск город был оклеен плакатами: «Бей жидов, спасай Россию». Но на Юго-Восточной Украине этот призыв не был подхвачен. Семена ненависти дали здесь другие всходы: анархии и большевизма.

Красные выиграли войну, увлекая народ своими иллюзиями, а иногда прямо обманывая народ. Белые ее проиграли, просто не считаясь с народом, с крестьянством, составлявшим подавляющее большинство народа. Белые презирали как невежество крестьянские представления о земельной собственности, восходившие к феодальным порядкам (мы ваши, а земля наша). Белые презирали волю крестьян, избравших в Учредительное собрание эсеров, а не либеральных профессоров и монархических генералов. Колчак проиграл войну не из-за любви к Анне Тимиревой, а из-за пены ненависти на губах, из-за разгона Комитета членов Учредительного собрания, из-за неспособности к компромиссу всех антибольшевистских сил. Из-за того, что не расстрелял по крайней мере зачинщиков расправы над депутатами, избранниками народа...

Мир праху героев, белых и красных. Правильно поступил Франко, похоронив всех погибших в одну долину и водрузив над ними один большой крест. Мертвые сраму не имут. Но путь героев — не мой путь.

* * *

<...> Сидоров командовал сводной стрелковой ротой нашего батальона. Во встречном бою, когда колонну, вышедшую из леса, атаковал хорошо укомплектованный полк, соседи справа и слева побежали; устояла рота Сидорова. Я захотел понять этого человека

и несколько дней шел с ним рядом (моя должность это позволяла). С солдатами Сидоров держался, как учитель с учениками — спокойно, мягко. В мирной жизни он и был учителем. Спокойно, легко и без горечи рассказал, что с начала войны лейтенантом — не повышают, потому что был в окружении: взрывал мост и задержался, пропуская всех своих.... Решение отдела кадров означало расстрел в рассрочку (в должности командира роты не выживают). Но Сидоров оглядывался не на тех, кто двигался по службе и командовал полками, а на солдат: должность рядового пехотинца — тоже смертельная. Он искал не справедливости к себе, а только правильного распоряжения своей властью ротного командира — и выбрал себе в ординарцы седого старика. Я вспомнил это, читая воспоминания генерала Григоренко. Петр Григорьевич взял в личную охрану заведомого труса, зная, что трус на передовой погибнет первым, и не решаясь посылать человека на верную смерть. И еще в одном Сидоров напомнил Григоренко: он управлял своими подчиненными без мата.

* * *

<...> От него так и пахло героями «Бесов». Этот запах примерно в то же время почувствовал и Петр Григорьевич Григоренко, хотя имел дело с другими людьми. Книга его воспоминаний так и называется: «В подполье можно встретить только крыс». Конечно, не все подпольщики крысы. Но подполье раскармливает именно крыс. И если будет успех, если крысы сожрут кота — что потом делать с крысами?

* * *

<...> Я привожу пример Татьяны Великановой как доказательство моего любимого тезиса: нравственность нельзя свести к запо-

ведям, жизнь бесконечно сложнее любых правил, и дело личности (если имеется налицо личность) — найти свое собственное решение, прислушиваясь к своему собственному демону. Мой демон требовал от меня довольно рискованных поступков, но не разрешал втягиваться без остатка ни в какое дело, даже самое благородное, и настаивал на сохранении внутренней независимости, в которой рождается свободная мысль. Я любовался нравственной цельностью Татьяны Михайловны Великановой, Петра Григорьевича Григоренко и других рыцарей правозащитного движения. С Петром Григорьевичем у меня даже вышел случай подружиться, и я был очень рад нашей дружбе. Но у меня другой нравственный стиль: сознания неразрешимости основных нравственных проблем и невозможности их решения без какого-то ущерба.

Сергей Сергеевич Аверинцев как-то написал в «Советской культуре»: «Для здорового функционирования культуры нужны люди, которые без остатка посвятили свою жизнь мысли как таковой... Деятель проводит свою «линию» — мыслитель прослеживает своей мыслью все линии, и, какими бы твердыми ни были его убеждения, он не может перестать видеть самую неприемлемую для него систему не извне, а изнутри. Всё в мире действия — за себя, за своих, за свое. Но есть другое призвание, как у Волошина, — быть стрелкой весов, указующей разницу веса».

Не могу сказать, что посвятил себя мысли «без остатка». С логической точки зрения, я вел себя непоследовательно и то приближался к Аверинцеву, то к Григоренко. С обоими я охотно беседовал и обоих понимал. Как-то случилось, в 1967-м, что мне на дом принесли подписной лист протеста по делу четырех (Гинзбург, Галансков, Добровольский, Лашкова); я сам подписал, подписала моя жена и две ее подруги (одной это припомнили). Но когда Александра Николаевна Чиликина собралась ехать дальше, в «Философскую энциклопедию», я сказал ей: «Не надо заваливать эту малину!» Впоследствии Рената

Гальцева говорила мне: «Не могу понять, почему нашу редакцию обошли»... Я был убежден, что энциклопедию, где систематически печатались статьи Аверинцева по философии религии, нелепо и глупо ставить под удар ради двух-трех подписей; и стоически принимал нежелание самого Аверинцева подписывать какие бы то ни было протесты. Эту индульгенцию я в своих «Письмах о нравственном выборе» распространил на учителей и врачей, которых за подпись выгоняли с работы, наказывая детей и больных.

У каждого своя дхарма. И исторический процесс оставляет нам не только одну роль. Возможен и оправдан «чистый», кабинетный мыслитель. Возможен и мой стиль. Так или иначе, мысль должна сохранить свою свободу и незаинтересованность в результатах, иначе она теряет свою многомерность. Мне особенно близко то, что «мыслитель проследивает своей мыслью все линии». Я действительно хотел понять и Владимира Осипова, и Виталия Рубина, и Григоренко, и Аверинцева. Я склонен мыслить сразу несколькими потоками, перетекающими друг в друга, как рукава одной реки, и часто одновременно разрабатывал две-три альтернативных модели. Грубо говоря, это можно назвать плюрализмом, и Солженицын имел основания причислить меня к плюралистам. Следует только прибавить, что плюрализм — не бранное слово, а философский принцип, существующий довольно долго, примерно две с половиной тысячи лет; а в последние века — и социально-политический принцип, близкий по смыслу к таким понятиям, как веротерпимость, диалогичность, демократия. В русскую жизнь он, к сожалению, не внедрился; однако и отменить его не может даже самый великий авторитет. Ибо все философские принципы коренятся в устройстве человеческого ума; и один ум не вправе навязывать другому свой внутренний строй; а потому философский спор, спор принципов, будет длиться до тех пор, пока существует философия.

<...> Опыт следующего года вполне уложился в схему. Писать, сидя дома, или подписать что-то — на это некоторые были способны. Но выступить перед аудиторией и увлечь ее за собой — не то сил не хватало, не то уменя. Скорее пойти к памятнику Пушкину и помолчать... Какое-то повторение декабристов. Создание знака, символа, который будущее наполнит каким-то своим, новым, неожиданным и, может быть, враждебным смыслом (например, у того же памятника — демонстрация неофашистов).

Я помню, что первая пресс-конференция диссидентов Павла Литвинова и Ларисы Богораз поразила меня больше, чем несколько месяцев спустя демонстрация на Лобном месте. Выход на Лобное место принципиально единичный акт. А пресс-конференция — это было начало свободного живого слова и выхода в свободный эфир...

Я убежден, что без открытого свободного слова — живого слова — свободное общество никогда не начнется. Расшевелить аудиторию непросто, и не имеет смысла биться головой об стенку. Но я убежден, что в иных случаях аудитория готова была откликнуться: не хватило призыва. В 1968 году волна протестов против неправого суда над Аликом Гинзбургом поколебала мой скептицизм, и я решил опять попробовать возможность еще одной речи. Шли слухи, что доклад Юрия Давыдова об отчуждении будет очень смелым. Оставалось выступить в прениях — с середины, как в декабре 1965-го, заговорив о политической злобе дня. Я набросал несколько тезисов на каталожной карточке и ждал, что скажет Давыдов... Но увы! Он не сказал ничего интересного: видимо, передумал, бросил первоначальный смелый замысел. Аудитория дремала. Я порвал каталожную карточку (что там было, сейчас не вспомню). Без подготовленного общего настроения, за свои десять минут, все равно ничего не добьюсь. Потом я узнал, что в кулуарах шел сбор подписей под одним из протестов, и Ю. Давыдов его подписал.

Но попытаться высказать свой протест вслух, публично — на это он не решился. Загадку объяснили мне воспоминания П. Г. Григоренко. Рассказывая о своем выступлении на партийной конференции в 1961 году, Петр Григорьевич пишет:

«Большая часть делегатов прислала заявления в МК, в которых сообщают о своем неучастии в голосовании и несогласии с принятым решением (осудить выступление П. Г. Григоренко и лишить его депутатского мандата. При голосовании одна треть подняла руки за, а две трети не подняли ни за, ни против, ни воздержались. Как Будда в нирване). Поразило меня, — продолжает Петр Григорьевич, — что люди не боятся послать заявление-протест, но не решаются за это же самое проголосовать открыто. В этом вся система. В бюрократические учреждения можно писать в одиночку любые слезные жалобы. Вам, как правило, не ответят, но и не накажут, если дальше надо-есть не станете. За коллективные же действия, если они даже выражаются в простом поднятии руки, если это неудобно начальству, жестоко наказывают».

Оставалась последняя надежда, что Чехословакия потащит за собой Восточную Европу, а Восточная Европа — нас. Август 1968-го покончил и с этим ожиданием. Значит — никаких реформ. Будем гнить, пока колеса начнут на ходу отваливаться от автобусов или взрываться реакторы (хочется прибавить сейчас). На ближайшие годы (а может, и десятилетия) только одна перспектива: нарастающее отчуждение советских наций от замороженного русского центра, превращение наций в партии, с прогрессивной ролью окраин и реакционной ролью России. Возможно, что именно этот путь к чему-нибудь приведет (например, к распаду империи и к освобождению русского сознания и русского бюджета от имперских забот). Но если и приведет, то когда-нибудь, а пока что мне делать нечего. Я не способен сражаться под национальным знаменем — и ради чего? Чтобы деспотизм одного цвета сменился деспотизмом другого

цвета? Свобода невысказана там, где нет общего стремления к ней. А его нет. Есть, возникла уже традиция донкихотства. Но Дон Кихотом надо родиться. А я им не родился. Я мог бы принять участие в каком-то коротком бурном движении, но моя дхарма — не это. Я создан думать. И лучше своя плохая дхарма, чем чужая хорошая...

<...> В доме Мюге-Великановой я познакомился и с Петром Григорьевичем Григоренко. Он задумал основать общество по защите прав человека и собрал неформальный «круглый стол», чтобы лучше обсудить эту проблему (впоследствии я узнал, что таких военных советов было по крайней мере два, но я присутствовал на одном). Меня пригласили в качестве философа. Все это очень непохоже на обычные диссидентские решения, принимавшиеся в узком кругу, и замечательно характерно для Григоренко. Он мог планировать самые дерзкие операции, но обсуждал все детали спокойно и трезво, в лучших традициях русского генералитета.

Идея лиги (или общества) защиты прав человека приходила мне в голову еще в лагере в 1952 году. Но и в 1972-м час для этого общества еще не настал. Я сказал, что вокруг инициаторов будет создан барьер страха, и сколько было смельчаков, столько примерно и останется. Либо, если у начальства хватит остроумия, в общество сразу же запишется тысяча сексотов, они изберут свое правление, Григоренко исключат и примут резолюцию протеста против нарушения прав человека израильской военщиной. Второй способ остался на будущее, но первый действительно был применен. Лицо Петра Григорьевича сперва кажется суровым и вдруг становится трепетно ранимым. Меня поразило выражение страдания, с которым он меня слушал. Бывают такие мужественно-трепетные лица. Потом он ответил, что я недооцениваю возможности развития: в Чехословакии даже самиздата не было, а как полыхнуло! Точно не помню свой ответ. Скорее всего я повторил то, что писал в эссе «Человек ниоткуда». Чешская интеллигенция неотделима от чешского

народа, и народ видит в ней своего вождя; русская интеллигенция варится в собственном соку и только в редких случаях находит контакт с народом. Сейчас этого контакта нет, и власти могут делать все, что им угодно.

Завязался разговор об интеллигенции. Я попал на своего конька и рассказал о разных подходах к этому понятию. Тут меня поддержал студент, только что исключенный из комсомола и института за подпись под воззванием в защиту крымских татар (его приход и рассказ перебили начало наших прений). Мне было очень жаль умного мальчика, которого через несколько дней сдадут в солдаты, и я робко заметил, что лучше бы не привлекать к таким подписям студентов, очень они уязвимы. Петр Григорьевич тихо ответил: «Мы не можем без молодежи». И снова я увидел, что он сердцем чувствовал то же, что я, и даже сильнее, но ум военачальника диктовал, что не бывает войны без жертв.

Студент рассказал, как его исключали. Товарищи откровенно ему высказали в коридоре, что им плевать на все идеи, а потом дружно, без всяких моральных колебаний, подняли руки за предложенную резолюцию. Никто не захотел портить себе жизнь. Мне казалось очевидным, что эти студенты и проект Петра Григорьевича несовместимы. Но человек действия, верный своему характеру, не может не действовать, даже если действие граничит с абсурдом. И хотя современники пожимают плечами, потом оказывается, что нелепое декабристское каре зачем-то было нужно и нужен был Джон Браун, не дождавшийся, пока президентом станет Авраам Линкольн.

Мне казалось, что надо следовать приказу партизанского штаба (в «Разгроме» Фадеева): «сохранять боевые единицы», сохранять самиздат. Красный Крест — и не предпринимать наступательных операций. Диссиденты вели бой, как на Керченском полуострове в 1942-м: все силы на переднем крае и никаких резервов.

Был ли у них другой выбор? Не знаю. В конечном счете — нет. Если бы они продержались до афганской войны, то все равно пришлось бы «выйти на площадь». А до этого? Выдвигать на первое место одного, ему одному давать пресс-конференции, пока не посадят? Потом выступает следующий и т. д. Но у № 2 или № 3 нет имени, никто его не услышит. «Инициативная группа» или «Группа Хельсинки» — это было имя, это был рычаг, за который могла схватиться мировая пресса.

В эти годы армянское радио спросили, кто такие диссиденты. «Кто такие диссиденты, не знаем. — ответил воображаемый диктор. — Есть до-сиденты, сиденты и пост-сиденты». До-сиденты и пост-сиденты издавали «Хронику», а сиденты за нее сидели. И все-таки это не было совершенно замкнутым кругом. Приезжали ходоки, приносили жалобы на местные беззакония. Свято место не оставалось пусто. Возникали какие-то зародыши «неформальных», как сейчас говорят, отношений.

Таким образом, спор мой с Петром Григорьевичем можно было продолжать до бесконечности. Хотя длился он один вечер. И остался в памяти не столько предмет, сколько стиль спора: Петр Григорьевич ни разу не рассердился. Он даже не сдерживал себя. Он просто не злился. Я доказывал нежизнеспособность его любимого детища, а он внимательно слушал и вдумывался. Конечно, это норма (в том смысле, в котором норма есть идеал). Но больше я с такой нормой не сталкивался.

Вскоре Петра Григорьевича засадили во вторую психушку. Вернувшись, он почти сразу позвал меня в гости. Я рад был начать разговор с признания, что полюбил его с одной встречи. Он ответил мне примерно тем же. Но мне не с чего было сердиться, позвали дать экспертизу, и я ее дал. Так что заслуга целиком его, не моя. И в некоторых других случаях я чувствовал его нравственное превосходство. Например, когда в комнату входил и вмешивался

в разговор пасынок. Этот сын Зинаиды Михайловны до 6 лет ходил с вываливающимся языком и только в 12 впервые сказал «мама». Я застал его читающим книги, сравнивавшим Сталина с Иваном Грозным. Правда, не очень кстати. Но по словам покойного профессора *Эфроимсона* такие дети умирают до 16 лет. Что Алик выжил и научился читать — это чудо, это свидетельство умной любви, окружавшей его. Примерно так М. М. Бахтин относился к своей жене, впавшей в старческое слабоумие. Сохранить любовь к жене, однако, легче, чем полюбить дефективного пасынка.

Пригласил меня Петр Григорьевич из-за статьи «По поводу диалога», дважды зарубленной в двух редакциях 60-х годов. Подводя итог эпохе, я собрал всю свою ненапечатанную публицистику и, ничего не меняя, включил в книгу вместе с эссе (которыми дорожил) как документ для историков. Статья была попыткой убедить атеистов на их собственном языке, что не надо закрывать церкви. Для пущей убедительности я пошел на некоторые уступки, за которые мне досталось в «*Образованищине*». И вдруг этот устаревший текст, первоначально рассчитанный на комитет по делам религии, нашел своего настоящего читателя, ради которого хотелось написать все заново и получше. Петра Григорьевича захватила мысль, что праздник — не просто отдых. Он стал приводить свои собственные, взятые из жизни примеры, что разрушение структуры праздника, в центре которого было богослужение, приводит к нравственному упадку народа. И полился поток воспоминаний. Какой особый вкус был у яблока, которое впервые можно было сорвать на Спаса. И о сельском священнике, бывшем миссионере, видимо, очень незаурядном человеке. И как после богослужения начинался второй, веселый праздник. Девушки собирались в круг и допоздна пели песни. На одном краю села хор и на другом, перекликаясь друг с другом. А сейчас — он побывал в родном селе — нет песен. Все си-

дят у своих телевизоров. «Скучно живем», — сказал ему односельчанин, с которым Григоренко мальчишкой когда-то играл.

Я еще лучше понял в этом разговоре, что церковь была неповторимым центром деревенской культуры — храмом, и оперой, и картинной галереей. «А потом взрывали церкви?» — переспросил я Петра Григорьевича (он был сапером и по приказу командующего Белорусским военным округом взорвал три храма). «Да, взрывал», — грустно подтвердил Григоренко. Его новой верой стала революция. Церковь была против революции. Церковь смешалась в его сознании с дроздовцами, расстрелявшими учителя истории, полного георгиевского кавалера, избранного председателем городского совета. Этот мужественный человек, случайно уцелевший после общего расстрела (видимо, пуля, скользнув по черепу, только оглушила), надел форму со всеми крестами и пошел жаловаться к полковнику Дроздовскому на действия его подчиненных. Тут георгиевского кавалера и доби́ли.

Петр Григорьевич был замечательный рассказчик. Теперь его воспоминания опубликованы, и читатель сам сможет об этом судить. Меньше всего удались диссиденты, они все немного на одно лицо. Остальное превосходно — одна из лучших мемуарных книг, которые я прочел. Детство, гражданская война (глазами мальчика, брат которого — красный партизан), комсомольский пыл и обаяние сталинской простоты, ужасы застенков 30-х годов (по рассказам брата, в судьбу которого Петр Григорьевич вмешался и сумел сделать невозможное: вызволил несколько десятков человек), Халхин-Гол с нестандартным Жуковым, диктатор Дальнего Востока Опанасенко, нестандартный Мехлис, нестандартные действия дивизии Григоренко в Карпатах... В устных рассказах Петр Григорьевич набрасывал только черты забытого времени, о себе самом стеснялся говорить. И только в книге я увидел рыжего мальчика, брившего потом волосы наголо, чтобы не дразнили, но сохранившего на всю жизнь

солидарность с рыжими, с теми, кого дразнят, кого бьют. Впрочем, может быть, он родился рыцарем? Так, как рождаются поэтом?

«Я сидел в коридоре у окна, находящегося на высоте полутора этажей... Слева от меня, почти около самого здания, въезд и вход во двор реального училища. И вот через этот вход вливается во двор шайка реалистов младших классов, предводительствуемая старшеклассником Павкой Сластеновым (накануне показавшим дроздовцам, куда бежали члены Совета. — Г. П.). Над ними развевался белый флаг с надписью: «Бей жидов — спасай Россию!» Это же они и орут во всю глотку. И нужно же произойти такому! Откуда-то им навстречу — первоклашка — еврейский мальчик. Да еще маленький, щуплый, болезненного вида. Шайка мгновенно его окружает: «Молись своему жидовскому Богу! Сейчас мы будем спасать Россию от тебя». Образуют живой круг вокруг него, гогочут и бросают его с одной стороны круга на другую. Он плачет и падает на песчаную дорожку.

Все зло, что у меня накопилось за прошедшие сутки (когда на глазах у всех убили учителя Новицкого. — Г. П.) подкатило к горлу. Я открыл окно и прыгнул с высоты полутора этажей. Упал я почти рядом с шайкой. После, уже взрослый, я ездил специально посмотреть на это место и пришел к выводу, что теперь прыгнуть с этой высоты не смог бы. А тогда прыгнул. И сразу же начал наносить удары, крича: «Ах вы, белая сволочь!»

Один против всех. А потом за эту донкихотскую драку был исключен из школы как хулиган.

Так, со вступления в город офицерского полка Дроздовского, шедшего походной колонной с румынского фронта на Дон, расстреливая по дороге все Советы, началась в Ногайске гражданская война. А кончилась — красным террором, расстрелами заложников, если в селе находилось при обыске оружие. И Григоренко задает вопрос, на который история до сих пор не дала ответа:

«В Ново-Спасовке был расстрелян едва ли не каждый второй мужчина... но вот феномен. Мы все это слышали, знали. Прошло два года, и уже забыли. Расстрелы белыми первых Советов помним, рассказы о зверствах белых у нас в памяти, а недавний красный террор начисто забыли, хотя ЧК у нас в селе расстреляла семь ни в чем не повинных людей-заложников, в то время как белые не расстреляли ни одного человека. Несколько наших односельчан побывали в плену у белых и отведали шомполов, но головы принесли домой в целости. И они тоже помнили, зверства белых и охотнее рассказывали о белых шомполах, чем о недавних чекистских расстрелах.

В общем, расхождений с властью у меня не было. Власть была наша родная, и я был предан ей всей душой...» «Село наше, как и все соседние украинские и русские села, было «красное». Соотношение такое. У красных, к которым до самого конца гражданской войны причислялась армия Махно, из нашего села служили 149 человек. У белых — двое. «Белыми» в наших краях были болгарские села и немецкие колонии». Таковы факты, собранные Григоренко. А почему народ красным все прощал, а белым не прощал ничего — остается открытым вопросом. Вопросом мучительным, который Петр Григорьевич унес с собой в могилу. Этот деятельный человек очень напряженно мыслил. Однажды (видимо, в связи с разговорами о сущности религиозного чувства) Петр Григорьевич попросил меня даже прочитать о Достоевском. Как правило, я читал у диссидентов то, что недавно было написано. Например, у Юрия Орлова недели за две до его ареста — «Дети и детское в мире Достоевского». Помню сверляще внимательные глаза хозяина дома и общее впечатление от его вопросов, заставлявших уточнить мысль (о зле в ребенке — о детстве зла — и т. п.). Но по какой-то причине у Петра Григорьевича прочел «Эвклидовский и неэвклидовский разум»; видимо, чтобы разрушить какие-то стереотипы рационализма. Основные идеи этого довольно сложного текста он понял, опираясь только на при-

родный ум и чутье. Он не был эрудитом в философии и богословии. Но в нем шел тот поворот к вере, который захватил все 70-е годы, и кое-какие философские ходы он угадывал с полуслова.

Примерно таким он был, когда мы с ним простились. Он уезжал с уверенностью, что непременно вернется, если выживет. Я не решался его разочаровывать. Уезжал он в Штаты на полгода, чтобы сделать операцию и повидать (может быть, перед смертью) младшего сына. И очень строго соблюдал условие: никаких пресс-конференций. Но все равно его лишили гражданства... Этого человека, который был, наряду с Сахаровым, совестью России...

Остается рассказать о журнале «Поиски». Пригласил меня тогда Глеб Павловский. Но было бы смешно писать о Глебе и его друге Валере — мне. Пусть они обо мне напишут, когда я умру. А мой долг — перед Раисой Борисовной Лерт. И на этом я закончу тему «коммунистической фракции» диссидентства (как шутя называли Костерина и Григоренко). Силы Раисы Борисовны Лерт были невелики, и она с П. М. Егидесом (примерно моих лет) сразу объединилась с молодыми христианами. Общим знаменателем было признание кризиса, открытость, поиски новых идей. Бывшие коммунисты, двигавшиеся назад, к социал-демократии, из которой большевизм когда-то вырвался, не очень легко находили общий язык с демократами христианскими. Лев Николаевич Гумилев назвал бы редакцию «Поисков» химерическим комплексом. Но трудное сосуществование иногда бывает плодотворным (самый крупный пример — сотрудничество иудеев и эллинов в раннем христианстве). «Поиски» — пример маленький, но тоже хороший. Между Раисой Борисовной и Валерой Абрамкиным шли споры, но они любили друг друга, и Раиса Борисовна была в отчаянье, что посадили (при разгроме журнала) его, а ее оставили умирать дома. Она буквально просилась в тюрьму — без успеха. Властям это было политически невыгодно.

Раиса Борисовна так и осталась атеисткой. То есть какого-то уровня глубины она не чувствовала, а придумывать не хотела. Но поэзию она чувствовала превосходно, и ее сферой духа были стихи. Чувство ритма сказывалось и в ее публицистике. Некоторые ее статьи я читал с восхищением. Особенно мне понравился разбор книги Штеменко о Сталине (я упоминал об этом в «Акафисте пошлости»). Нравился и весь облик этой маленькой старушки, весившей всего 36 кг, но неукротимой в поисках нового понимания социальных проблем. Из-за чувства верности «Поискам» я отказался передать Синявским свою книгу «Сны земли». В 1978-м, после статьи Вадима Борисова в «Вестнике РХД» № 125, возводившей обвинения (в духе «Русофобии») против моего неопубликованного текста, я рванулся напечатать то, что действительно писал, хотя бы в 30 экземплярах (тираж «Поисков»), и считал морально невозможным забрать текст у разгромленной фирмы. В конце концов, «Сны» были с грехом пополам (и огромным опозданием) опубликованы, под наблюдением моих друзей, в заграничных «Поисках», издаваемых во Франции Егидесом.

Не помню, чем Раиса Борисовна задела Солженицына. Но он ассоциировал ее имя с чекистскими зверствами в Киеве. Я решил интервьюировать потерпевшую и выяснил, что зверства она видела, но не те. В 1919 году ей было 12 лет. Когда Киев взял Врангель, город отдали войскам пограбить. Офицеры грабили вежливо («Заверните мне серебро»). А район, где жила Лерт, достался казакам. Миниатюрная девочка, казавшаяся моложе своих лет, легко спряталась, старшая сестра успела убежать, зато в соседнем доме они потешились: привязали родителей к креслам и на их глазах насильовали девочек-гимназисток. Почти как в Сумгаите. Только не резали бритвами, не гоняли голых по улице и не жгли на площади — этого бы Врангель не позволил. Можно понять, почему Рая стала пламенной комсомолкой. Примерно так же, как мой тесть, А. А. Миркин, оказавшийся

свидетелем, как победоносная турецкая армия и местные азербайджанцы резали армян в Баку в октябре 1918 года. Возмущение злом, творимым одной партией, во имя одного принципа, толкает людей в объятия другого принципа, другой партии (обещающей покончить со злом № 1 с помощью зла № 2, № 3 и т. д. до бесконечности). Я готов понять и тех, и других, но я не с теми и не с другими. Я убежден, что стиль полемики, стиль конфликта важнее предмета конфликта. И важно не то, кто получит больше выгод, Литва или Россия. Азербайджан или Россия, а чтобы люди в споре не потеряли человеческое лицо. С этой точки зрения плюрализм «Поисков» казался мне плодотворнее, чем убежденность «Вестника РХД» в своей единственной истине. Хотя истинность этой истины я не оспариваю...

Коммунистическая фракция демократического движения отошла в прошлое. Она была своего рода персональной унией между революцией и ее отрицанием. Если б таких людей, как Григоренко, Костерин, Лерт, было больше, если бы Сталин не перебил Рютиных, Слепковых и пр. и пр., эти люди, оставшиеся людьми, в конце концов отошли бы от утопии, в которую влезли, с бесконечно меньшими жертвами, чем это реально получилось после сталинского террора...

Лев Толстой в «Воскресении» сталкивает Катюшу Маслову с двумя разновидностями революционеров: по сердцу и по теории. Я застал последних могики социализма сердца; они добросовестно изучали теорию и принимали ее, но глядели как-то поверх теоретической схемы. На уровне сердца между Раисой Борисовной и Валерой не было противоречий, и после всех споров они находили какое-то общее решение. Я думаю, что вообще не надо смешивать социализм как порыв к справедливости с теорией Маркса. Теория производительных сил, классовой борьбы и т. п. заняла свое место в истории науки XIX века, а порыв к справедливости никуда не делся и не может деться и будет принимать все новые формы.

Психологически диссиденты были прямыми потомками революционера, за которого Катюша Маслова вышла замуж. Но они родились в другое время — не в канун революции, а после ее горького похмелья. И их вдохновила другая идея — борьбы со злом без создания нового зла, без насилия. Не знаю, удалось ли это когда-либо полностью. Сатьяграха в Индии заставила уйти англичан — и ничего не смогла сделать против взрыва погромных страстей в собственном народе. Сатьяграха победила в Чехословакии, а в Румынии или в Китае была подавлена, и спор решило оружие. Какую роль играли диссиденты в нашей истории, не знаю. История еще только творится, трудно сказать, во что воплотится диссидентский дух. Физически диссидентство было прижато к стене, раздавлено, распято. Но дух?

Тело Джона Брауна лежит в земле.

Дух Джона Брауна шагает по земле...

Если бы мне поручили выразить философию движения, к которому я примыкал как попутчик, то я сказал бы примерно так: личность выше класса, выше партии, выше государства, выше народа, выше догматов веры. Над личностью только Бог; но и Бог — личность. Одна сильно развитая личность может — как Сахаров — уравновесить глупость и грех целого народного собрания, целого народа...

Правые диссиденты с этим, наверное, не согласны. Но я убежден, что спасение России (и всего человечества) не в толпе народа, идущей за пророком, а в каждой личности, в ее внутреннем развитии и в защите ее прав, в координированном росте свободы и ответственности. Начало этому процессу выхода из безличности положили диссиденты.

Мыкола Руденко

«А не пора ли вас, Петро Григорович, из татарского мурзы переодеть в гетмана?»³

Начало дружбы с Петром Григоренко

Теперь я чаще бывал в Москве. Как инвалиду войны железнодорожный билет мне стоил в два раза дешевле. К тому же в отдельной кассе для инвалидов войны его не трудно было купить. Это было весьма значительным облегчением, которым я охотно пользовался. Было чрезвычайно удобно в девять вечера занять место в купейном вагоне, а на следующее утро проснуться в Москве. Неподалеку от метро Сокольники у нашей приятельницы, сочувствовавшей диссидентам, была неплохая квартира, где я всегда был желанным гостем.

Конечно, я замечал, что в наше купе всегда подсаживали «сопровождающих», но мы с Раисой так к этому привыкли, что просто не обращали на них внимания. Наверняка можно было бы и не тратить государственных

³ Перевод с украинского Андрея Григоренко.

денег на такое банальное сопровождение, но советская финансовая система базировалась на том, что бюджетные ассигнования обязательно надлежало потратить — иначе на следующий год будет запланировано меньше на столько, сколько ты не сумел реализовать в этом году.

В один из таких приездов я позвонил по телефону жене Петра Григоренко — человеку, чей голос мне был хорошо знаком по ее радиовыступлениям в защиту мужа. Зинаида Михайловна пригласила меня домой, накормила обедом, а через час мы уже ехали к больнице, в которой находился Петро Григорович. Он страдал диабетом и жил на инсулине. Время от времени ему приходилось проходить курс лечения.

Дорогой пытался вспомнить все, что я знал об этом неординарном, всемирно известном человеке. Кадровый военный, который во время Второй мировой войны командовал дивизией. И вот неожиданность: после войны возглавил кафедру кибернетики в военной академии имени Фрунзе. Это была самая первая кибернетическая кафедра в Советском Союзе. Почему она создана именно в военной академии — вполне понятно. Но не понял, как ее мог возглавить вчерашний боевой комдив. Где он набрал знаний для такой работы? Однако ученые, с которыми я достаточно близко общался (Турчин, Орлов, Твердохлебов и другие), признавали в крамольном генерале почтенного научного работника. Я мог бы назвать еще и Сахарова, но как я уже писал, к Андрею Дмитриевичу я ходил не часто и не был с ним, что называется, запанибрата. Однако мне хорошо известно, что легендарный академик высоко уважал и любил Григоренко. Они действительно были близки, им было о чем поговорить. Уже это свидетельствует о глубоком уме и богатой эрудиции Петра Григоровича.

Общеизвестно, что значительное место в его правозащитной деятельности занимает борьба за возвращение крымских татар на

свою историческую родину — в благословенный, и, может быть поэтому, обделенный судьбой Крым. Как-то в разговоре со мной один украинский писатель заметил: — Не понимаю Григоренко. Страдать в психушках... И за кого? Разве не их предки из поколения в поколение разоряли Украину? Мне кажется, здесь действительно есть что-то ненормальное. Отдавать жизнь за врагов — это чистый абсурд.

Это был отнюдь не рядовой писатель, а один из тех, чье творчество изучали украинские школьники. Мне было стыдно за этого увенчанного государственными лаврами мужа. Ничего более примитивного и более банального, чем проповедь коллективной ответственности потомков за действия предков, я не знаю — думаю, что это не что иное, чем обычный фашизм. По крайней мере то, что делал с крымскими татарами Сталин и его преемники и против чего так мужественно восстал генерал Григоренко, на другое название не имеет права.

Достаточно часто это делалось будто бы ради того, чтобы восстановить историческую справедливость по отношению к украинскому народу. Можно утверждать, что и Крым был «подарен» Украине ради того, чтобы переложить на ее плечи ответственность за геноцид против крымских татар. Эта операция выглядела как достаточно выгодная акция: «подарок» ничего не менял, потому что он был чисто условным. Зато ходатайства крымских татар относительно возвращения из Средней Азии на родную землю теперь надлежало адресовать не в Москву, а в Киев, откуда поступал такой же ответ, как и из имперской столицы: «Отказать». В глазах человечества и особенно в глазах обездоленных татар-крымчаков⁴ это

⁴ Руденко применяет здесь термин, который смешивает в одну кучу две этно-религиозных общины — крымскотатарскую и крымчакскую. Обе общины уникальны, и хотя и говорят на одном и том же языке, но исповедуют разные религии: первые ислам, а вторые — иудаизм. Судьбы и той, и другой общины

преступление ложилось позором не столько на империю, сколько на украинский народ.

В человеческой истории время от времени возникают ситуации, когда подвиг Христа приходится повторять почти буквально: идти на мучения, чтобы снять с собственного народа грех геноцида — на этот раз против народа татарского. В действительности украинский народ не имел такого греха — это всем хорошо известно. Но колониальная администрация действовала от его имени — и видимо этим можно объяснить, что молодежь татарской диаспоры, трагически воспринимавшая гибель тысяч и тысяч своих соотечественников, поневоле проникалась ненавистью ко всему украинскому. И тут явился — украинский Мессия, который искупил чистое, непорочное имя Украины-страдальцы от лицемерно взваленного на нее греха. Годы и годы пришлось ему провести среди действительно психически больных, испытать на себе истязания продажных психиатров — истязания, которые мало чем отличались от голгофских.

Сам Григоренко никогда о себе так не скажет (вернее, даже не подумает), но на его плече будет всегда лежать длань Христа — и это-то даже он отрицать не станет. Генерал, которому пришлось прожить с юных лет вплоть до старости среди ледяной пустыни большевистского атеизма, действительно по-апостольски почувствует на себе эту руку. В отличие от Сахарова, который до конца своих дней остался агностиком, Петро Григорович стал верным христианином. Он дружил со священниками, а в эмиграции с митрополитом⁵ Мстиславом и другими деятелями Украинской Автокефальной Православной Церкви и похоронен под церковными стенами в Баунд-Бруке (США), месте, ставшем для диаспоры своего рода украинским Иерусалимом.

трагичны — крымские татары были поставлены на грань уничтожения, а крымчаки были практически полностью уничтожены нацистами. *Прим. А. Г.*

⁵ Патриархом всея Украины-Руси Мстиславом I. *Прим. А. Г.*

Зинаида Михайловна, сведя нас в холле, сразу же уехала домой — по-видимому, так у них было условлено. Передо мной стоял высокий, худощавый мужчина с выбритым черепом. Ему тогда было около семидесяти лет. Зеленая полосатая пижама не могла скрыть, что он стоял не на ровных, а на немного согнутых ногах — согнутых годами, пытками и болезнью. Плечи также были ссутулены, будто на них лежала невидимая ноша. Особенное впечатление оставляло его лицо: оно было открыто, светилось доверием к людям и непобедимой добротой. Такая доброта не знает ненависти даже тогда, когда наталкивается на враждебную ненависть — она только обрастает болезненной скорбью, глубокой печалью по поводу того, что мир не свободен от зла. И никогда эта доброта не умирает — даже тогда, когда умирает сам человек. Но и тогда она проступает из его дел и свершений.

Была еще одна черта в лице Петра Григоровича: губы так очерчены, что в них угадывалось что-то вечно детское. По-видимому, та чистота души, из которой рождается человек — действительно детская непорочность, которую впоследствии до дна изничтожает жизнь, слишком уж не приспособленная к бесхитростной открытости. И только вечный Дон-Кихот умудряется пронести непорочное ребячество характера через всю жизнь.

Умея, когда нужно, быть твердым как сталь, он сразу же сбрасывает доспехи, когда видит перед собой друга.

Именно таким предстал Петро Григорович во время той встречи со мной. Ему уже обо мне рассказывали друзья (Оксана Мешко, Валентин Турчин), и он видел во мне младшего брата. По возрасту он и в самом деле был ровесником моего брата Григория. Война выровняла нас в возрастном смысле, формируя из нас полки и дивизии — то есть, в сущности, причисляя к одному поколению.

— Неужели вы и в самом деле отдали компартии тридцать пять лет жизни? — спросил он, сияя лучами человеческой доброты. — Где же вы их набрали? Это почти столько же, сколько отдал ей я.

— Нетрудно посчитать: с тридцать девятого по семьдесят четвертый.

— Выходит, вы вступили в партию еще на школьной скамье.

— Так оно и в самом деле произошло. Приняли сразу же, как только мне исполнилось восемнадцать лет. Принимали в соответствии с новым уставом. Как бы обновляли его моей персоной.

Петро Григорович сидел на больничном диване, колени согнутых ног были подняты выше пояса. Я сидел рядом в достаточно удобном кресле. Мы так быстро сблизились — без какой-либо скованности, без предварительного прощупывания друг друга — как это случается лишь с людьми одной судьбы. Петро Григорович рассказал, как попала к нему первая часть моих «Экономических монологов».

— Отец Дудко все оценивает из евангельских позиций. Он находит в вашем труде подтверждение христианских истин.

— Интересно. Для этого религиозные притчи и мифы нужно читать не буквально. При буквальном чтении такого родства заметить нельзя.

— Он умеет мыслить. Я вас когда-нибудь познакомлю. Ну, а я... Я, знаете, на протяжении жизни шесть раз изучал «Капитал»... От начала и до самого конца... Хотелось проникнуть в суть. Но мне этого так и не удалось. И только после того, когда Вы мне показали последнюю страницу «Капитала»... Там, где Маркс выводит абсолютную прибавочную стоимость из естественного плодородия земли... А она же существует — эта страница! Собственно, целый раздел... Когда я это у Вас прочитал, сразу же поспешил к книжной полке. Не верилось, что такое может существовать. Это же напрочь ликвидирует все то, что писал Маркс на тысячах предыдущих страниц. Как этого могли не видеть другие?.. Извините, но Вы здесь выступаете в роли мальчика, который провозгласил: «Но король же голый!»

— Думаю, Вознесенский это также увидел. И именно за это был уничтожен Сталиным.

— Вы об этом пишете в «Монологам». Не знаю. Может, и в самом деле так оно и было. Но документально этого подтвердить пока еще невозможно. Следовательно, роль андерсеновского мальчика по праву принадлежит персонально Вам. — Григоренко говорил это с дружеской улыбкой, дабы избежать высокопарности. Затем перешел на серьезный тон. — Мне бы хотелось написать предисловие к вашим «Монологам». Мы с Сахаровым говорили на эту тему. Он мне объяснил, почему прекратил работу над предисловием. Для этого следовало сесть за изучение Маркса. Он его никогда по-настоящему не изучал... И знаете, когда я ему объяснил, что в Вашем труде нет никаких передергиваний, то он аж весь засиял от радости. Поверив в солнечное происхождение прибавочной стоимости, у него оставались сомнения — не передергиваете ли вы Маркса? А проверить это у него не было возможности. Теперь он не жалеет, что выступил консультантом по вопросам физики в труде, который этого достоин.

Я догадывался относительно этих сомнений Сахарова. Именно поэтому и не обременял его совести своими визитами. Интуиция мне подсказывала, что между нами должна существовать определенная дистанция. Теперь мне было очень приятно узнать, что все сомнения исчезли.

Я искренне поблагодарил Петра Григоровича за его предложение относительно предисловия к «Монологам». Он прочил моему труду большое будущее. Но не ошибался ли он? Попрощались мы не просто друзьями — братьями.

О встречах с Григоренко я мог бы рассказывать без конца. Зачастую я бывал у него дома, засиживаясь в разговорах до полуночи. Он жил в небольшой квартире неподалеку от парка им. Горького, еще более открыто, чем Сахаров. Отворяя свои двери для всех, кто хотел с ним встретиться. Я иногда просиживал у него целыми дня-

ми, не имея возможности обсудить то, ради чего собственно и пришел в Москву. Люди шли и шли. Преимущественно это была молодежь. Ко мне он относился как к близкому родственнику — поэтому оставлял для разговора со мной вечер. Иногда спохватывался:

— И что это я право? Ко мне приехал друг из Киева, а я совсем не уделяю ему внимания.

— Успеем побеседовать, Петро Григорович. Я никуда не спешу.

Я хорошо видел, что подавляющее большинство его посетителей (так же, как и Сахарова) приходили ради того, чтобы где-то похвастаться: «А я знаком (знакома) с генералом, о котором толкуют все радиостанции мира. Не верите? Вот взгляните на эту фотографию». И в самом деле, какой-то малоинтересный, тщеславный человечек показывал фотографию, где он сидел рядом с Григоренко.

Запомнилось, как мы ходили на просмотр фильма «Обыкновенный фашизм». Лента была порезана, многое из того, что поражало в оригинальном варианте, теперь отсутствовало. И все же фильм смонтирован из документальных кадров так, что скрыть аналогию между немецкой и советской жизнью времен Гитлера и Сталина [цензуре] не удалось. Вот, например, Гебельс собрал писателей и втемяшивает им в головы идеи гитлеровского рейха. Вот мы на выставке скульптуры гитлеровских времен: громадные фигуры идеальных героев, которым надлежало прославить фатерлянд. И так кадр за кадром. Как это напоминало и нашу пропагандистскую машину, и наш соцреализм! И само название «Обыкновенный фашизм» касалась не только гитлеровской Германии — это понимал любой мыслящий человек. В советской прессе фильм не просто критиковали — его пытались уничтожить. Когда мы вышли из кинотеатра, Петро Григорович сказал:

— Знаете, Мыколо... Мне временами кажется, что мы живем в глубинах какого-то темного, злобного страшилища. Мы словно его

органы, оно мыслит и разговаривает за нас. Оно одинаково и в Берлине, и в Москве, и в Пекине. То же мышление, та же система образов.

— И при этом, — прибавил я, потому что также не раз об этом думал, — какая свирепая вражда Берлина с Москвой, а Москвы с Пекином. Как это объяснить?

— Не знаю, — грустно улыбнулся Григоренко. — По-видимому раздвоение личности. Помните четвертый раздел «Краткого курса истории ВКП(б)»?»

Конечно, я хорошо помнил. Нас ведь еще соединяло и это: мы проходили одинаковый путь выздоровления от марксизма-ленинизма.

По пути домой Петро Григорович купил капусту и держал ее на ладони, как вратарь держит только что пойманный футбольный мяч. Он был одет в хорошо пошитое осеннее пальто, которое едва покрывало колени, это пальто прислал его сын Андрей из Германии. Безо всякого перехода Григоренко заговорил об Украине:

— Ошибся Богдан, присоединившись к Московии. Очень ошибся. «Вот оно! — подумал я. — Всю жизнь прожил москалём, а свое украинское нутро не потерял».

В другой раз я пошутил:

— А не пора ли Вас, Петро Григорович, из татарского мурзы переодеть в гетмана?» Он засмеялся:

— Для гетмана я уже слишком старый. Может, писарем возьмете?

— Подумаем, — в тон ему ответил я. — Без дела не останетесь.

В начале осени 1976 года мы с Раисой встречали супругов Григоренко на киевском вокзале. Я искренне жалел, что у меня теперь не было машины: повозил бы дорогих гостей по Украине, показал бы ее красоту и богатство.

Вот в дверях вагона показался высокий, худой генерал. Он довольно и радушно улыбался. Вслед за ним в наших объятиях ока-

залась Зинаида Михайловна, которая была его ровесницей. Мы повезли их в Кончу-Заспу. Мы отдали им большую комнату в нашей небольшой квартирке, а сами разместились в десятиметровой, смежной с кухней. КГБ ко встрече Григоренко подготовился так, как будто в нашей квартире расположился штаб враждебной армии. Вот что впоследствии (уже в Америке) напишет об этом Петро Григорович:

«В сентябре 1976 года мы с женой приехали погостить к Мыколе и Рае. Как обычно, за нами прибыло и сопровождение из тайных агентов КГБ. В Конче-Заспе они встретились с агентами, которые следили за Руденко. Образовалась своеобразная наблюдательная база двух управлений КГБ — московского и киевского. Расположилась эта база в кинобудке местного клуба, прямо напротив входа в квартиру Руденко, в каких-нибудь 10–15 метрах. Тем самым жители Конче-Заспы были лишены возможности смотреть кино на протяжении всего нашего пребывания в этом поселке. Но никто в связи с этим не возмущался. Напротив, многие из местных жителей предупреждали Руденко, что из кинобудки их квартиру подслушивают и ведут за ней наблюдение. Рассказывали даже об установленном там техническом оборудовании.

К постоянной слежке мы привыкли и поэтому только смеялись над неловкой суматохой киевского КГБ на виду у здешних жителей. Вспомнили шутку, которой дал жизнь Александр Гинзбург: «И чего подслушивают? Все равно ничего хорошего мы о них не скажем». Посмеялись, пофотографировались на фоне этой кинобудки да и перестали обращать внимание на свои «хвосты», которые теперь в удвоенном числе тянулись повсюду за нами».

Однажды в лесу, неподалеку от кинобудки, я заметил на кучке хвороста достаточно большое количество использованной киноленты. Как видно, ее готовились сжечь, но еще не успели. Я догадался, что это лента из той же кинокамеры, которая непрерывно снимала вход в наш дом, — чтобы зафиксировать всех, кто у нас

бывает. Наклонился и начал рассматривать пленку. Она была узка, рассмотреть кадры я не мог, но делал вид, будто что-то там вижу. Понимал, что вот-вот должен появиться тот, кто по какой-то причине не успел ее спалить. Он и в самом деле появился — молодой, белокурый, в спортивном костюме. Стоял поодаль, опасаясь приблизиться ко мне. Мне даже издалека было видно, как побледнело его лицо: такой бессмысленный «прокол»! Наконец мне стало его жаль, и я пошел себе дальше, а гебист-кинооператор заторопился поскорее разжечь костерок.

Петро Григорович работал над статьей о Рое Медведеве, которого обвинял в бесосновательных нападках на Солженицына. Раиса перепечатывала его предисловие к моим «Монологам» — предисловие, которое было для меня самым высоким вознаграждением за все пережитое. Мне кажется, что никто не понял так глубоко и полно мой труд, как понял его Григоренко. Это порождало во мне надежду, что для моей работы еще наступит благоприятное время.

К сожалению, не обошлось и без грустного эпизода, о котором я и до сих пор сожалею. У меня это вышло само собой, без каких-либо намерений доставить неприятность моим дорогим гостям. Я так привык к ленинским тезисам о нациях притесняемые и нациях-угнетателях, что думал, будто все воспринимают их одинаково, без всяких сомнений и возражений. Поэтому в беседе, которая затронула проблему векового угнетения Украины, проронил такие слова:

«Русскому народу придется многое сделать, чтобы забылись эти черные страницы нашей истории».

Боже, как эти слова оскорбили Зинаиду Михайловну! Мои гости не спали целую ночь, до самого утра. Зинаида Михайловна вышла на кухню с заплаканными глазами. Петро Григорович вызвал меня в коридор и затем в лес, за гаражи:

«— Я едва уговорил Зинаиду остаться. Она требовала, чтобы мы немедленно вернулись в Москву. Ты ее очень оскорбил.

— Это же Ленин оставил учение о нациях притесняемых и нациях-угнетателях. Наверное же не Украина угнетала Россию, а наоборот, — пробовал я оправдаться.

— Ленин, Ленин, — мрачно передразнил меня Григоренко. — Кто сегодня считается с Лениным? Он много чего наболтал. Временами такого, что хоть стой, хоть падай.

— Выходит, мы, демократы, в национальном вопросе стоим ниже его?

Григоренко заметно стушевался.

— Жена, Миколо. Жена!..

Да, это был аргумент, против которого нельзя выставить никаких возражений. Я все же нашел слова, которые успокоили Зинаиду Михайловну. Забегая вперед, скажу: в эмиграции Григоренко пришлось много вращаться в среде украинской диаспоры, а они, как известно, вслед за Донцовым и Стецько не очень уважали москалей⁶. И все же Зинаида Михайловна сумела найти политическую формулу, которая устраивала и ее саму, и прихотливых слушателей:

— Я провозглашаю тост за самостоятельную Украину и самостоятельную Россию.

Так она выступала на всех торжественных собраниях. Тогда еще никто не представлял, что Россия также пожелает самостоятельности. Слова Зинаиды Михайловны звучали странно и необычно, но их принимали доброжелательно. Сегодня можно сказать, что она оказалась пророком.

⁶ Стричь всю украинскую диаспору под одну гребенку не только несправедливо, но и опасно. Из своего сорокалетнего опыта скажу, что украинская диаспора намного толерантнее и сплоченнее, чем многие другие национальные диаспоры, а политический спектр соответствует спектру любой западной демократической страны. Замечу также, что термин «москаль», который использует здесь Руденко, распространен только в крайне-правых кругах диаспоры, которые отнюдь не представляют большинства украинской диаспоры. *Прим. А. Г.*

Григоренко верил, что выход «Экономических монологов» на Западе привлечет к ним широкое внимание. Он хорошо видел, что учение физиократов, которые жили за двести лет до нас, было только здоровым началом энергетического понимания природы прибавочной стоимости. Лишь вторая половина двадцатого века предоставила возможность завершить это учение, чтобы создать физическую экономию как стройную, максимально обоснованную науку. Он думал, что мне это в значительной мере удалось осуществить — поэтому ученые Запада не могут этого не заметить. Его беспокоило, сумею ли я достойно держаться на пресс-конференциях, которые, по его мнению, возникнут неминуемо, — и именно поэтому он решил меня проэкзаменовать.

Мы вышли из поселка и через лесничество спустились в урочище Виты. Я уже несколько раз рассказывал об этом благословенном уголке, где можно встретить грибы-зонтики величиной со шляпу и грибы-порхавки размером не меньше большой тыквы. И тот, и другой принадлежат к грибам съедобным, понятно, что даже одного из них достаточно на обед для целой семьи. Однако не только грибами славилось урочище, но и лосями, косулями, дикими кабанами и особенно десятками бобровых «колхозов». Бобры искусно подсекали тополя и ольху, клали их с удивительной точностью поперек полустоячих рукавов Виты и заселяли свои сооружения чрезвычайно деятельными потомками.

Цветы уже отцвели, но трава еще не засохла, солнце пригревало щедро и весело. Мы присели на двух дубовых пнях и начали репетицию пресс-конференции.

— Какую цель вы ставили, работая над «Экономическими Монологами»? Что Вы хотели сказать этим произведением? — спрашивал меня Петро Григорьевич, вживаясь в образ зарубежного корреспондента.

— Хотел показать катастрофическую ошибку Маркса в определении субстанции абсолютной прибавочной стоимости. Не общественный труд, как думал Маркс — сама природа стоит в ее основе. Человеческий труд является лишь направляющим фактором, но не субстанционным. Это такая огромная ошибка, что она обязательно разрушит государство так называемого развитого социализма. Люди потребуют понять, отчего это произошло. Без критического рассмотрения Марксового учения, они не будут в состоянии этого понять. А это значило бы, что когда-то будет возможно повторение этой кровавой, антинаучной утопии.

— Гм-м.» — удовлетворено улыбнулся Григоренко. — Вас разбуди среди ночи — и Вы немедленно же прочитаете лекцию на эту тему.

— Чтобы было кому слушать, я создал несколько вариантов того же труда. На все вкусы.

— Мне известен лишь один.» — заметил Петро Григорович.

— Есть еще «Энергия прогресса». Сахаров читал этот труд.

— И что?

— Посоветовал написать для «самиздата» как можно проще. Так появились «Экономические монологи».

— А что такое относительная стоимость? Чем она отличается от абсолютной?

— Тем, чем отличается жестяная коврижка на витрине от натуральной коврижки на магазинной полке.

— Сравнение яркое, — сказал Григоренко, — но достаточно туманное. Нельзя ли перейти от метафор к научным определениям?

— Ладно, — согласился я. — В самом слове «стоимость» мы уже имеем не естественно производственный, а лишь монетарный подход к экономическим процессам. Вполне возможно, что исходя из этих позиций, Маркс может быть полезным. Если это и в самом деле так, то польза от его трактовки имеет ограниченный характер

и должна сопровождаться многочисленными предостережениями. А таких предостережений в «Капитале» нигде нет. Напротив, марксизм рассматривается как абсолют и даже руководство к действию. Именно отсюда выводится необходимость пролетарской революции и пролетарского государства. Что из этого вышло — хорошо известно: миллионы, десятки миллионов человеческих жертв, реки крови и бесчисленные озера слез.

Между тем белая косматая собачка, которую я подкармливал во время своих сторожевых бдений возле лодок, начала свирепо обгавкивать ольшаник, возле которого мы сидели. Эта собачка напрашивалась ко мне в друзья, я же по большей части гнал ее прочь — поэтому то она нас охраняла тайком. Теперь она прямо захлебывалась от ярости, заметив в кустах врага.

Григоренко, сразу же сообразив, в чем дело, поднял обломок толстой ветки и двинулся к кустам. Оттуда выскочил молодец в спортивном костюме с магнитофоном в руке — такие амбалы изо дня в день сопровождали нас с Раисой, как только мы выходили из дома. Здесь недалеко спортивная база, именно поэтому гебистские топтуны и рядились под спортсменов.

Григоренко швырнул в него обрубок, но не попал.

— Ах, ты стерва, выродок несчастный, — вместе с обрубком бросал вслед топтуну тяжелые слова Петро Григорович. — Как вас только святая земля носит?

Ответа на этот риторический вопрос он, конечно, не дождался. Пошел в кусты по нужде и, вскоре вернувшись, озабоченно заметил:

— Аденома простаты мучает. Нужна операция. Но разве в этой стране можно ложиться на операционный стол? При этой операции высокая смертность. Андрей зовет в Германию, а я боюсь — назад не впустят.

Так и не пустили. И я в сибирской ссылке слышал по радио, как плакал старый Григоренко по родной земле. Говорил о Родине,

о друзьях (в том числе и о нас с Раисой), о нашей рабской судьбе — и не выдержал: разрыдался прямо в микрофон.

ПЕТРУ ГРИГОРЕНКО⁷

Так просто все — напишешь покаянье.
Вот только что получишь в воздаянье
за пару фраз возврата во вчера?
Шумит в ручье прохладная вода,
деревья и цветы все в искорках росы
и за окошком гомон детворы,
в озерах — рыба, птицы — в небесах
и сладость поцелуя на устах...
Так просто все!
Лишь будешь ты не ты,
согбенный недугом кромешной пустоты,
иссохший телом, ясный взгляд потух.
Ты — только оболочка, а не дух.
Иди назад в свой кабинетный рай
и старые костюмы примеряй.
Тропинкой прежней в роще пробежишь...
Вот только душу вряд ли возвратишь.
Десяток пыткой вымученных слов —
не сбросить тех невидимых оков.
И нет тебя. Кругом сплошная тьма —
в людском обличе спрятана тюрьма.

⁷ Это стихотворное письмо, присланное Руденко отцу из Донецкой тюрьмы осенью 1977 года, впервые опубликовано в отцовской книге «В подполье можно встретить только крыс...», опубликованной моим издательством «Детинец». На русский язык стихотворение было переведено мной, но в то время я решил подписаться псевдонимом. *Прим. А. Г.*

Пётр Старчик

За дружбу прежних дней

Думаю, что и мое вступление на тропу диссидентства произошло в тот трагический 1968 год, когда пять стран Варшавского договора танками, самолетами, лавиной автоматчиков вторглись в Чехословакию. Почва же была подготовлена именно моим страстным увлечением песнями известных бардов Булата Окуджавы, Александра Галича, Владимира Высоцкого, Юлия Кима и других. С одними из них я был знаком, с другими уже завязалась дружба и выступления в тех концертах, которые в нашей стране проходили за пределами официальной сцены. И только изредка, только с проверенным репертуаром можно было прорваться на ее подмостки. Естественно, я тогда же окунулся в ту среду, которая распространяла «Самиздат», «Хронику текущих событий». Будучи тогда студентом психологического факультета МГУ, я видел, что в среде учащихся с огромным интересом зачитывались стенограммой обсуждения книги А. М. Некрича «1941. 22 июня», романом Александра Солженицына «Раковый корпус», книгой Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» и другими «крамольными изданиями». Тогда я и решил принять участие в борьбе с теми, кто делал все возможное для возрождения сталинизма.

Вскоре дома я не только стучал на машинке, но и организовал «нелегальную типографию». Печатал и распространял «Хронику», отдельные самиздатовские работы,

листочки. Видимо, моя нелегальная деятельность привлекла внимание спецслужбы. После нескольких оперативных комбинаций я был арестован. Допрос в КГБ Москвы вел ее будущий глава Алексей Трофимов (только во второй половине девяностых годов снятый с этого высокого поста). В то время он считался опытным следователем, ибо ему поручали наиболее «мокрые» дела тех, кто арестовывался по политическим основаниям. Среди таковых его подследственных был и Сергей Ковалев. На столе Трофимова лежали изъятые у меня во время обыска тексты «Самиздата», запрещенных песен и их кассетные записи, листовки, детский резиновый шрифт, который я приобрел в «Детском мире» и использовал при печати «крамолы». Кстати, вскоре этот шрифт был изъят из продажи.

Допрос проходил в Лефортово. Трофимов менял тактику допроса. То допытывался, почему я стал на путь борьбы, кто мои общники, то начинал укорять меня за нелегальную деятельность.

— Петр Петрович, не стыдно? Вы крадетесь ночью, как вор, прячься от советских людей, по Москве. Отец двух детей. Серьезный человек.

Я чувствовал неловкость. Его слова казались мне справедливыми, но тут я вспомнил Петра Григорьевича.

— А как же вот, — выпалил я, — боевой генерал Григоренко Петр Григорьевич! Он также крался по Москве, и сыновья ему помогали в распространении листовок.

Трофимов тут же «прокис». После длительных допросов, очных ставок состоялся суд, и я был направлен на принудительное «лечение». Фактически же с неограниченным сроком. Так я пошел «тропой Григоренко». Испытал я «Белые столбы», палаты Института Сербского, а потом и знаменитую Казанскую больницу — тюремно-психиатрический заповедник специального типа. Помню, что в Институте Сербского не раз медицинский персонал рассказывал

о том, как в одной из палат был в заточении генерал Григоренко. Он мне был известен тогда только по рассказам диссидентов.

Через три года я вышел на свободу. «Я считаю использование психиатрии в политических целях, — прочел я позже в «Воспоминаниях» Андрея Дмитриевича Сахарова, — чрезвычайно опасным действием государства. Его опасность в том, что оно наиболее непосредственно направлено против мысли и разума, чрезвычайно трудно для юридической защиты, деморализует, дискредитирует и унижает человека. Опасность усугубляется той бесчеловечной и антиправовой обстановкой в специальных психиатрических больницах... и общим конформизмом, и лицемерием нашего общества, его закрытостью, отсутствием свободной прессы. Подчеркиваю, что я все время говорю именно об использовании психиатрии в политических и идеологических целях, а не о помещении в психиатрические больницы здоровых людей, как иногда пишут в некоторых публикациях; такие экстремальные случаи тоже имеют место, но не это — суть проблемы. Фактически власти обычно выбирают в качестве своих жертв людей с теми или иными отклонениями от нормы, большей частью минимальными и не требующими изоляции, быть может, требующими некоторой медицинской помощи, но как раз ее эти люди и не получают в специальных психиатрических больницах... Особенно это опасно в обществе с тоталитарной идеологией! Очень часто в основе преследования лежат религиозные или философские убеждения»⁸.

Здесь все точно. Так точно Андрей Дмитриевич оценил психиатрические репрессии. В своих воспоминаниях он не раз обращается к теме этих страшных, жестоких, свирепых методов расправ с инакомыслящими. Много страниц посвятил он судьбе прекрасно-

⁸ Сахаров А. Д. Воспоминания: В 2 т. — Т. 1. — М.: Права человека, 1996. — 912 с.

го поэта Виктора Некипелова. Его судили за стихи. Он известен как автор блестящей статьи «Институт дураков» (о расправах по политическим основаниям в знаменитом Институте психиатрических экспертиз имени Сербского) и другой работы «Сталин на ветровом стекле». Этот медик-фармацевт был членом Хельсинкской группы. Целая сеть чудовищных психиатрических тюрем покрывала нашу страну: Казанская, Орловская, Сычевская, Днепропетровская, Черняховская и другие.

И вот «Казанка» позади. Я еду по Москве с замиранием сердца вхожу в первый подъезд большого дома на улице Чкалова. И оказываюсь в объятиях Андрея Дмитриевича. Он звонит к Петру Григорьевичу. Там уже накрывают стол по случаю моего возвращения. Андрей Дмитриевич, будто какого-то героя, везет меня к генералу. Все время сзади подталкивает, дружески выставляет вперед. Обнялись мы и с генералом. Он широкоплеч, грузен, мягкая теплота в его добрых глазах просто покоряет. Тут же и его жена, которую он называет «хозяйкой генеральского дома». Зинаида Михайловна была верной опорой во всем. Все диссиденты не только уважали эту женщину. Они знали, что она очень много делала для правозащитного движения. Мне казалось, что Зинаида Михайловна командовала в доме. И Петр Григорьевич ей во всем подчинялся. Изредка он мог и взорваться, и вспылить, когда чувствовал — что-то не так делается. И тут уж умела уступить она. Вместе они ухаживали за тяжелобольным сыном Аликом. По поводу моего приезда квартира была буквально забита до отказа. Коротко я рассказывал о спецпсихушке, уголовном мире, который окружал в ней помещенных туда по политическим мотивам. Было среди уголовников и не мало убийц. Лечение прекращалось и они выходили на свободу. Рассказал я, как традиционно медперсонал спецпсихушки называл «палатой Григоренко» или «палатой генерала» ту, в которой «лечили» Петра Григорьевича.

Я приехал из заточения с песнями. Петр Григорьевич попросил меня спеть. Потом так бывало не раз. В отличие от бардов-гитаристов, я еще играл и на рояле.

— Ну, роялист, спой-ка нам, — обращался Петр Григорьевич.

И я пел, то играя на гитаре, то на пианино. Иногда Петр Григорьевич и Зинаида Михайловна вместе с присутствующими мне подпевали. Помню, что он особенно любил «Лубянские страдания» Даниэля, «Квартиру» Мандельштама, «Белые столбы» Галича.

Вспоминаю и еще один необычный вечер. То было после возвращения Петра Григорьевича из Черняховской спецпсихушки. Приближался его день рождения. 16 октября 1977 года ему исполнилось ровно семьдесят. Правозащитники решили отметить этот день по-особому. Каждый готовился по-своему. Я продумал свой репертуар. Но вскоре мне пришлось выполнить и дополнительную функцию. Было решено изготовить юбилейный торт. Взялись за это бывшие политзаключенные Владимирской тюрьмы. Знали, что КГБ может сорвать этот юбилей. Поэтому все было тщательно продумано. «Владимирцы» во главе со скрывавшимся тогда диссидентом Михаилом Макаренко, по специальному рецепту готовили юбилейный торт. В большой таз замесили килограмм на десять растертый хлеб, маргарин, печенье, сгущенку, мармеладные конфеты. В день юбилея Михаил Макаренко тайно, уходя от слезки, привез и передал мне под Крымским мостом это не печеное и не пареное изделие, изготовленное бывшими политзэками. И вот я в квартире, где опять битком народу. За столом в центре Петр Григорьевич и Зинаида Михайловна. На столе бутылки водки, множество закусок, масса тортов. Я держу мой торт в закрытой большой миске. Подхожу к столу. Начинаю приветствовать. Потом, став на колени, сдергиваю покрытие, и перед присутствующими предстает наше кулинарное изделие. Все смотрят вниз. Андрей Дмитриевич Сахаров, Татьяна и Наталья Великановы, отец Сергей Желудков и другие на известной фотогра-

фии, которая помещена в книге Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР» вместе с Петром Григорьевичем и Зинаидой Михайловной буквально застыли с удивлением на лицах, а слева я стою на коленях. В снимок-то, к сожалению, не вошел тот замечательный и необычный торт. На нем была и теплая надпись: «От узников Владимирской тюрьмы — любимому Петру Григорьевичу Григоренко».

Одна за другой поднимались рюмки. В честь Петра Григорьевича, его верной жены, соратницы и друга Зинаиды Михайловны. И Петр Григорьевич вновь попросил меня спеть. Особенно ему нравилась песня на стихи Давида Самойлова «Как в поход собирался Вук». Исполнял я песни Ю. Даниэля и Ю. Кима, а также и мои собственные. И когда я начал исполнять цикл песен на слова Роберта Бернса, Петр Григорьевич прослезился. Там была и застольная, будто сочиненная для именинника и его многострадальной подруги жизни.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас
Товарищ юных дней...

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Потом следовали и другие песни на стихи шотландского поэта: «Макферсон перед казнью», «Честная бедность», «Древо свободы». Когда я дома рассказывал моей жене Саиде и детям Петру и Марине о мужественном и нестигаемом генерале, борце за свободу и права репрессированных при Сталине народов, то позже им было легче переживать, когда я был в очередной раз арестованным. Не раз вспыхивали в квартире Петра Григорьевича и жаркие споры. Судьба немцев Поволжья, крымских татар, чеченцев, карачаевцев, литовцев, латышей, эстонцев и других народов, перенесших ужасы сталинских депортаций, была особенно волнительной темой. Я говорил, что в этом виновны коммунисты, выступал противником марксизма. Петр Григорьевич, с жаром и непоколебимой убежденностью, доказывал, что развращенная власть и сталинизм ничего не имеют общего с коммунистическими идеалами. Таким он оставался и до отъезда на лечение в США.

Все трагическое, произвол и деспотия властей не должны повторяться. Видимо, когда сборник воспоминаний выйдет в свет, уже пройдет 90-летие со дня рождения Петра Григорьевича. Власти не проявляют пока каких-либо усилий в направлении достойной его встречи. Более того, идут отказы по всем направлениям. И о переименовании площади или улицы в честь Петра Григорьевича, об организации музея-квартиры и центра дружбы народов его имени, издании его трудов и т. д.

Но самое страшное, хочется надеяться, позади и не должно повториться. Новые наши поколения не должны испытать то, что выпало на долю репрессированных народов и борцов за их права и свободу. Думаю о том времени, когда мои младшие дети начнут читать и поймут нашу трагическую историю. Иногда я беру в руки книги, которые ее отразили правдиво. Одна из них — Андрея Сахарова «За и против. 1973 год: документы, факты, события». Она издана в Москве в 1991 году. Есть в ней и документ «Заявление Комитета

прав человека». Оно посвящено психиатрическим репрессиям в СССР. «Комитет напоминает», — говорится в нем, — имена некоторых лиц, объявленных психическими больными по политическим мотивам: Григоренко, Файнберг, Борисов, Гершуни, Убожко, Шиханович, Плющ, Старчик, Лупынос, Белов, Кукобака, Лысак, Мухамедьяров, Монтиевич, Буткус, Лавров. Комитет отмечает, что лица, направленные на принудительное лечение, практически не имеют никакой защиты от необъективных экспертиз, от необоснованного, неограниченного продолжения госпитализации, от произвола, от жестокого и унижающего обращения. Их право на защиту своих убеждений и законности действий, связанных с убеждениями, оказывается нарушенным, так как суд, к тому же заочный, рассматривает их убеждения и как следствие, и как доказательство психической болезни...»⁹

Далее следовал призыв к созданию международных комиссий Всемирной организации здравоохранения, Красного Креста и других организаций, проведению обследования специальных психиатрических больниц, выступлению в защиту репрессированных. Под обращением стоят подписи Андрея Сахарова, Григория Подъяпольского и Игоря Шафаревича.

Этот документ появился в то время, когда я оказался вновь за тюремной решеткой и был вновь брошен в спецпсихбольницу. Арест произошел 15 сентября 1976 года. На сей раз моя «вина» была в исполнении домашних концертов, исполнении нежелательных властям песен в собственной квартире. Тогда в мою защиту передано было иностранным корреспондентам несколько заявлений, в том числе обращение к тогдашнему президенту Франции Валери Жискар д'Эстену. Главный психиатр Москвы Котов, который не

⁹ Сахаров А. За и против. 1973 год: документы, факты, события. — М.: Независимое издательство ПИК, 1991. — С. 232–233.

так давно грубо кричал на мою жену, жаловавшуюся ему на произвол властей, неожиданно приехал ко мне в больницу и принес извинения. 15 ноября меня освободили. Это была большая победа. Победа Комитета по защите прав человека. Восстанавливая справедливость, отмечу, что именно Петр Григорьевич, ратовавший за образование Комитета по защите политзаключенных, положил начало первоначально созданию Инициативной группы, которая проложила дорогу к созданию Комитета по защите прав человека. В его руководство вошел и Андрей Дмитриевич Сахаров. Сам же Петр Григорьевич вновь оказался перед палачами от КГБ и медицины. Их решение: «признать опасным для общества невменяемым». Власти чередуют допросы в Лефортово и «обследования» изуверами Института Сербского. Бросают Григоренко в палату, где рядом с ним помещают убийцу-рецидивиста.

За решеткой оказывались многие, кто становился в ряды борцов с этим психиатрическим произволом. Так был арестован Володя Буковский, который передал на Запад материалы о незаконных психиатрических экспертизах по политическим основаниям. Жертвой произвола стал и психиатр Глузман, который составил анонимную экспертизу, которая раскрывала тайны расправы над Петром Григорьевичем.

Вскоре после выхода на свободу из казематов до Петра Григорьевича дошло приглашение из США, чтоб он выехал на лечение. Там жил вырвавшийся из России, ранее непрерывно преследуемый его сын Андрей. Видимо, «власть держащие» решили выпустить Петра Григорьевича, а потом захлопнуть дверь и не впустить обратно в страну. ОВИР¹⁰ дал разрешение. Естественно, с согласия КГБ и Политбюро. Провожали дружно. До отказа вновь набита квартира. Вновь любимые песни. Видел, как у Петра Григорьевича

¹⁰ Отдел Виз И Регистрации иностранцев — эмиграционная служба СССР.

выкатились слезы, когда я спел очередную песню на слова Роберта Бернса «Да здравствует право на жизнь!».

За тех, кто далеко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.

Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.

Каждый, кто был тогда за столом, старался ободрить Петра Григорьевича и Зинаиду Михайловну. Она, вместе с Петром Григорьевичем, прослезилась. Но, смахнув слезу, вместе с мужем и всей дружеской компанией подтягивала куплет. Эти вышеприведенные строки курировавший следствие над Кронидом Любарским высокий чин КГБ вычеркивал из его писем. Тогда же песня звучала, бодрила, радовала, притягивала друг к другу.

За тех, кто далеко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе воин, что вскормлен и вспоен
В снегах на утесе крутом¹¹.

Пели. Представлялось, что Петр Григорьевич тот самый из «якобитов», борец за свободу Чарльз Стюарт, потомок мятежного короля Шотландии, живший в изгнании. И он уже был нашим символом борьбы. Его так и называли все — «Наш генерал!».

Он любил песни Виктора Некипелова, погибшего в эмиграции. По его просьбе я спел их. Петр Григорьевич начал, по заведенной

¹¹ Бернс Р. Избранное: В 2-х кн. — Кн. 1. — М., 1963. — С. 183–184.

у политэков традиции, раздавать вещи. Мне досталось его пальто. Я его бережно храню. Провожали, чувствовали, понимали, что, раз выпускают генерала, то наверняка не пустят назад. Так и случилось. На Шереметьево-2 доехали, когда был уже поздний вечер. Вновь крепко обнимались. Целовали друг друга, старались ободрить. Зинаида Михайловна, прижавшись к мужу, повторяла: «Петро, нас не пустят! Не пустят обратно!». Он старался ее ободрить.

Вскоре в «Ведомостях Верховного Совета СССР» появился Указ Президиума Верховного Совета СССР за подписью Л. Брежнева о лишении гражданства Петра Григорьевича. Из США вести о его болезни были все более тревожные. Шли годы. В феврале 1987 года пришло известие о его смерти. И еще несколько лет друзья и товарищи будут добиваться его реабилитации, возвращения генеральского звания, возвращения наград... Власти и новые подолгу и часто оставались глухи.

И вот я в зале Центрального дома литераторов, где в конце 1993 года отмечалось 85-летие со дня рождения генерала. Звучит в темноте голос покойного барда Александра Галича. В глубине сцены, выхваченный снопом света, портрет генерала. Из репродуктора раздается «Горестная ода счастливому человеку». И затем объявлено, что песня посвящается Петру Григорьевичу Григоренко. Я долго думал, что расскажу собравшимся о генерале, что надо бы вспомнить. Когда получил слово, то вынес на сцену то самое пальто, которое подарил мне Петр Григорьевич перед отъездом и бросив его на пианино, рассказал об этом трогательном прощании. Песня же, которую я исполнил, принадлежала любимому Петром Григорьевичем барду Виктору Некипелову. Он назвал ее «Компания».

Зато с мешками мне не мучаться,
Не волочить их на спине.
Мое тюремное имущество –
Все то, что есть сейчас на мне.

Тут что ни вещь — друзей старания,
И есть кого припоминать.
Такого пестрого собрания
Нарочно было б не собрать.

Такого ладного и ноского,
Такого теплого вдвойне.
Вот брюки Гриши Подъяпольского
И Пети Старчика кашне!

Как будто весь я скроен заново.
Не сразу скажешь: кто есть кто.
Вот шапка Тани Великановой,
Петра Григорьича пальто.

И вновь родные вижу лица я,
Не устаю благодарить.
Какая добрая традиция –
Одежду узникам дарить.

И словно нету расставания,
И все они опять со мной.
Как будто всей честной компанией
Сидим мы в камере одной!

Кругом были именно эти лица. В зале были и выходили на трибуну Лариса Богораз, Сергей Ковалев, Генрих Алтунян, Алексей Смирнов. Но многих уже не было в живых. Не было с нами и горячо любимого Петра Григорьевича Григоренко, который жил на Земле для того, чтобы сделать жизнь наибольшего числа людей счастливой.

Свободную литературную запись со слов Старчика сделал Леонид Петровский.

Москва
4 августа 1997 года

Владимир Буковский

Он принимал свою судьбу стоически¹²

Наша первая встреча произошла где-то в 1964 году в Ленинградской СПБ (далее ЛСПБ). Скорее всего нас транспортировали в ЛСПБ приблизительно в то же самое время, так как мы встретились в Первом Корпусе, куда направляли всех новоприбывающих под начальное обязательное строгое наблюдение. Нас поместили в разные отделения, которые находились на разных этажах — меня поместили на первом, а Петра Григорьевича — на втором.

Эти отделения были так называемыми «наблюдательными». заключенным этих отделений не позволялось бродить по коридорам. Все они были заперты в своих камерах. Только во время вывода в туалет и на прогулку, которая длилась не более получаса, заключенные оказывались за пределами своих камер. Насколько я помню, нам удалось договориться через общего знакомого о короткой встрече во время вывода в туалет. Этот общий знакомый был этапирован в ЛСПБ значительно раньше нас и к нашему прибытию уже был переведен из

¹² Эта статья оригинально написана по-английски по моей просьбе. Перевод с английского Андрея Григоренко.

наблюдательного отделения в отделение с более легким режимом. Он каким-то образом добился определенного доверия у персонала и работал в команде уборщиков. Ему удалось организовать так, чтобы меня и П. Г. вывели в туалет одновременно. Когда мы проходили мимо лестницы я глянул вверх, а Петро Григорьевич вниз. Это был лишь очень короткий момент, достаточный только, чтобы кивнуть друг другу головой. Мы не смогли обменяться даже единственным словом в ту нашу первую встречу.

Позднее мы смогли повторить наш эксперимент и обменяться несколькими словами. Ничего существенного, только что-то общее вроде «Как дела» или что-то подобное.

Затем я был переведен в 4 корпус, в 10 отделение, которое было своего рода санаторием, где большинство пациентов были вполне здоровыми (большинство из них — политические заключенных), или находились в стадии выздоровления. Петро Григорьевич, однако, был переведен в другой корпус с более жестким режимом из гебешных соображений безопасности (власти не хотели, чтобы он находился вместе с другими политическими заключенными).

Я был освобожден в феврале 1965 года и опять же помог наш общий приятель: он был тоже освобожден и поддерживал контакт с нами обоими. Через пару недель после освобождения мы с этим общим знакомым пришли в Григоренковскую квартиру на Комсомольском проспекте. Мы жили не так далеко друг от друга, поэтому я стал довольно часто бывать в этом доме. Как известно, П. Г. был лишен воинского звания, а, следовательно, и пенсии. Он смог устроиться на работу в качестве строительного рабочего. Он также был ветераном Второй Мировой Войны, на фронтах которой был неоднократно ранен. Я помню, как он однажды заметил: «Тот факт, что бывший генерал работает как обычный рабочий является приемлемым, даже нормальным, однако тот факт, что инвалид войны должен зарабатывать себе на жизнь таким образом, нормальным

назвать никак невозможно». Хотя вообще-то, он принимал свою судьбу стоически, никогда не жалуясь на жизненные трудности.

Хотя он принадлежал к поколению моего отца, это не являлось препятствием для нашей дружбы, возможно, потому, что у меня всегда были друзья гораздо старше, чем я (Алик Вольпин, Петя Якир, позднее — Милован Джилас, Авторханов, Боб Конквест). Гораздо более сложным для меня было принять его марксистско-ленинские убеждения. С одной стороны, я питал к нему огромное уважение за его честность и мужество; но с другой стороны, я всегда относился с глубочайшим презрением к марксизму как к некой бессмысленной псевдонауке, этакому интеллектуально неразборчивому предмету суеверного поклонения. Мои предыдущие встречи с коммунистами были довольно неприятны, большинство из них оказывались на поверку просто лицемерами и службистами. В то же время я соприкоснулся с еще одним честным коммунистом — Сергеем Петровичем Писаревым. Здесь у меня вновь возникала неразрешимая дилемма: я не мог не испытывать к Сергею Петровичу ничего, кроме глубокого уважения за его стойкость, позволившую ему перенести ужасные НКВДешные пытки и при этом не сломиться духовно. И тем не менее, он тоже был марксистом-ленинцем. Более того, он был членом партии, или, точнее, он постоянно находился либо в процессе изгнания из неё, либо в процессе восстановления.

Сергей Петрович всегда пытался убедить нас, молодых антикоммунистов, вступать в партию, чтобы изменить ее изнутри. Тошка Якобсон, с его резким остроумием, немедленно прокомментировал: «Это все равно как пытаться излечить девушку, инфицированную венерической болезнью, спя с нею. Излечить её этим не излечишь, но сам вероятнее всего заразишься».

Естественно, я пытался убедить как Петра Григорьевича, так и Сергея Петровича в их неправоте, но мне всегда приходилось где-то сдерживать себя: мне было как-то неудобно спорить о таких

очевидных вещах с двумя людьми, к которым я испытывал столько уважения. Как же они не видят того, что я ясно увидела в 16 лет: Сталин и сталинизм является прямым результатом марксистско-ленинской идеологии? Я надеялся, что им потребуется просто больше времени, чтобы оправиться от этой болезни. Главное, они оба были честные, порядочные люди, поэтому они рано или поздно придут к правильному заключению. Между тем, нам нужны все союзники в нашем безнадежном деле.

Писарев жил на одной из улиц, перпендикулярно отходящих от улицы Горького, в доме, который когда-то до октябрьского переворота был гостиницей. В наше время каждый этаж этого дома был превращен в огромную коммунальную квартиру, с десятками комнат по обе стороны коридора, общей кухней и туалетом. Маленькая комната Писарева была полностью забита пачками газеты «Правда» (как он с гордостью объяснил — с самого первого номера!). Он даже спал на газетах. Мы с Петром Григорьевичем с трудом смогли найти место чтобы сесть. Очень скоро разговор моих старших друзей ушел в такую глубину марксистской мудрости, что я потерял нить, и спокойно покинул их, углубленных в интересную для них тему. Покидая квартиру Писарева, я терялся в догадках приведет ли моя инициатива к чему-либо хорошему. Но мне не стоило беспокоиться: эта моя инициатива, несомненно, оказалась одним из самых удачных решений в моей жизни.

До этой встречи с Григоренко Писарев считал вполне оправданным для коммуниста только борьбу внутри партии и никогда не обращался к широкой общественности (не говоря уже об общественности западной), которую он расценил как «игру на руку классового врага». Но Петро Григорьевич убедил его в обратном цитатой из малоизвестного высказывания Ленина в одном из писем, что «в интересах пролетариата коммунист может использовать «буржуазную печать». Эта новая находка в марксистской мысли быст-

ро распространилась в кругу подобно Писареву мыслящих людей, совершив тотальную революцию и высвободив энергию значительного числа наших новых союзников. Результат оказался абсолютно непредсказуемым и даже озадачил меня — кампания крымских татар за право на возвращение в Крым! Поди, знай...

Вскоре высокая фигура генерала с тростью стала примечательностью в наших демонстрациях и в толпе перед закрытыми дверями «открытых судов» над нашими коллегами.

Последний раз мы разговаривали в Москве накануне демонстрации (и моего ареста) в январе 1967 года. Он был против этой демонстрации, потому что мы уже и так потеряли слишком много людей в последней волне арестов. «Мы не должны больше истощать наши ряды», — сказал он. «Даже если позиция необороняема, нам необходимо атаковать», — заметил я. «Или отступить», возразил он. По какой-то причине наш разговор тогда шел в военной терминологии. Являлось ли это следствием его привычки в напряженной ситуации переключаться на военные терминологию, или это были мои попытки убедить его, используя язык и понятия, с которыми он был хорошо знаком? Я не могу сказать. Я не знал, как объяснить ему, что нет отступления в «идеологической войне», есть только поражение.

Наконец, мы договорились, что я буду продолжать демонстрации, а он организует кампанию поддержки после нашего ареста. Расстались мы на печальной ноте, как будто зная, что не увидим друг друга в течение очень долгого времени. Действительно, когда я был выпущен три года спустя он был уже в СПб, на этот раз — в Черняховске. Время от времени я получал письма от него (всегда с вырезками из партийных газет и журналов, которые он тщательно изучал, подчеркивая некоторые абзацы цветным карандашом). Я же был слишком занят зарабатыванием моего следующего тюремного срока, чтобы уделить им должное внимание. Итак, я, должно быть

пропустил последнюю разработку марксистской мысли. Этот год, 1970, был невероятным годом. Я не религиозный человек, по любым меркам, но я навсегда запомнил этот год, когда рука Бога была на моём плече. Я был на пике моей юности, (мне было 27), бояться мне казалось нечего после трех арестов и почти пяти лет в заключении. Я считал себя абсолютно непобедимым, армией одного человека. Кроме того, Фортуна тоже улыбалась мне, как это нередко бывает в беспечной юности. Что бы я не начал в тот момент, неизбежно работало. Казалось, что вся моя предыдущая жизнь только и готовила мне этот момент. Не исключено, что именно поэтому я взялся за совершенно безнадежную проблему — репрессивную психиатрию. По крайней мере, так это выглядело тогда. Действительно, каким образом непрофессионал докажет всему миру, что некоторые неизвестные им лица в далекой стране далеко не душевнобольные вопреки мнению профессиональных психиатров, профессоров и академиков? Но Петро Григорьевич был постоянно у меня на уме. Я знал, что в его возрасте и с его здоровьем, необходимо действительно чудо для того, чтобы он мог выжить. И чудо произошло: неожиданно кампания, которую я начал, вызвала огромный резонанс в мире. Я не знал о ней в то время, так как находился в тюрьме за «клевету на советскую психиатрию», но взрыв, вызванный этой кампанией был настолько сильным, что мы все были выброшены из страны, включая и меня.

Когда мы встретились снова, Петро Григорьевич был в Нью-Йорке, где он и Зина Михайловна окончательно обосновались. 10 лет прошло со времени нашей последней встречи в Москве. И вскоре после этого, мы оказались вместе в Италии по приглашению итальянской католической молодежной организации «Movimento Popolare». Петру Григорьевичу было заметно трудно ходить, сказывались его старые раны, а также недавно приобретенный Паркинсон (несомненно подарок советской психиатрии). Его сопровождал

своего рода адъютант, огромный американец украинского происхождения — Роман Купчинский. Нас также сопровождал переводчик Марио Корти, наш старый друг. Красивый город, большие дружественные аудитории молодых итальянцев, вопросы и ответы, словом мы были в знакомой обычной рутине. Вдруг неожиданное приключение.

Иржи Пеликан, чешский диссидент 1968 года, который жил в Италии и даже стал итальянским сенатором, обратился к нам с предложением от «красных бригад» (известной левой террористической организации) для выступления на конференции ее «политического крыла». Я колебался, Марио тоже, но Петро Григорьевич немедленно согласился. «Они должны знать, что такое реальный социализм гораздо больше, чем католическая молодежь», — сказал он. Это заставило меня забеспокоиться еще больше. Если он начнет говорить всё, что он думает о реальном социализме этим головорезам, то дай нам Бог унести ноги, спасая наши жизни. А как мы сможем убежать, если наш генерал едва может ходить? Итак, я созвал военный совет. «Так, Роман, ты как самый крупный и решительный среди нас, будешь прикрывать наш отход, а Марио и я подхватим генерала под руки и быстро, насколько возможно, удаляемся из аудитории». Роман был не слишком доволен заданием, но возражать не стал.

Я сейчас не помню в каком городе это происходило, но в назначенное время мы пришли к своего рода современному университетскому зданию. Зал был полон, люди сидели даже на ступеньках. Мы были немного напряжены, не зная, чего ожидать. Но мы не должны были беспокоиться: представленный Пеликаном, наш генерал произнес зажигательную речь, сопровождавшуюся бурной овацией!

С 1982 по 1986 год я жил в Калифорнии, работая в Стэндфордском университете, но довольно часто посещал восточное побережье. Это дало мне возможность видеться с Петром Григорьевичем

чем и Зиной Михайловной гораздо чаще. Конечно, наиболее запомнившейся встречей была встреча в связи с его 75-ти летием. Само собой разумеется, я не мог пропустить такую дату. Но, что я должен привезти в подарок? Я никак не мог появиться с пустыми руками, не так ли? После некоторого раздумья, я решил подарить бутылку коньяка того же возраста, что и Петро Григорьевич. Но, где я могу найти такой коньяк в Калифорнии? Правда, это винодельческая часть страны, но их коньяк довольно примитивен, и сохранение его на протяжении десятилетий еще не пришло в калифорнийское сознании. Ну, что с них взять? Американцы ...

Я посмотрел телефонный справочник «Желтые страницы», и, к своему изумлению, обнаружил общество любителей коньяка. Я сразу же подумал, что это шанс. На мой телефонный звонок ответил кто-то с определенным британским акцентом, что вселило в меня сильную надежду. Да, сказал он, в нашем Обществе есть члены с большой коллекцией старых французских коньяков. Что вы ищете, старина? Я объяснил. Нет проблем, сказал он, я найду вам кого-то. И действительно он нашел! Мы договорились встретиться в университетском баре. Поджарый мужчина спортивного вида, лет 60, как я подумал, подошел ко мне в назначенный час. «Не Вы ли тот парень, который ищет старый коньяк?» — спросил он. Мое сердце упало, он был явно американцем. «Почему вы хотите, чтобы коньяк был конкретного года?» «Я хочу подарить его на день рождения моего старого друга такого же возраста», ответил я. «Расскажите мне, кто Ваш друг? Я должен быть уверен, что эта бутылка попадет в достойные руки». Я закатил такую речь, что генерал смог бы получить Нобелевскую премию мира, если бы я произнес её в Осло. Он слушал с большим вниманием, не прерывая меня во время моего рассказа о Второй Мировой Войне и диссидентской деятельности, пока я наконец не подошел к тому, что я сел в тюрьму, чтобы добиться его освобождения. Тут,

неожиданно, его серые глаза стали стальными, и он прервал меня. «Ну что ж, вы можете получить бутылку», — сказал он, и вынул её из своего портфеля. «Просто заплатите...». И он назвал невероятно низкую цену, что-то вроде \$100. «И скажите своему другу, что он еще очень молодой человек», — сказал он. «Мне 85. Мы приобрели с моим братом два ящика этого коньяка в начале 30-х годов в Париже. С тех пор, я всегда выпиваю стаканчик или два в день. Очень полезно для здоровья.» Вот те и американец ...

Естественно, я рассказал эту историю генералу, его семье, и всем другим, кто был готов ее выслушать на огромном праздновании в Нью-Йорке. Громадный зал в подвале дома, где жил генерал (этот дом принадлежал кому-то из нью-йоркских крымских татар), использованный по этому случаю, был полностью заполнен гостями. Зина Михайловна танцевала, как будто ей было 20 лет.

Бутылку, разумеется, мы выпили тихонько на троих, генерал, Андрей и я, без особой рекламы. Коньяк оказался действительно чертовски хорош. Заканчивая бутылку, я задал вопрос, который крутился у меня на устах в течение долгого времени: «Ну, скажите мне, Петро Григорьевич, Вы до сих пор марксист-ленинец?». Он улыбнулся мне улыбкой старого мудрого человека, улыбкой, которую я так любил. «О, нет. Я окончательно вылечился. Я вернулся к вере моих предков».

Он умер пять лет спустя.

*Кембридж, Великобритания
9 мая 2007 года*

Андрей Григоренко

«Не имей сто рублей...»

Я удивительно счастливый человек. Не по части рублей, долларов или прочей валюты, а по части друзей. И это везение началось даже до моего рождения, поскольку одним из моих друзей был мой собственный отец.

Я не могу сказать, что наши отношения с отцом всегда были безоблачны. Они претерпели все нормальные стадии взаимоотношений отцов и детей с той только разницей, что в довольно раннем возрасте я обрел то, что далеко не всегда удавалось другим сыновьям — в лице отца я приобрел друга, с которым меня объединяла и определенная общность взглядов, и участие в, казалось бы, безнадёжной борьбе с тоталитарным монстром коммунизма и его интернационал-социалистической идеологией.

* * *

Как-то уже в Америке отец, наблюдая как я играю с моей маленькой дочкой Татьяной, сказал: «А я с тобой маленьким совсем не занимался.»

Мне все же кажется, что это не совсем так. Действительно в моем детстве я был в значительной степени предоставлен самому себе, что, строго говоря, было общим правилом, особенно учитывая, что среди моих ровесников детей одиноких матерей было значительно больше, чем в любой иной период советской истории.

Хотя у меня и были отец с матерью, но на меня у них времени явно не хватало. Мать была поглощена заботами о невероятно большой семье — дети, племянники, оставшиеся сиротами в результате Большого Трора, дедушка с бабушкой, умирающая первая жена моего отца¹⁵.

Отец же большую часть дня проводил в академии, а вечерами писал статьи для военных журналов, приносящие в семью дополнительный доход.

Но все-таки какие-то теплые картинки из детства, связанные с моими родителями, остались в моей памяти.

Вот я просыпаюсь от того, что сильные руки отца опускают меня на лежащие на полу диванные подушки. Когда я совсем открываю глаза, то вижу моих смеющихся родителей и... ёлку, с висящем на ней мандарином. Конечно, сегодняшних детей одним единственным мандарином не удивишь, но я тогда увидел этот фрукт в первый раз и еще долго потом помнил его сладкую, сочную мякоть.

А вот другой эпизод. Мы в Борисовке. Отец с дядей Олеksiем¹⁴, у которого был свой баркас, взяли меня в море. Мне где-то года три, но я уже кое-что смыслю в снастях и мне говорят что б я проверил снасти на корме. Когда я добрался до кормы дядя Олексий рванул баркас, и я оказался за бортом. До этого падения за борт отец неоднократно показывал мне, что надо делать в таких случаях — плыть, что я и на-

¹⁵ Первая жена моего отца, Мария Пастушенко, прожила последние два года жизни в нашей семье. В Москву ее привезли мои родители по обоюдному согласию в связи с тем, что у нее был рак в запущенной форме, а в городе Сталино где она жила, в то время не было вообще специалистов-онкологов. Единственной надеждой на какое-то облегчение были только московские врачи. Моя мать ухаживала за ней эти два трудных года. Мои родители были действительно «странные люди» с точки зрения «правильных» советских людей.

¹⁴ Олексий Семенович Беляк на самом деле брат моей бабушки Ганны, но они с отцом были почти ровесники, и я его называл дядей.

чал делать. А отец из баркаса поощрял мои усилия: «Так синку, так! Пливи до нас.» Правда, когда я уже почти доставал до баркаса, мои учителя плавания отплыли еще на пару метров. Так повторялось раза три, пока я не сообразил, что баркас-то может двигаться, а вот берег от меня точно не убежит. К удивлению старших я развернулся и поплыл к берегу, а они последовали за мной, чтобы при малейшей опасности вытащить меня из воды. Отцовские инструкции до этого моего первого заплыва, хотя и не на очень большое расстояние, оказались великолепными, и с той поры я чувствую себя в воде как рыба. Позднее я узнал, что и отца, и дядю Олексию, как и всех прочих Григоренков и Беяковых учили плавать именно таким же образом. Я же из этого приключения вынес, кроме умения плавать, знание, что отец верит в мои способности, а с другой стороны, что сколько не надейся на других, но не забывай и про собственные силы, которых возможно больше, чем это тебе самому кажется.

Мои ранние воспоминания об отце состоят из ряда отрывочных эпизодов, которые порой трудно уложить в четкую хронологическую последовательность. Во многих случаях это не отдельный эпизод, а что-то повторявшееся из года в год, как, например, наше ежегодное посещение Павлы Александровны Шлаевой на Пасху.

До 1962 года у отца не было гражданского костюма, поэтому он и в выходные дни ходил в форме. На Пасху у Павлы Александровны собиралось несколько приятельниц, и приезжали мы всем семейством. Хотя это и происходило каждый год, но эффект от полковника, а потом и генерала, возглашавшего «Христос Воскресе» не ослабевал с течением времени. Самое интересное, что в то время мои родители были атеистами-коммунистами, и эти пасхальные визиты были не более чем данью уважения к православной вере одного из друзей семьи. Оглядываясь назад с высоты сегодняшнего дня, я могу с полной уверенностью сказать, что для меня это был важный урок толерантности, урок, сыгравший в моей последую-

щей жизни значительную роль, и наряду с другими примерами гуманизма моих родителей сделал меня таким, каким я есть.

Наверное, самым большим уроком уважительного отношения к другим были прогулки с отцом. Отец вообще любил физические упражнения. В молодости он серьезно занимался бегом на длинные дистанции. Он даже был однажды чемпионом РККА в беге на 10 километров. К этому виду спорта он пытался пристрастить и меня, но хоть я и бегал иногда с ним, но мне это занятие не нравилось. Другое дело лыжи, коньки, плавание и ходьба. Ну вот поди знай! Когда отца уже не было в живых, а мне перевалило за пятьдесят, я начал бегать по собственной доброй воле и бегаю по сей день, то есть уже добрую дюжину лет. Что же касается отца, то от коньков и бега ему пришлось отказаться где-то году в 1960.

Летом того года мы снимали дачу в Химках на берегу канала Москва-Волга. Как-то утром мы с отцом собрались идти на канал купаться. До канала было около пятисот метров, через сад наших дачных хозяев и прибрежный луг. Отец предложил мне пробежаться, но я предпочел идти, а он побежал. Когда я подошел к калитке сада, то увидел, что отец лежит на траве. Как потом мне объяснил хирург, причиной его падения было старое военное ранение голеностопного сустава. Сразу после ранения ему вообще хотели ампутировать ногу, но мать не дала, а отец потом приложил все усилия, чтобы заменить отсутствующую часть сустава мышцами. Он настолько преуспел в разработке этих мышц, что не только вернулся в строй, но, как я писал выше, смог заниматься многими видами спорта, требующими нагрузки на ноги. Это работало до поры до времени, но в то летнее утро сустав вывихнулся, и отец упал, таким образом, что нога оказалась в положении рычага, на который отец навалился всем телом. Результатом был двойной перелом и ... запрет на бег и коньки.

Но плавание, лыжи и ходьба остались. Последнее занятие было, наверное, наиболее важным не столько для моего физического

развития, сколько для развития духовного. Когда у отца выпадало время он исхаживал пешком многие километры и брал в эти походы и меня.

В моем раннем детстве одним из любимых маршрутов отца была прогулка от нашего дома вдоль Хамовнической (теперь это Фрунзенская) набережной, потом Лужнецкой до моста окружной железной дороги, через мост на другую сторону Москва-реки, затем через Нескучный Сад и Парк Культуры им. Горького до Крымского моста, потом через Крымский мост, до Крымской площади, поворот на улицу Чудовку (ныне начало Комсомольского проспекта) назад к нашему дому на Хамовническом плацу (теперь это тоже часть Комсомольского проспекта). Для всякого, кто знает Москву, понятно, что такой путь мне в мои три-пять лет было не одолеть, поэтому часть дороги я проезжал на отцовских плечах. Я любил эти походы не столько за удовольствие прогулки или катание на отцовских плечах, сколько за разговоры, а точнее, отцовские монологи. Хотя тогда я воспринимал это как разговоры, так как отец всегда с большим вниманием выслушивал и то, что говорил я, хотя навряд ли я мог сказать что-либо дельное. Много лет спустя, когда я готовил к изданию в моем издательстве «Детинец» книгу отца «В подполье можно встретить только крыс...» я узнал, что этот стиль разговора с младшим, как со взрослым, отец перенял от своего дяди Александра. Боюсь, что я не смог в полной мере передать эту замечательную традицию своим дочерям.

Как бы то ни было, но из тех разговоров я вынес три бесценных дара: любовь к русской и украинской поэзии, толерантность и знание украинского языка. В украинском языке для меня была и еще одна привлекательная сторона. Этот язык стал как бы специальным кодом, который как бы превращал мое общение с отцом в некий секрет, не доступный другим. Меня вовсе не смущало, что в наши летние приезды в Украину на этом языке говорили не только наши

родственники, но и все мои летние приятели. Зато в Москве дело коренным образом менялось, поскольку мать, несмотря на общение с украинскими родственниками и проводя с детьми лето в Украине, так никогда и не выучила украинского. Она вообще, похоже, была не в состоянии выучить какой-либо иностранный язык, хотя всегда поощряла мой интерес ко всему украинскому и даже первые мои книги, подаренные ею, были на украинском языке.

Мои братья по какой-то причине тоже не проявляли интереса к украинскому языку, несмотря на то, что Анатолий и Виктор, в отличие от Георгия и меня, даже учились какое-то время в украинских школах. Так что в Москве украинский для меня превращался в язык общения только с отцом. Когда я стал постарше, я стал постоянным покупателем в магазине Украинской книги на Арбате, где время от времени у меня была возможность перекинуться парой слов с другими, но особых знакомств из этих случайных встреч все же не получалось. Только в студенческие годы у меня появился украиноязычный московский друг Боря Дерев'янку, но эта дружба была прервана Бориной трагической гибелью. Однако Боря Дерев'янку, а потом Леня Плющ и другие друзья в Украине, были значительно позднее, а в детстве был только отец.

Возвращаясь к детским годам, я вспоминаю те редкие дни, обычно по субботам, когда отец не засиживался допоздна в академии. В такие дни я бросал свои хулиганские затеи со сверстниками и отправлялся к академии, чтобы встретить отца на ее широких ступенях. Эти прогулки были значительно короче, каких-то несколько трамвайных остановок. Но отец никогда не ездил ни на трамвае, ни на своей персональной машине, как это делали другие.

Одно такое путешествие с отцом от академии до дома обернулось курьезом, который я помню до сих пор.

По дороге к нашему дому находился пивоваренный завод, принадлежавший когда-то родителям Ильи Эренбурга. При этом

заводе был пивной ларек, снабжавшийся свежайшим пивом прямо с завода. Иногда отец останавливался у этого ларька и выпивал кружку пива. Я же каждый раз просил его дать попробовать пива и мне. Короче говоря, в какой-то раз, как потом объяснял отец, он решил прекратить мое приставание и протянул кружку мне, рассчитывая, что пиво мне не понравится и отобьет всякую охоту клянчить его в будущем. Однако я его ожиданий не оправдал — видать, любовь к этому напитку заложена в козацких генах. Вместо того я ухватился за кружку двумя руками и успел глотнуть изрядную порцию, прежде чем отец отнял ее у меня. Хмельной напиток ударил мне в голову и всю дорогу домой я путался ногами в непомерно длинном пальто, перешитом на меня со старших братьев. Забавно, что реакция матери была сравнительно спокойной. Посмотрев на сконфуженное, виноватое лицо отца она сказала: «Ну, вот два дурня — один малый, а другой старый.»

Отец был человеком весьма умеренным по части потребления алкоголя. У него был хороший вкус к винам, а до войны он вообще не употреблял каких-либо крепких напитков. Эта умеренность передалась и мне, невзирая на то, что вся обстановка за пределами дома стимулировала злоупотребление горячительными напитками. И наверное, совсем немудрено, что алкоголизм унес преждевременно и нескольких приятелей моего детства.

На моей памяти отец любил иногда выпить рюмку хорошего коньяка. С коньяком связаны и несколько забавных эпизодов.

На пятидесятилетие отца был устроен грандиозный банкет с массой гостей. Отец не сомневался, что почти каждый присутствующий захочет с ним выпить, поэтому он пошел на маленькую хитрость. Он приготовил чай такого же цвета как коньяк, перелил его в коньячную бутылку, а на горлышко надел детскую соску. Эта бутылка была преподнесена отцу одним из его сослуживцев в качестве шуточного подарка в самом начале банкета. Офицер не по-

дозревал, что мать ловко подменила бутылку настоящего коньяка, бутылкой, приготовленной отцом. Вот этой бутылкой отец и чокался со всеми желавшими и преспокойно посасывал свой «коньячок», оставаясь на удивление всем трезвым.

Эта подмена коньяка на чай, спустя пару лет, навела меня на мысль подшутить над братьями и отцом. Как-то по поводу сбора всех братьев, которые к тому времени все были офицерами, мать приготовила праздничный обед, а отец купил бутылку коньяка. Пока шли приготовления к семейному торжеству, я подменил бутылку на такую же с чаем. Я даже запечатал ее сургучом, как тогда были запечатаны коньячные бутылки. Эта сургучная запечатка вынудила меня привлечь в заговорщики брата Георгия, так как я опасался, что тот, кто будет распечатывать бутылку, может заметить, что сургуч не имеет форменной печати. Когда все уселись за стол, Георгий торжественно откупорил бутылку и разлил коньяк. Шутка превзошла все мои ожидания. Отец выпил свою рюмку и без секунды колебаний крякнул от удовольствия и закусил лимоном. Анатолий выпив, на какую-то долю секунды был озадачен, но тут же последовал отцовскому примеру. Самым же смешным было то, что Виктор был совершенно обескуражен, и на его лице была прямо написана обида за то, что все получили коньяк, а ему подсунули чай. Даже после того, когда я выставил на стол настоящую бутылку, Витя не присоединился ко всеобщему хохоту.

Отцовская реакция на мою шутку не была, конечно, для меня полной неожиданностью. Чего-чего, но чувства юмора ему не нужно было ни у кого занимать. Внешность при этом его была обманчива, и окружающие, как правило, не ожидали от него шуток. Мне запомнилась одна такая история, имевшая место во время какого-то застолья в середине пятидесятых годов прошлого века.

Разговор зашел о «вещих снах». Большинство присутствующих склонялось к тому, что эти сны определенно реальность.

Но была и пара скептиков. Отец же слушал, но своего мнения не высказывал. Наконец кто-то спросил: «Ну а ты-то, Петро, все-таки что думаешь?»

— Да», — сказал отец, — С некоторых пор я стал верить в сны. Вот, например, всего лишь на прошлой неделе приснился мне сон будто сижу я на научном совете. На трибуне какой-то дурак несет несусветную чушь уже битый час. А я при этом сплю, да еще храплю. Просыпаюсь... И правда.

Однако было бы ошибочно из этой истории прийти к выводу, что отец напрочь отвергал все, что казалось странным или невозможным. Еще в раннем детстве я слышал от него массу украинских анекдотов. В одном из них украинский селянин на вопрос о том можно ли пить хрен с раздумьем ответил: «Якщо дуже охота, то можна». Такой ответ был очень характерным и для отца, наделенного этой украинской хитрецей и непобедимым оптимизмом.

Но гневаться отец тоже умел. Как-то раз, опять же во время застолья, фронтовики вспоминали еще относительно недавнюю войну. Мать же заметила, что на фронте часом случались и комичные эпизоды. Она, в частности, вспомнила, как отцовская дивизия отбила у немцев колонну ромен. Спасенные от верной смерти люди в восторге начали качать спасшего их подполковника, и делали это так усиленно, что разорвали на отце брюки и гимнастерку. Заканчивая свою историю она сказала: «Когда они наконец опустили Петра на землю, то он выглядел таким же оборванцем, как и полуодетые освобожденные». Отец слушал эту историю и улыбался. Как вдруг один из присутствующих офицеров спросил: «А на кой черт фрицам понадобились те цыгане?». Я заметил, что улыбка тут же исчезла с отцовского лица и краснота с шеи разлилась до макушки его лысой головы: «Эх ты! А еще называешься политработником! Неужто ты не знаешь, что на-

цисты истребляли цыган и евреев только за то, что они цыгане и евреи?». Должен заметить, что для меня тогда это тоже было новостью — в советской школе об этом не говорили, а то что об этом говорилось в нашей семье, до этого момента почему-то не запечатлевалось в моей памяти.

* * *

В мои ранние годы я не понимал через какую сложную эволюцию проходили мои родители. Меня, как и всех детей, пытались предохранить от того знания, которое было бы опасно. Так что наша семья в этом отношении мало чем отличалась от других советских семей. Как я понимаю теперь, такое поведение родителей привело и к тому, что я не спешил делиться с ними своими сомнениями и первыми исканиями.

Я, например, с трудом могу что-то сказать, базируясь исключительно на своем опыте, о том какова была реакция родителей и на смерть Сталина, и на XX съезд, и на Венгерскую революцию. Разумеется, что-то до меня долетало и, скорее всего, повлияло на мое раннее начало прозрения. Я был немало поражен, что на смерть Сталина мать отреагировала очень странно — улыбкой, в которой одновременно были и чувство злобного удовлетворения, и плохо скрываемая радость.

Не прошло мимо моих ушей и то, что во время разговоров отца с Василем Ивановичем Теслой, с которым они были очень дружны, но постоянно спорили, последний не раз называл отца «сталинистом». И хотя всем вроде бы было известно, что «сталинист» — это хорошо, в дяди Васиных, как я называл Василя Ивановича, словах это звучало как порицание и даже, страшно подумать, оскорбление.

Мне также часто приходилось слышать от родителей как дружелюбно принимало советскую армию население Западной Украины

в конце Второй мировой войны. Однако наши визиты в Закарпатье в середине 50-х годов давали совершенно иную картину, включая и непрекращающееся сопротивление УПА. Мои родители терялись в догадках, что привело к такому изменению. Как-то один из знакомых офицеров, который, как и отец, был украинцем, в разговоре с отцом заметил, что УПА считает украинцев в советских погонах — изменниками. У матери непроизвольно вырвалось: «А может, вы и впрямь предатели?». Она тут же попыталась превратить свою реплику в шутку, но я успел заметить, что это не было шуткой вовсе. Все это вместе оседало в моей детской голове, не находя ответа.

Мне трудно сказать, в какой момент я впервые всерьез задумался над тем, что что-то прогнило в королевстве Датском, то бишь СССР. Было ли это во время Венгерской революции, когда я выветрил свое несогласие с ее подавлением, написав на стене общественного туалета «Руки прочь от Социалистической Венгрии!», или еще раньше, когда судьбе было угодно спасти меня и двух моих приятелей, таких же как я восьмилеток, от верной гибели на похоронах «вождя всех народов и друга детей и птиц», а может это случилось позже, когда я стал ходить на дискуссии полуофициального молодежного дискуссионного клуба и вечера вольной поэзии. Во всяком случае к незабываемому сентябрю 1961 года мы с несколькими друзьями всерьез обсуждали вечный вопрос — «что делать?», и среди них была уже и наша троица — Миша Харнас, Витя Резвый и я, которые двумя годами спустя присоединились к «Союзу Борьбы За Возрождение Ленинизма (СБЗВЛ)».

Поэтому, когда я узнал о выступлении отца на партконференции, и то, что мать полностью поддержала его позицию, наполнило меня гордостью за моих родителей и подтвердило, что и мы с моими друзьями на правильном пути. Понимал я и то, что отцу это даром не пройдет. Поэтому без совета с родителями, я устроился учеником слесаря на завод и перевелся в вечернюю школу рабочей мо-

лодежи. Мое беззаботное детство кончилось — наступила взрослая жизнь. Но именно тогда и началась по-настоящему дружба с отцом. С матерью было несколько сложнее, так как она, как мне кажется, никогда не смогла принять, что ее сын взрослый человек, имеющий в частности, и области, в которые ей доступ будет навсегда закрыт. А без взаимного признания права на персональное пространство настоящей дружбы не получается. Отец это хорошо понимал.

Конец 1961 года был наполнен тревогой. Отца вывели в резерв армии и засадили за какое-то бессмысленное перебирание бумаг. Только в самом конце года он получил назначение на должность начальника оперативного штаба армии, базировавшейся в Уссурийском крае.

После отъезда родителей в Уссурийск, мы с Георгием, который в то время был слушателем академии ракетных войск, зажили не только холостяцкой жизнью, но и каждый своим чередом дозревал до того, что воплотилось в СБЗВЛ. Как выяснилось к осени 1962 года отец и Георгий уже обсуждали создание подпольной организации, но не хотели вовлекать в нее меня. Однако, после довольно откровенного разговора с Георгием, брату стало очевидно, что я со своими друзьями уже занимаемся некоей потаенной деятельностью. Брат сообщил об этом отцу. В августе того же 1962 года я приехал в отпуск на Дальний Восток. Во время этого отпуска у меня с отцом состоялось несколько откровенных разговоров. Отец пытался меня убедить, что было бы разумнее, если бы наша молодежная группа никуда бы не лезла до поры до времени, но я убедил его в том, что мы уже пересекли свой Рубикон и остановиться уже никак не можем. В результате была достигнута договоренность, что уже сформировавшиеся ячейки не будут искать контактов между собой, а связными будут брат Георгий, Алеша Егоров и я. Правда почти тут же выяснилось, что и брат Виктор тоже сколотил потаенную группу из пары молодых офицеров. С предполагаемой кон-

спирацией тоже не очень получалось, так как многие знакомства пересекались. Я, например, знал добрую дюжину СБЗВЛовцев помимо нашей тройки. Вот эту не очень дисциплинированную компанию и возглавил отец.

Между отъездом отца в почетную ссылку на Дальний Восток и его арестом наше общение происходило только во время отпусков и нескольких приездов отца в Москву по служебным делам. Как я уже писал ранее, я приехал на Дальний Восток во время моего отпуска 1962 года. В то время генералов там было не густо, к тому же отец хоть и был опальным, но все же занимал высокую должность. Меня тогда удивляло, что и местное гражданское начальство, не говоря уж о военных, относилось к отцу, как к начальству. В то время во Владивостоке работал один из отцовских фронтовых товарищей — Павел Макарович Берсенёв. Он был каким-то городским начальством и начальником штаба гражданской обороны Приморского края. Как-то я не удержался и спросил у него: «Павел Макарович, а чем объяснить, что отца практически везде принимают как большое начальство. Я, может быть, мог бы понять Вас, поскольку во время войны отец был Вашим командиром, но для остальных гражданских ведь он вроде бы не власть.» Павел Макарович засмеялся и сказал: «Ты просто ничего не понимаешь. У вас там в Москве, может, генералов, как собак нерезанных, а у нас тут раз-два и обчелся. К тому же и армия, и военно-морской флот на Дальнем Востоке самая главная институция — вся промышленность, сельское хозяйство и торговый флот задействованы на обслуживание армии и военного флота.»

Да и сам я имел возможность убедиться в полной милитаризации Приморского Края. Большинство населенных пунктов, включая и такие большие города как Владивосток и Находка, были закрытыми, куда было невозможно попасть без специального пропуска. Отец, разумеется, не нуждался ни в каких пропусках, но чтобы

я его мог сопровождать в постоянных разъездах, меня обрядили в солдатскую форму. Таким образом во время моего отпуска генерал Григоренко был в сопровождение двух солдат: настоящего, его водителя, — Васи Истомина, с которым я быстро подружился, и липового, меня. Это был удивительный отпуск, за который я не только провел много времени в отцовской компании, благодаря бесконечным дальневосточным просторам, но и повидал природные красоты, к которым в те времена был закрыт доступ не только иностранцам, но и большинству советских граждан. Это был, кажется, и последний мой отпуск в той стране, над которым бы не нависала, или точнее не чувствовалась, зловещая тень КГБ.

Тот отпуск связан и с первой листовкой, которую написал отец. Поводом послужила публикация в «Комсомольской правде» погромной статьи против Е. Евтушенко под названием «Куда ведет хлестаковщина». Листовка была в форме письма в «Комсомольскую правду» и называлась «Лакейская правда». Хотя это и была в основном статья в защиту Евтушенко, но в ней затрагивалось и многое, выходящее за рамки травли популярного тогда среди молодежи поэта.

Приблизительно в то же время отец приступил к подготовке листовок, которые мы позднее начали распространять уже под эгидой «Союза Борьбы За Возрождение Ленинизма» или СБЗВЛ. Тексты листовок отец привез в Москву либо в конце 1962, либо в самом начале 1963. Процесс размножения затянулся на несколько месяцев, поскольку мы с Георгием были явно непрофессиональными машинистками, да и закупки одновременно большого количества бумаги могли бы привлечь к нам нежелательное внимание. Идея же была в том, чтобы создать достаточно большой запас листовок, а потом уничтожить печатную машинку.

Отец снова приехал в Москву накануне Дня Победы. Тут произошёл ещё один курьезный случай. Я, зная какое отрицательное отношение ко всякому начальству и к генералам, в частности, бы-

тует в рабочей среде, никогда не рассказывал ни своим коллегам по работе, ни моим одноклассникам в вечерней школе, что мой отец генерал. Но случилось, что наша преподавательница литературы была женой одного из выпускников академии Фрунзе. Ее муж был очень высокого мнения о своем бывшем профессоре и с его подачи она пригласила отца сделать в нашей школе доклад о войне. Не знаю на что я рассчитывал, но я попросил отца идти в школу без моего сопровождения. Однако когда я пришел в свой класс одна из наших девушек во весь голос заявила: «Андрей, там пришел генерал, который будет делать доклад о войне и он на тебя похож.» Так моя тайна была разоблачена с использованием странного оборота речи о том, что отец похож на сына.

В этот же приезд произошло и окончательное формирование СБЗВЛ. Правда с конспирацией у нас, как я уже заметил выше, дело обстояло из рук вон плохо. Георгий и я продолжали отстукивать на нашей машинке тираж и затягивали уничтожение самой машинки. В конце концов мы затаили это мероприятие вплоть до последнего приезда отца в Москву в канун 1964 года, несмотря на тревожные сигналы, усилившиеся после самого большого разброса листовок в канун празднования большевистского переворота. Помню, что мы — отец, Георгий и я, даже обсуждали сгущавшиеся над нашими головами тучи. Правда, то обсуждение мы закончили на юмористической ноте. Отец, видимо для того, чтобы развеять обстановку, напомнил нам с братом дворецкого из романа Уилки Коллинза «Лунный камень», который во всех трудных случаях жизни руководствовался Робинзоном Крузо. Метод такой «консультации» заключался в том чтобы раскрыть «Робинзона» на случайной странице и прочесть первую попавшуюся фразу.

Отец снял с полки томик «Робинзона Крузо», открыл его на случайной странице, дав нам заглянуть в книгу и тут же закрыл ее, предложив каждому написать то, что он прочел. К нашему

удивлению все трое прочли одну и ту же фразу о том, что после самых трудных обстоятельств неизбежно наступит улучшение. Эту же фразу вспомнил отец во время нашего свидания в Лефортовской тюрьме после того, когда узнал, что его разжаловали в рядовые. Он заметил, что куда уж может быть хуже, чем признание человека сумасшедшим, но правительство решило сделать еще хуже и попало впросак. «Ведь чтобы больнее ударить по мне, надо было дать семье все, что положено по закону, а со мной поступить, как с сумасшедшим. А сейчас, кто же поверит в мое сумасшествие.» — заключил он.

Весна 1965 года оказалась примечательной не только освобождением отца после относительно недолгого по советским понятиям заключения. Я уверен, что этому быстрому освобождению поспособствовало и счастливое стечение обстоятельств: снятие Хрущева и разыгранная матерью телефонная деза о том, что отец и Брежнев друзья. Проверить достоверность такого утверждения те, кто подслушивал наш телефон не могли. Единственно, что они могли легко проверить, что полковник Григоренко и полковник Брежнев действительно были однополчанами. Другим фактором было, как и предположил отец сразу же после разжалования, что признание невменяемым с последующим разжалованием в рядовые никак не лезло не только в формально существовавшее законодательство, но и с принятой практикой. В частности, сокамерником отца одно время был полковник-серийный убийца, которого никто не разжаловал, и он получал полную полковничью пенсию.

Та замечательная весна была и весной политической, в которой посчастливилось принять непосредственное участие и моим родителям, и мне расходилось.

Еще в Питерской СПб отец познакомился с Володей Буковским, человеком общительным и уже имевшим довольно широкий круг знакомых, независимо мыслящих людей, в который вошли и мы.

Я также восстановил свое знакомство с Витей Тимачевым и Сергеем Мюге, с которыми я познакомился в конце 1963 года, но связь с которыми прервалась разгромом СБЗВЛ, отцовским заключением и сложностями элементарного выживания.

Круг наших друзей начал стремительно расширяться, как несущаяся снежная лавина. Примечательным в этот период было то, что если отец знакомился с кем-то, то эти же люди становились и моими друзьями, и знакомыми. И наоборот, если я знакомился с кем-то, то потом мои знакомые знакомились и с моими родителями. Так, например, Юра Grimm с которым отец познакомился в Сербском, стал моим близким другом, а мой близкий друг Саша Харнас стал другом моим родителям.

Иногда это приводило к анекдотической ситуации. Как-то так получилось, что Сергей Мюге оказался в квартире моих родителей вне зависимости от меня. Он услышал где-то об отце и пришел знакомиться. Дверь ему открыла мать. В то время в нашей квартире были какие-то люди, среди которых Сергей распознал меня и спросил: «А как ты здесь оказался?» Я сразу же сообразил, что Сергей не подозревает о моем родстве с генералом и ответил в лучших украинских традициях: «Случайно.» Полагаю, что Сергей, позднее оценил мою шутку — в конце-то концов факт моего рождения, как и любого рождения, до некоторой степени случайность.

Нарастающий круг друзей был неким накопительным, количественным так сказать, процессом. Что-то должно было случиться, чтобы это количественный процесс перешел в новое качество. Нужна была какая-то искра. Такой искрой случился процесс Даниэля и Синявского. Именно в связи с этим делом, пока еще не принявшее какую-либо форму сообщество знакомых и друзей заявило себя неслыханным до того в СССР Движением за Права Человека. Первым известным документом этого Движения явилось Граж-

данское воззвание, написанное Александром Есениным-Вольпиным. Воззвание призывало собраться на демонстрацию 5 декабря 1965 года около памятника Пушкину в Москве.

Мы с отцом направились на площадь, оставив мать в неведение. Мы не хотели ее волновать, а может, отчасти и опасались, что она будет возражать против такого похода. Правда, через пару дней она пошла сдавать в химчистку костюм отца, и приемщик нашел в кармане пиджака и передал матери сложенный вчетверо листок бумаги, оказавшийся Гражданским воззванием. То же, что нас с отцом вызвали в милицию, дало ей дополнительное подтверждение, что мы таки участие в демонстрации приняли. Этот вызов в милицию, куда вызвали и других участников демонстрации, представил нам с отцом возможность познакомиться еще с целым рядом людей.

5 декабря 1965 года стало таким образом днем рождения Движения за Права Человека в СССР, пока еще не имевшего каких-либо структур, но с уже принятой нравственной позицией. Хотя и структуры не заставили себя долго ждать. Первыми ласточками правозащитных структур явились Инициативные Группы крымско-татарского национального Движения и издаваемые ими Хроники. Именно по их примеру позднее получили свои названия и Хроника текущих событий и Инициативная Группа защиты Прав Человека, хотя последняя, в отличие от крымскотатарских Инициативных Групп, не была демократически избранным органом.

В тот первоначальный период Движения за Права Человека отец продолжал считать себя коммунистом. Я же начал сомневаться в ленинизме еще даже до разгрома СБЗВЛ, но еще не осознавал до конца, что сталинизм и ленинизм являются логическим продолжением и развитием марксизма. Честно говоря, мои искания за пределами марксизма начались несколько раньше, в то время, когда я соприкоснулся с черным книжным рынком. Мое знаком-

ство с этим рынком, начавшееся с обмена и торговли научной фантастикой и приключениями, превратилось в знакомство с поэтами Серебряного века, восточной мистикой и полузапрещенной и запрещенной философией, произведениями Фрейда, Ницше, Мережковского и воинствующего христианского антиклерикала Льва Толстого.

Разумеется, я говорил с отцом об этом неизведанном море человеческой мысли, так долго скрываемом от наших взоров, но теперь в ретроспекции, я все лучше и лучше понимаю насколько трудно было моим родителям избавляться от груза интернационал-социалистической идеологии, как невероятно трудно признать ошибкой всю свою предыдущую жизнь. Даже мой собственный уход от марксистского догматизма был труден. Где-то в моем подсознании сидело то, что я сын двух коммунистов и внук старого большевика, стоявшего у самых истоков большевистской партии. Видимо только теперь я в полной мере осознаю, что отец еще долгое время надеялся, что среди приверженцев интернационал-социализма найдутся истинные поборники свободы и демократии. За эту надежду он цеплялся, как утопающий цепляется за соломинку. Даже когда я уезжал в эмиграцию, отец дал мне с собой обращение к лидерам западных компартий. Это обращение я передал через Иржи Пеликана непосредственно Берлингуэру со товарищи. Разумеется «товарищи» еврокоммунисты как были, так и остались «товарищами» тех, кто душил свободу, а вся словесная трескотня о приверженности принципам демократии и критика КПСС была не больше, чем дымовой завесой. На обращение господ-товарищи даже не удосужились ответить.

Идеология идеологией, но логика и рутина постоянной борьбы за права все же занимала центральное место в нашей жизни. Тем, кто оказался на переднем крае этой борьбы, не было дано роскоши закрыться в башне из слоновой кости и заниматься искусством

ради искусства. Это не следует трактовать как то, что подписание, демонстрации и прочие правозащитные дела поглощали все наше время. Нет. Вторая половина 60-х и первая половина 70-х годов двадцатого столетия характеризовались всеобщим общественным бурлением. В Москве было просто невозможно успеть на всевозможные понедельники-вторники и прочие дни недели — эти импровизированные клубы не подцензурной мысли.

В Питере, Киеве и Харькове таких клубов было может и меньше, но, быть может, мне это только кажется, так как я хоть и часто бывал в этих трех городах, но все же не был там постоянным жителем.

Будет также ошибкой считать, что все ограничивалось интеллектуальными и культурными клубами. Картина не будет полной, если не обратить внимание на существование, хотя и не настолько многочисленных, богемных клубов, в которых все происходило в постоянном табачном дыму и пьяном угаре. Многие современные авторы высказывают немало горьких слов в адрес подобных сборищ и особенно достается от них Петру Якиру. Мне не хочется выступать апологетом этих пьянок, но все же должен заметить, что те, кто бросил вызов тоталитарной машине, жили под Дамокловым мечом, и для какой-то категории людей алкоголь был спасительной панацеей. Тому, кто не испытал на собственной шкуре то невероятное напряжение, трудно представить себе, что значит изо дня в день, из года в год находится под постоянной неусыпной слежкой, а выходя из дома, не зная, вернешься ли ты сегодня назад, испытать нападение сексотов, от которых никакая милиция не поможет. Еще раз хочу подчеркнуть, что я не пытаюсь найти оправдания заливания стресса алкоголем. Не пытаюсь я и оправдать себя за те редкие случаи, когда я и сам искал облегчения в бутылке. Я просто возражаю против огульных наскоков даже на эту богемную часть оппозиции.

Мой покойный отец не раз пытался увещевать многих из богемствующей публики. В особенности это касалось Петра Якира, к которому он очень тепло относился и отступничество которого он так тяжело переживал.

В связи с этим вспоминается такой эпизод. На старой квартире Виктора Красина, в которой он жил со своей первой женой Аней и двумя детьми, собралась однажды компания с намерением кое-что обсудить. Но естественно в Красинской компании ничего не происходило без возлияния. Чтобы лучше представить ту картину, которую застал отец, нужно представить тот дом, в котором пальцем можно было проткнуть стену, а саму квартиру таковой можно было назвать только с натяжкой. Мебель тоже практически отсутствовала. Вся честная компания расположилась на полу комнаты, которая служила одновременно и кухней, и гостиной, и прихожей. Картинка завершалась стоящим посреди комнаты ведром самогона, купленным по случаю у соседки-самогонщицы. К приходу отца мы уже успели осушить то злополучное ведро на добрую половину.

Войдя и увидев нашу возлежащую на полу команду отец с раздражением сказал: «Что вы тут бардак развели, революционеры хреновы?!» На это замечание Володя Дремлюга заметил «Петро Григорьевич, революция и блядство всегда шли рука об руку». Однако на отца этот аргумент никоим образом не подействовал, и он гневно сказал, что не хочет иметь с нашей пьяной компашкой никакого дела. Развернулся и тут же ушел.

Этот демарш отца стал довольно широко известен и вызвал положительную реакцию тех, кому не нравилась царившая вокруг Якира и Красина обстановка.

Все же при всем при том отец никогда не стремился к конфликту и не раз выступал в роли миротворца стараясь загладить те конфликты, которые время от времени все же возникали.

В центре одного такого конфликта оказался я.

После суда над Анатолием Марченко 31 марта 1975 года, я составил сборник по его делу под названием «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической республики». Толя был человеком, который мне лично был очень дорог. К тому же мне удалось пройти на суд и сделать его запись. Работа над сборником была завершена. В последний день мы с Ларисой Богораз считали окончательный вариант, но у нас возникло подозрение, что за моей квартирой плотно следят и Лариса сказала, что у Людды Алексеевой есть оказия для передачи сборника в издательство Валерия Чалидзе, находившегося в Соединенных Штатах. Время не терпело, и мы не сделали никаких дополнительных копий. Таким образом единственный экземпляр должен был уйти по надежному каналу.

Однако случилось иное. Алексеева сборник не отправила, а вместо этого подвергла его беспардонной цензуре, выкинув и уничтожив добрую половину материалов. Узнав об этом я стал возмущаться, назвав такое поведение ничем не лучше советской цензуры. В ответ на это Алексеева заявила, что она консультировалась с Юлием Даниэлем и что он якобы с ней согласился. Из разговора с Юлием я выяснил, что Юлий в действительности сказал что-то уклончивое. Хотя даже, если бы он принял на себя какую-то ответственность за цензурирование чужой работы, это ничего не меняло бы. Вот в этот разгорающийся скандал и вступил мой отец, чтобы умерить страсти и добиться хотя бы худого мира. Отец приехал к нам с Машей в Коньково. Это был трудный разговор, продолжавшийся целый день. Он уговаривал меня и в конце концов уговорил сделать вид, что ничего не произошло.

Как выяснилось позднее, то что осталось от сборника, было все-таки отослано Чалидзе, но мое имя тоже было выкинуто. Остатки этого сборника были позднее включены издательством

«Хроника» в книгу Анатолия Марченко «От Тарусы до Чуны» без какой-либо ссылки на меня.

Потом пришло время, когда под нажимом КГБ мы с Машей эмигрировали на Запад. Почти два года мое общение с отцом было преимущественно по переписке, так как дозвониться в Москву было весьма затруднительно и баснословно дорого. Когда отцу понадобилась срочная операция, я не на шутку испугался за его жизнь, так как в КГБ это вызвало оживленный интерес. Невольно вспомнилась операция, которой подвергли в 1925 г. М. В. Фрунзе. Тогда Сталин тоже проявил к ней необычайный интерес... и пустяковая операция закончилась смертью пациента.

Почти не рассчитывая на успех, я послал родителям приглашение приехать в США, где мы с женой к тому времени поселились. Конечно же, если бы мир был без добрых людей, нам, свежим иммигрантам, было бы абсолютно не по карману оплатить лечение. Но, на наше счастье, через американскую украинскую общину мне удалось познакомиться с докторами Олесницким и Кузьмаком (оба украинского происхождения), которые взялись провести операцию бесплатно и привлекли к этому еще двух докторов — Щёна и Кокса.

И вот всё было готово к приезду родителей, но в душе я сильно сомневался, что им разрешат выезд. Как мало я понимал тогда! Невольно все мы помогли КГБ разыграть давно разработанный сценарий изгнания генерала Григоренко из СССР!

После лишения отца гражданства он с головой ушел в работу над книгой воспоминаний, чтение лекций и очень активную работу по привлечению внимания мировой общественности к нарушению прав человека в СССР. Я не стану перечислять здесь всего, что он сделал за десять лет в эмиграции. Хочу лишь упомянуть о том, что у нас вышла пара конфликтов при издании книги на русском языке и ее переводе на украинский.

Первым был длительный диспут о том, что раз книга пишется по-русски, то не следует оставлять в ней весьма большие куски, написанные по-украински.

Для меня, русского издателя книги (издательство «Детинец»), это порождало техническую проблему. Если бы я оставил украинские куски в русском тексте, то мне пришлось бы давать их перевод на русский, что резко увеличило бы объем и без того весьма пухлого тома. Но в то же время, если дать только русский перевод, пропадет украинский колорит оригинала. И я предложил отцу переделать диалоги таким образом, чтобы украинская стилизация была понятной русскоязычному читателю, но при этом не было утрачено ощущение, что разговор ведется по-украински. Отцу эта идея, скажем откровенно, совсем не импонировала, но чисто утилитарные соображения вынудили его в конце концов согласиться и переработать текст.

Когда же был подготовлен украинский перевод, то издательство «Українські Вісті» самовольно поменяло название книги, а в тексте допустило массу ошибок и перекрутило многие имена до неузнаваемости. Мне казалось, что надо добиться исправления всех этих ошибок, но отец этого делать не стал.

Мне также не нравились определенные отцовские оценки, которые, как мне казалось, портили книгу. Я также хотел, чтобы он указал реальные, данные им при рождении, имена моих бабушки и дедушки, но он оставил их паспортные имена, которые им присвоил какой-то писарь, для которого настоящее имя бабушки — Ганна, показалось неправильным, и он ее переименовал в Агафью, а дедушкино настоящее имя — Георгий, видимо, на взгляд, другого писаря было чересчур аристократичным. Вот Григорий — это более подходяще имя для селянина.

Правда позднее отец сделал новую редакцию, выкинув ряд неудачных кусков, но настоящих имен своих родителей так и не назвал, по причине, оставшейся для меня загадкой.

* * *

В октябрьский вечер 1983 года, накануне дня рождения моей жены и всего за десять дней до отцовского дня рождения меня разбудил телефонный звонок: «Срочно вылетайте в Канзас-Сити. Ваш отец при смерти».

В госпиталь я добрался только к утру. Отец был без сознания, и врачи сказали, что после такого обширного кровоизлияния в мозг он умрет, не приходя в сознание. Несколько суток я и прилетевший мне на помощь из Вашингтона Миша Макаренко просидели у отцовской постели. Мы готовили себя к самому страшному. Однако организм отца каким-то образом справился и на этот раз, настолько, что он смог встать на ноги и дойти до машины, а потом и до самолета, доставившего нас в Нью-Йорк. После этого первого инсульта отец прожил еще три с лишним года. Уже не в состоянии заниматься активной деятельностью, он до последних минут интересовался тем, что происходило на далекой Родине.

В канун 1987 года, в день Рождества по новому стилю, моя жена, тогда единственная наша дочь Татьяна и я по дороге из церкви к моим родителям попали в автомобильную катастрофу. Боюсь, что именно известие об этой катастрофе привело к повторному кровоизлиянию, и перед самым Новым годом отец оказался в нью-йоркском госпитале Бет Исроэл, из которого он уже не вышел.

Отец не боялся смерти. Никогда не забуду, как, в последний раз придя в сознание и узнав меня, он сказал: «Не сумуй, синку. Я не хочу більше жити. Бо це не життя».

* * *

С каждым годом время уносится все быстрее и быстрее. Уже более двадцати лет я лишен живого общения с отцом. Обращива-

ясь в прошлое я вспоминаю многие приятные моменты, о которых я не упомянул в этих записках. Я пытался представить его тем человеком, которым я его видел. Не знаю, смог ли я этого добиться в полной мере. В любом случае мне не хотелось бы, чтобы из его образа создавали икону. Он был безусловно выдающейся личностью, но это вовсе не означает, что он во всем и всегда был прав или не имел каких-то слабостей. Но как бы сильно он порой не заблуждался, он всегда оставался честным перед своей совестью.

*Нью-Йорк
среда, 10 октября 2007 г.*

НА ЖИЗНЕННЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

It ain't the roads we take;
it's what's inside of us that makes us
turn out the way we do.¹⁵

O'Henry «The Roads We Take»

Хіба не можна без Вандеї?
Щоб трупом слався шлях в Едем?
У рай, як на Голгофу, йдем.

Іван Світличний

¹⁵ «Вовсе не дороги, которые мы выбираем, а нечто внутри нас самих делает нас теми, кем мы становимся.» О. Генри. Перевод с английского Андрея Григоренко.

Алексей Смирнов

Он приходил к нам прямой и крепкий

Он приходил к нам прямой и крепкий. Даже палка в его руке выглядела не как инвалидная, а оружием смотрелась — не подходит!

Что он то ли в отставке, то ли разжалованный — не имело для меня значения. Главным был его вид, умение держаться просто, но убедительно.

Все время он громко что-то обсуждал с дедом, спорил, но никогда они не ругались, не помню этого.

Дед, Алексей Евграфович Костерин, был уверен в справедливости марксистско-ленинского учения. Петр Григорьевич тоже. Оба они считали, что надо вернуться к «ленинским нормам» партийной жизни.

Да и как не быть им в том уверенными, коли всю жизнь отдали за идею торжества пролетариата? Хотя один был писателем, а другой генералом.

Когда дед сидел за письменным столом, нельзя было шуметь, громко говорить и топтать.

Но приходил Петр Григорьевич и тишина заканчивалась — генерал не умел шептать.

Мне, мальчишке, было понятно, что в стране неполадок и надо что-то исправить, вот, наверное, старики и исправляют.

Но, судя по печали стариков, по их озабоченности и тревоге, — не все у них шло гладко. Я даже не знал, когда и за что Петра Григорьевича стали преследовать, сажать, за что исключили из партии, разжаловали.

Первый обыск был у нас, в Трубниковском переулке аж в 1950-х, когда я совсем маленьким был. Но запомнил как фотографию — какие-то дяди снимают оконные трубки-багеты для штор, и заглядывают внутрь, крутят эти трубки. Даже меня поднимали, кроватку осматривали.

Вот эти самые дядьки, наверное, и мешали нашим старикам, не давали им что-то сказать и сделать что-то хорошее, а что они хотели именно хорошее — в том не было сомнения.

Помню один довольно ожесточенный спор. Петр Григорьевич крепко ругал за что-то Виктора Красина, а Володя Лапин, интеллигентнейший человек, все говорил, что у Красина слишком видна «постоянная внутренняя мыслительная работа» и уже потому, дескать, он хороший, а не плохой.

Было это задолго до известного публичного покаяния этого самого Красина перед КГБ и советским народом.

К деду приходило много людей, много было споров и обсуждений, которых я не понимал.

Но все эти разговоры были уже тем невольным фоном, который откладывался для неизвестного тогда моего будущего. Было странное твердое чувство, что придется и мне узнать все то, о чем шли споры, и может быть даже весь путь повторить. Но вот передо мной живой генерал. Это уже слишком: неужели и воевать придется?

Еще при жизни деда, до его смерти в 1968 году, я забегал к Петру Григорьевичу в квартиру на Комсомольском проспекте рядом

с метро «Парк Культуры». Дед ли что-то просил передать или Петр Григорьевич — неважно, я просто выполнял.

Квартира была уютная, жена Петра Григорьевича — Зинаида Михайловна — очень приветливая, открытая, теплая. Всегда кормила меня. Иногда и я помогал — сходить за хлебом, например.

Помню, было у них много народа, все сели за стол, а хлеба нет.

— Ну-ка, Алексей, сходи-ка к набережной, там магазин хлебный: белого две и черного буханку.

Я сгонял быстро, ощущая себя полезным, вернулся, а Петр Григорьевич из дальнего угла стола громко и при всех:

— Ты ЧТО это купил!? Ты разве не знаешь, какой черный хлеб нужен? Надо простой за 16 копеек, а ты купил обдирный за 18!

— Виноват, товарищ генерал!

Через левое плечо кругом марш. Через 10 минут был ржаной за 16.

Это я уже в армии отслужил и стал бояться его всерьез — у нас в части если даже майор, бывало, придет, так все боялись, а тут — генерал!

Петр Григорьевич потом написал книгу «В подполье можно встретить только крыс». Такое название он придумал, чтобы подчеркнуть — все его действия были принципиально открытыми и честными, ничего он сам не скрывал, и никто не смел повторять стиль партии большевиков.

Если писали тогда письмо протеста — подписывались своими именами и даже адреса указывали.

Мою маму выгнали за это из партии и с работы по защите от сельхозвредителей. Сразу рухнула разработанная ею «антивредительская система» против всяких жучков и личинок, но для властей все это было нипочем — пусть хоть вся страна рухнет, лишь бы они властвовали вечно. Будь ты боевой генерал, будь академик или

занят борьбой с действительными вредителями, но во вредителях окажешься ты сам, если сомневаешься в правоте линии партии и ее «вооруженной руки» — КГБ.

Ощущение было как от нехватки воздуха, невыносимое для ищущих и творческих натур. Но для таких, как мой дед и Петр Григорьевич, это было время работы, возможности приложить свои силы, реализовать, как сейчас говорят, свои гражданские потенциалы.

Тяжкое и душное время это, как ни странно, породило необыкновенно теплую атмосферу среди участников правозащитного движения.

Семья Григоренко поддерживала мою маму и когда ее уволили с работы, и когда смертельно заболела ее мать, моя бабушка, и когда сама мама попала в больницу — всегда находили время зайти, проведать, поддержать.

Удивительно, но сейчас, в наши дни, ничего этого не стало. Люди дичатся, отходят в сторону, услышав про чужие проблемы. Настала пора безвременья, когда «всем на все наплевать». После десятков лет войн, лишений и репрессий люди устали. Вот, наверное, причина тотальной гражданской пассивности. И как не хватает сегодня той святой, братской взаимопомощи...

Был у генерала в семье взрослый сын Зинаиды Михайловны от первого брака Алик. Он был болен психически, от рождения, и я его боялся.

Однажды, я собирался уже уходить от них, а тетя Зина вдруг говорит, что Алик меня проводит.

Мне идти надо было мимо церкви на Садовое, чтоб на троллейбус сесть.

— А как же Алик вернется? — спросил я с тайной надеждой.

— Ничего, он сумеет, — сказала генеральша.

И вот идем. Алик рядом, что-то бормочет.

Вошли в церковный двор, что напротив их дома, на ограде голуби сидят.

Алик вдруг подошел к ним, взял одного и встал на фоне храма с голубем на руке....

Я сделал к нему шаг, но голубь тут же вспорхнул. Ударили колокола. Мороз по коже...

— Алик! — как же это у тебя получается?!

— Я — святооой...

После вторжения советских танков в Чехословакию в 1968 г. сердце деда не выдержало. Он отослал свой партбилет в ЦК с осуждающим письмом. Вызвали его в райком партии, я пошел с ним. А там тетки ходят по коридорам, низкие, кривоногие, с усами, в пиджаках и с беломоринами в зубах.

Они вызвали деда в кабинет. Я услышал его странный крик...

Мы еле добрались домой, и я не знал как ему помочь. Он слег и через два дня у него не выдержало сердце. Я его держал, пытался приподнять, думая, что так ему будет легче, но дед вдруг весь покраснел, захрипел и сделал долгий, облегченный выдох...

Петр Григорьевич приехал немедленно. Вошел молча, не поздоровавшись, уронил палку и сразу прошел к дедовской кровати. Почти упав на деда, он обнял его и закричал:

— Алешка!!! Алешка... Что же ты наделал?... Как же я без тебя?!..

— Странно, он же войну прошел, сколько раз видел смерть, почему же он так? — думал я.

Потом было все как во сне: много людей, бабка моя приемная — совсем никакая...

Все куда-то звали, спешили, что-то говорили.

Были знаменитые похороны, когда на гражданской панихиде впервые громко прозвучали свободные речи.

Сотрудники КГБ были и на похоронах, и у нас в квартире. Они успокаивали бабу, гладили ее по руке, говорили, что во всем виноват «этот Григоренко», который, мол, и довел деда до смерти.

И хотя это было очевидное вранье, и все видели настоящую, редкую мужскую дружбу генерала и старого большевика, бабу испугалась, стала им верить и позволила забрать почти весь дедовский архив. Что-то я успел из него ночами перефотографировать, отдавая отснятые пленки Петру Григорьевичу...

После смерти деда я чувствовал себя совсем одиноко и стал чаще ходить в семью его друга. Зинаида Михайловна меня кормила, давала что-то из одежды, а то я немного «дошел» студентом дневного отделения — стипендия была 35 рублей, приходилось в столовке выпрашивать бесплатный соус с бесплатным хлебом... Но и стипендия была под угрозой — за две тройки деканат пообещал ее снять.

Физика, как хотел, из меня не вышло — в институт пришли двое.

Звали их, кажется, Владимирами Владимировичами, сейчас уже не помню, да это и совершенно неважно для того времени.

Они вызвали меня в отдел кадров института, перед этим выгнав оттуда испуганных сотрудников.

Один Владимир Владимирович был мягкий, хороший, он сидел от меня дальше, чем другой Владимир Владимирович, который на меня кричал и требовал, чтобы я перестал ходить к «этому Григоренко».

Владимир же Владимирович первый, наоборот, был добрый. Он с укором, но с некоторой даже симпатией говорил, что поможет мне, что стипендии меня они «не дадут лишить» (тут он слегка сдвинул брови, как бы осуждая в душе тех, кто собирается «лишить»).

Но, чтобы помочь мне, всего-то требуется, чтобы я тоже помог и... наоборот — ходил «туда» (он не сказал — куда), а потом бы с ним, Владимиром Владимировичем, встречался и рассказывал, что там и как.

Я попытался возражать, говорил, что в окружении моего деда и Григоренко замечательные люди, например, тот же замечательный литератор Владимир Лапин...

Оба кагебиста засмеялись: да он же больной!...

Я был потрясен этим сообщением и попросил время подумать, чем вызвал взрыв негодования и новых угроз у Владимира Владимировича одного и упрекающий взгляд другого.

Оба были настолько уверены в немедленном и нужном результате, что я почему-то обиделся, вышел, тут же направился к Петру Григорьевичу и рассказал ему обо всем.

Так появилась первая публикация по моему делу в нашем главном диссидентском сборнике — «Хронике Текущих событий».

30 апреля 1969 г

«ВОКРУГ СЕМЬИ А. Е. КОСТЕРИНА

ВЕРУ ИВАНОВНУ КОСТЕРИНУ, вдову писателя, после смерти мужа окружили «вниманием» работники КГБ. Они звонят ей, спрашивают о здоровье, навещают дома и приглашают к себе — в КГБ. Из подробностей их бесед известно немного: под нажимом новых друзей В. И. КОСТЕРИНА подписала какое-то заявление против друзей мужа; она предпринимает какие-то действия, чтобы КГБ мог не возвращать П. Г. ГРИГОРЕНКО экземпляры произведений А. Е. КОСТЕРИНА, подаренные ему писателем при жизни и изъятые при обыске; ВЕРА ИВАНОВНА поверила, и сама теперь рассказывает знакомым, что ГРИГОРЕНКО передал за рубеж половину произведений КОСТЕРИНА. Основное же, в чем хотят помочь ей сотрудники КГБ, — это надежно пристроить архив покой-

ного писателя. Можно опасаться, что многолетний литературный труд А. Е. КОСТЕРИНА попадет в руки наиболее ненавистной ему организации.

Одновременно КГБ занялся «воспитанием» внука КОСТЕРИНА, студента Горного института АЛЕКСЕЯ СМИРНОВА. 31 марта и 1 апреля с. г. сотрудники КГБ провели две беседы с отцом АЛЕШИ, человеком, который никогда не принимал участия в воспитании сына, а последние два года вообще его не видел. В первый раз ему рассказали, что его сын связался с «ярим антисоветчиком» ГРИГОРЕНКО и скоро их обоих арестуют. А если даже не арестуют, то сына выгонят из института. На следующий день линия переменилась: ГРИГОРЕНКО не арестуют, его оставляют как «приманку для молодежи»: кто к нему ходит — попадает на заметку. И от этой судьбы отец в союзе с КГБ может спасти АЛЕШУ.

С самим АЛЕКСЕЕМ СМІРНОВЫМ провели беседу 2 апреля с. г. в помещении отдела кадров института. Два сотрудника КГБ, назвавшиеся ВЛАДИМИРОМ ИВАНОВИЧЕМ ВОЛОДИНЫМ и АЛЕКСЕЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ, провели с ним беседу — по сути дела, противозаконный допрос: его расспрашивали обо всех его друзьях и знакомых, выясняли политические убеждения, сообщали клеветнические сведения о друзьях А. Е. КОСТЕРИНА. В конце концов от него потребовали прекратить „связь с Григоренко“.

В 1982, в Лефортовской тюрьме, следователь предъявил мне обвинение как раз с того момента. Мол, я начал свою преступную деятельность именно тогда.

Я спросил, почему же меня сразу не арестовали, а так долго ждали?

Майор Капаев ответил, что мое преступление непростое и относится к разряду «накапливающихся».

Я спросил, правильно ли понял, что, вот, например, если бы рассказал 99 антисоветских анекдотов за 10 лет, то этого еще бы не хватило для ареста, а вот сотый — он и есть тот самый последний, который и губит?

Следователь всерьез обиделся.

Но там, в камерах, я часто вспоминал крепкого генерала, помнил о нем, как помню и сейчас. Он мне помогал и там; ему и его друзьям обязан я тем, что выжил.

Москва, 2006 г.

Леонид Петровский

Дон Кихот XX века¹⁶

В современном обществе с огромным трудом по телевидению, радио и в прессе пробивается к людям ПРАВДА жизни. Делается все, чтобы уничтожить эту искру ПРАВДЫ. С помощью крупной лжи и ежедневного обмана оправдывают правомерность обнищания народа, и потоки крови. И надо проявить энергию и искусство, чтобы в огромной массе дезинформации уловить ИСКРУ ПРАВДЫ. НО, вспоминая 60-е годы, констатируешь: в то время из-за демагогии произвола властей было куда трудней найти те ИСКРЫ, которые жгли бы сердца людей, взывая к их совести, внутренней свободе, здравому смыслу, порядочности. И казалось тогда, что сталинизм, идущий к реставрации, никогда не даст возможности так вспыхнуть ИСКРЕ ПРАВДЫ, чтоб разгореться в пламя. Но в идеалы Октябрьской революции еще верили. Поэтому в народе и искали Дон Кихота революции.

Накануне 1968 г. в «самиздате» появилась именно такая ИСКРА ПРАВДЫ, которая свидетельствовала о редчайшем, уникальнейшем, талантливейшем явлении. «Прочти!» — сказали мне, передавая плотный машинописный текст страниц на 50. «Что это?» — спросил — я, но мне не ответили. Тогда я бросил взгляд на заголовок. Прочел:

¹⁶ Перепечатка осуществлена с разрешения автора. *Прим. А. Г.*

«Соккрытие исторической правды — преступление перед народом» и далее в скобках: «(Письмо в редакцию журнала «Вопросы истории КПСС»). «Кто автор?»: задал я новый вопрос. Вновь загадочное молчание. Открываю последнюю страницу. Читаю подпись: «П. Григоренко». «Кто это?» — спрашиваю. Ответа снова нет.

Я понял, что надо читать. Хотел взять с собой и прочесть потом, дома, но мимолетно бросил взгляд на первые строки. И так захватило, что я уже не мог оторваться. Забился в угол комнаты у товарища, читал и читал, возвращался к отдельным фрагментам и разделам, окончив чтение, поймал себя на том, что вновь углубился в текст с первой страницы. Главное: от чтения на душе становилось все более спокойно, рождались новые силы, уверенность в том, что подобная искра ПРАВДЫ может разгореться в священное ПЛАМЯ. Это был текст неизвестного тогда мне автора, но какой текст! Я понял, что автор — непобедимый Геракл, вечно идущий в атаку Дон Кихот XX века.

Будучи человеком весьма скромным, Петр Григорьевич всегда очень щепетильно относился к какой-либо «высокой оценке» своей деятельности. Но если собрать воедино все, что им создано: военные исследования, правозащитные письма, записанные тексты речей и эпистолярное наследие на различные темы, литературные мемуары и публицистику, лекционные тексты, то получится достаточно объемный труд из нескольких томов. Уверен, что такую работу можно выдвигать на присуждение, хотя уже и посмертно, любых известных и почитаемых народами премий, как национальных, так и международных.

Есть среди эпистолярного наследия Петра Григорьевича письма, которые он написал находясь в тюремно-психиатрических застенках, есть и написанные на воле, передающие его страсть, его ненависть ко всему античеловеческому, рисующие яркие и страш-

ные картины; произвола властей, содержащие призывы — изменить режим деспотии. Вот строки из письма Петра Григорьевича председателю КГБ Ю. В. Андропову от 19 февраля 1968 года: «Из марксизма-ленинизма, — пишет он, — вытекает и еще один вывод. Он заключается в том, что такое «единодушие» народа — явная ненормальность, патология в развитии общественного организма. Он тяжело болен. В нем: нет нормальных условий для борьбы мнений, а, следовательно, и для развития общества. Диагноз же только один — застарелая, тяжелая форма тоталитаризма.

Вспоминается такая картина. Опираясь на большую палку, прихрамывая, но достаточно быстро идет по Москве широкоплечий, как бы чуть пригнувшийся под тяжестью, немного грузный кареглазый человек лет шестидесяти. В нем что-то от Артура Ривареса из романа Э. Л. Войнич «Овод». Вот он замедлил шаг и вдруг неожиданно пропал в одной из подворотен. И тут к месту его исчезновения бросаются, обгоняя друг друга, преследующие его детективы.

Другая сцена. Едем на такси с Петром Григорьевичем на «явочную квартиру», где его ждут крымские татары и немцы Поволжья. Быстро темнеет, но мы уже заметили, что две машины КГБ ведут преследование. Надо оторваться, но каким образом? У Петра Григорьевича в подобных случаях реакция быстрая, почти всегда безошибочная, «Вы знаете, — как-то просто сказал он шоферу, — за нами едут и ведут слежку машины КГБ». — «Это почему?» — спросил удивленный шофер. «А вот рядом с Вами сидит Петр Якир, сын; расстрелянного Сталиным командарма». Шофер даже с недоверием взглянул на бородатого Петра Якира. «А вы насчет слежки не ошибаетесь?» — спросил он снова. «Да вот смотрите», — показали мы на несущиеся, чуть поотстав, две машины, «Сейчас проверю», — ска-

зал шофер и свернул в переулок. Машины с оперсотрудниками тут же, нарушив все правила движения, устремились вслед за нашей машиной. «Помоги, друг, чтоб отстали» — мягко произнес Петр Григорьевич. «Сейчас попробую», — как-то очень доброжелательно и даже дружелюбно ответил шофер. Два-три неожиданно быстрых поворота, проезд через проходные дворы, и преследователи исчезли. Поблагодарив шофера, и отпустив такси, немного пройдя, сели в другое такси и поехали на место встречи.

Еще сюжет. Спальня в квартире Григоренко, прямо на кроватях сидят с хозяином квартиры прибывшие из Польши представители «Солидарности». Беседа длится уже несколько часов, а мы создаем «шумное сопровождение», чтоб не дать прослушать беседу. Сидим в комнате рядом. На столе выпивка, картошка с селедкой, играет громко музыка. Каждый час заглядываем в спальню, знаками зовем гостей и Петра Григорьевича к столу, но он упорно — также знаками — дает понять, что разговор еще будет длиться долго и нам надо выполнять намеченное отвлекающее глушение»... Бурная дискуссия с представителями «Солидарности» длится почти всю ночь. Накормили их и проводили под утро. Кажется, что КГБ не стали известны мотивы этой и подобных бесед, где крепилась международная солидарность трудящихся в борьбе против произвола.

Надя Свитлычная

Национальные проблемы в правозащитной деятельности Петра Григоренко¹⁷

Тридцать три года своей жизни Григоренко отдал Советской армии и только последних 16 лет Правозащитному Движению. Но несмотря на блистательные успехи военной карьеры (это признают и друзья, и недруги бывшего генерала), фигура Петра Григоренко, выделяющаяся в первую очередь в контексте 60 — 70-х годов, периода его инакомыслия, защиты прав крымскотатарского народа, участия в создании и организации работы Московской и Украинской Хельсинских Групп, в его упорном и небезуспешном пробивании национальных проблем на международном уровне. Драматичную историю генерала можно было бы назвать возвращением блудного сына. Как честный и порядочный человек, он, конечно, всегда имел Украину в своем сердце — и это не просто красивые слова.

Вот два примера. Прожив три четверти своей жизни в русскоговорящей среде, женатый на русской, генерал

¹⁷ Перевод с украинского Андрея Григоренко.

разговаривал по-русски, конечно же не только на службе и на улице, но и дома. При этом он научил своего сына родному языку — и присутствующий здесь Андрей, который никогда не учился ни в одной украинской школе, не только свободно общается с нами по-украински, но и проблемы Украины принимает близко, как свои собственные.

Второй пример. В 1985 г. у него случился инсульт во время поездки в Денвер. Он был в иноязычной среде (английским он не овладел также, как и я). Тогда ему нашли там кого-то русскоговорящего для необходимой коммуникации¹⁸. Но общения не получилось, хотя он все время что-то говорил. Думали, больной бредит. Однако впоследствии оказалось, что его не понимали, потому что говорил он на украинском языке — первой вернулась материнская речь. Конечно, всё это можно воспринимать как лирические детали заикленных на языковом пункте украинцев. Но можно усмотреть в этих деталях также проявление феноменальной нестандартности генерала Григоренко. Так и остался он до конца жизни генералом, хотя и был разжалован в рядовые, восстав против режима еще в начале 1961 года. Но его, патриарха правозащитного движения в СССР, считали генералом и на мирных фронтах правозащиты. Неудивительно, что в случае украинских правозащитников он — предтеча

¹⁸ Тут Надия не совсем точно передает события. Во-первых, инсульт случился у П. Г. в Канзас Сити. Во-вторых, вылетов практически сразу после того, как мне позвонили из университета, в котором во время лекции у отца случился инсульт, я оказался около его постели через несколько часов, когда он еще не успел прийти в сознание. Придя же в себя, он действительно говорил со мной по-украински, но для него это было совершенно нормально: мы очень часто общались с ним по-украински на протяжении всей моей жизни. Когда же на другой день прилетел, чтобы мне помочь, Миша Макаренко, отец мог говорить с ним и по-русски. Полная же утрата русского у него действительно произошла, но позднее, после второго инсульта. *Прим. А. Г.*

нынешней оранжевой революции в Украине, равно как для крымских татар Григоренко — их национальный Герой.

Важность борьбы за национальные права угнетаемых народов Петро Григоренко осознал еще в 60-х годах, и в дальнейшем до конца жизни эти проблемы были сердцевиной его правозащитной деятельности.

Неоднократно он сталкивался с непониманием своей позиции — некоторые из российских коллег считали эти проблемы надуманными, узкими для демократического движения, некоторые из украинских националистично-партийных группировок корили его распылением национальной проблемы, размытой, так сказать, эфемерными правами человека, утверждениями о партokratичном режиме бывшего СССР и т. д.

Григоренко был по-генеральски тверд в своих убеждениях. Впервые выступив перед крымскими татарами в Москве на праздновании 72-ой годовщины их защитника Алексея Костерина 17 марта 1967 года, он четко заявил: «Что принадлежит по праву, не просят, а требуют. Начинайте требовать. И требуйте, не лоскутики, не кусочки, а все, что у вас незаконно отобрали». После этого он стал лидером крымскотатарского движения и заплатил за свою твердость годами самой страшной — психиатрической неволи.

Украинские правозащитники прибегали к помощи Григоренко, как к своему защитнику, постоянно, начиная с первой половины 60-х годов, в 1976 г. он вполне естественно и логично стал членом-основателем Украинской Хельсинкской группы.

Мы с Петром Григорьевичем встретились только в Америке, в ноябре 1978 года, и в том же самом месяце вместе приняли участие в самом высоком форуме украинцев диаспоры — съезде Всемирного Конгресса Свободных Украинцев. Помню, какую волну недовольства какой-то части делегатов вызывало то место в выступлении Григоренко, где он отметил: «Конечно, я хочу, чтобы

Украина была самостоятельным независимым государством, но мне совсем небезразлично, какой она будет — демократической, или фашистской».

Тогда же, в конце 1978 года он основал Зарубежное Представительство Украинской Хельсинкской Группы с официальным названием «Права Человека в XX веке». В 1974-ом году в Вашингтоне проходили Сахаровские Слушания. Они были весьма насыщенным, но Григоренко настоял на том, чтобы в повестку Сахаровских Слушаний включили отдельный доклад о национальных проблемах в Советском Союзе. И добился. Правда, определенная часть участников после его доклада атаковала генерала, заявляя, что, мол он, унижает русских и умаляет их проблемы (дискуссия происходила в значительно более острой форме).

Григоренко выстрадал свои убеждения, в частности, относительно и национальных проблем, и твердо их отстаивал на разных форумах.

Ситуация в Украине была темой многих заявлений и выступлений Петра Григоренко, в частности, на Мадридском совещании по безопасности и сотрудничеству на Европейском континенте в 1982 году, во время его многочисленных встреч с руководителями европейских государств. Петро Григорьевич не дожидаясь не только до оранжевых событий в Украине, всколыхнувших весь мир, но и до свержения советской системы. Вскоре, 21 февраля исполняется 18 лет после смерти генерала. Несмотря ни на что, идеи, которые он исповедовал, — идеи человеческой ответственности, свободы и ценности каждого человека — проросли в выступлениях оранжевой молодежи в Украине.

Мне кажется, что сейчас достаточно размыты, такие терминологические понятия, как национальный, народный, националистический. Эти термины своевольно употребляют и в журналистике, и в политике. Мне трудно понять, например, вчерашнее вы-

ступление перед одесситами государственного секретаря Украины Александра Зинченко, в котором он подчеркивал необходимость новой общенациональной идеи. В многонациональной Украине говорить, наверное, надо не о национальном, а о всенародном единстве. Это один из примеров, просто самый свежий. Среди молодых хозяев современной Украины еще много брожения и неопределённости — пожалуй, это естественные признаки национального становления. Я все же очень хочу надеяться, что эта молодёжь сможет отстоять свою победу, особенно в том случае, если изучит и переймёт тяжелый жизненный опыт предшественников — в частности, таких как генерал правозащиты Петро Григоренко.

*Выступление на Четвертых Ежегодных Григоренковских Чтениях
Колумбийский университет, Нью-Йорк,
16 февраля 2005 г.*

Мария Петренко-Подъяпольская

Человек, которым мы восхищались и которого полюбили

Суд над демонстрантами

Суд над демонстрантами, вышедшими к Лобному месту на Красной площади с протестом против оккупации Чехословакии, состоялся 9–10 октября 1968 года. Действо проходило в помещении суда Пролетарского района Москвы.

Нас много у здания суда, но и незнакомых и непонятных людей тоже много. Петр Григорьевич Григоренко еще чужой. Мы с ним не знакомы.

Гриша подписывает какие-то письма с требованием впустить нас в зал. В руке у генерала палка, выглядит внушительно.

Из глубины соседнего переулочка появляются фигуры в рабочих фартуках, очень похожие на ряженых, от всех пахнет водкой.

Говорят, их поят в каком-то жэковском красном уголке. Мы гуляем по набережной и опять возвращаемся — и так много раз. Кто-то показывает мне женщину, немолдую, энергичную и волевою, говорит: генеральша.

Около входа в здание суда стоит дезинформатор. Все сведения, которые он сообщает корреспондентам «из зала суда», — туфта и бред. Выясняется это легко и быстро — как только выходит первый же свидетель.

В последний, третий день суда наблюдали, как после окончания судебного заседания разъезжалась «расквартированная» вокруг армия. А в районе Солянки мимо прокатил огромный грузовик, в кузове на многих скамьях один к одному тесно сидели милиционеры.

Все это выглядело устрашающе, однако, кажется, мы перешли некий рубеж, за которым дороги назад нет и пугаться не имеет смысла...

Похороны А. Е. Костерина

Мы не были знакомы с Алексеем Евграфовичем Костериним. Более того, тогда мы еще не были знакомы и с П. Г. Григоренко. Но мы уже вышли из катакомбного состояния настолько, что кто-то из друзей посчитал нужным сообщить нам о смерти Костерина и о том, что похороны состоятся 14 ноября 1968 года.

Тогда в Москве был только один крематорий — у Донского монастыря. Непрерывный людской поток втекал в здание и втянул нас туда. Мелькали лица знакомых; незнакомых было много больше. Мы с Вавой Герлин прижались друг к другу, и я почувствовала, как она дрожит.

Старались не терять из виду своих мужчин. Такого числа громадных венков я не видела никогда. К нам подлетела Ира Корсунская, вручила красные банты на булавах. «Это чтобы отличить своих от гэбэшников», — сообщила она жарким шепотом. Мы прикрепили банты к пальто, оглянулись вокруг и поняли, что нас боль-

ше, чем их. Где-то рядом Ира отказывалась дать бант какому-то типу. Было понятно, что она считает этого типа гэбэшником.

Началась панихида. Много слов было сказано о мужестве, бескорыстии, величии души А. Е. Костерина. Я запомнила слова Петра Григорьевича Григоренко, который сопоставлял мужество ратное и гражданское, характеризуя последнее как некую высшую категорию мужества. Мы с Гришей переглянулись и поняли: генерал — наш человек.

На поминки мы все-таки постеснялись поехать. Пошли по Донским улицам на Малую Калужскую, к метро. Бант на своем пальто я тогда ощущала как символ убежденности и протеста, даже бунта против мракобесной системы. Казалось, что все смотрят на нас, на наши банты, а может, и «хвост» за нами идет. Эти банты жили у нас в доме годы.

В тот вечер мы посмеялись над собой и над ситуацией. Если бы нам заранее сказали, что мы наденем красные банты и будем гордо и с ощущением риска нести их на себе через весь город, мы бы не поверили. Но ведь — случилось! Так велика была жажда продемонстрировать свое несогласие. И как-то стало понятно, что портрет Сталина у мальчишки-шофера на ветровом стекле (а такие тогда стали входить в моду) отражает не его пристрастие к вождю, а всего лишь протест в неуязвимой для репрессивных действий форме. И многие свои поступки из области психологии взаимоотношений с миром отнесли мы к той же бравате в пределах дозволенного. Пройдя после похорон по Москве с бантами, мы сделали еще один шаг в сторону от катакомбных правил поведения.

Зинаида Михайловна числила датой нашего появления в их доме 13 января 1969 года. Я ни дату, ни антураж этого события не помню. Я помню, как бежала к ним темным вечером зимой 1968–1969 года от метро «Парк культуры», и около переулка, на котором находится Хамовнический храм, навстречу мне вышел большой,

весь темный мужик и очень ласковым, даже проникновенным голосом сказал (будто знал, что бегу к старикам, что несу какие-то гостинцы и что стою на пороге дружбы, которая будет длиться многие годы): «Бог помощь тебе, маленькая, Бог помощь». И будто одобрил меня и благословил. И звучит во мне этот голос, скрепляя отношения с Григоренками особой аурой понимания и приятия.

А мы принадлежали не только к разным поколениям, но и к разным социальным слоям советского общества. Петр Григорьевич был единственным генералом, с которым мы с Гришей были знакомы, Зинаида Михайловна — единственной генеральшей. И если Петр Григорьевич за время героического борения с системой подрастерял свое типично генеральское оперение, то Зинаида Михайловна до конца дней своих оставалась при обличье. Главным же связывающим нас фактором было то, что оба они, прошедшие в молодости через все этапы формирования советской психологии, сумели разглядеть сущность строя и системы и не убоились вступить в борьбу с воспитавшей их идеологией — сначала с целью ее очищения от недостатков, а позже отрицая самые основополагающие ее доктрины.

Казалось, все дороги демократически настроенных людей и движений шли через этот дом, а мы, бывая у них, впитывали информацию и потом переживали судьбы отдельных людей и целых народов. Впрочем, и мы уже были не такими катакомбными. Позади были демонстрации на Пушкинской площади, на которые мы ходили каждое 5 декабря, процесс четырех, по поводу которого Гриша сделал свое личное заявление Генеральному прокурору Советского Союза, стояние у суда над теми, кто не смирился с вводом войск в Чехословакию, похороны А. Е. Костерина и многое другое. Наше участие в событиях вместе с кучкой осмелившихся выражать свое мнение интеллигентов стало нормой. Все это способствовало

обретению многих друзей, связь с которыми стала определяющей во всей последующей жизни.

Шла первая неделя апреля 1969 года. Традиционно (в те времена такие традиции росли, как грибы) конец недели числился по календарю то ли днем геолога, то ли днем нефтяника. Во всяком случае, у меня на работе бывала пьянка — как правило, в подвале на улице Шухова, в котором в то время обретался наш геологический отдел. К Григоренко нам показалось приличным принести торт и устроить чаепитие.

Апрель — чудный месяц в Москве. Весна. Все звенит и радуется теплу. Даже уличный шум, напоминающий веселые аккорды, не угнетает, а бодрит. Мы беззаботно вошли в дом, в котором оказалось много народу.

Зинаида Михайловна, замешкавшись на минутку, проводила нас в комнату, в которой шло совещание. Председательствовал Виктор Красин. Перед ним вдоль стенки сидели П. Якир, А. Якобсон, П. Г. Григоренко и еще какие-то мужчины. В конце ряда сгрудившийся раек образовывала группа женщин. Мы с вновь приходящими составили левый фланг. Атмосфера уже была накалена весьма основательно. Шло обсуждение предложения Петра Григорьевича о создании инициативной группы по защите недавно арестованного Ивана Яхимовича. Иван Яхимович, бывший учитель, филолог, выпускник Латвийского университета, председатель колхоза «Яуна Гварде», студент-заочник Латвийской сельхозакадемии, постоянно слушавший «голоса», за личное письмо в ЦК КПСС по поводу процесса четырех был исключен из партии и снят с работы. На него завели уголовное дело в декабре 1968 года по статье 183-1 УК Латвийской ССР (в РСФСР она шла под 190-1). 20 марта 1969 года Яхимовича арестовали. Остались без отца три малолетние дочери. Жену его тоже репрессировали — лишили преподавательской работы в школе, и она вынуждена была работать в детском саду. Петра Григорьевича

глубоко тронула судьба этой, по всем показателям очень честной и преданной советскому образу мыслей семьи.

Характеризуя настроения в этой семье, люди рассказывали, что, когда у них производили обыск, выпущенные во двор девочки, взявшись за руки, пели под окном Интернационал, и не в течение пяти минут, а долго — может быть, все время, пока шел обыск.

Однако коллизия складывалась не то что не в пользу Яхимовича, а не в пользу Петра Григорьевича. Чем больше Петр Григорьевич волновался, обрисовывая создавшуюся ситуацию, тем жестче становился Красин. А он председательствовал. Он бесцеремонно использовал свое положение, не давая Петру Григорьевичу возможность защитить идею создания инициативной группы. Красин обрывал П. Г. начальственными окриками с требованием соблюдать регламент. При этом он ничего существенного не возразил по сути идеи. Очевидно, Петр Григорьевич заранее обсудил проблему, во всяком случае с Якиром и с Якобсоном, и непонятно было, обговаривал ли он ее с Красиным. Во всяком случае, Якир и Якобсон вели себя так, будто они что-то пообещали одновременно и Петру Григорьевичу, и Красину.

Очень четко и без обиняков выразила свою позицию Майя Улановская, жена Якобсона. У нее за плечами был опыт следствия, осуждения и лагерного срока в сталинские времена. Она проходила по групповому делу. Отсутствие вины каждого, отсутствие оснований для создания уголовного процесса никак не отразилось на приговорах, которые получили Майя и ее друзья: троих расстреляли, десять человек, в том числе и Майю, приговорили к двадцати пяти годам, остальных — к десяти. Все — с отбытием срока наказания в исправительно-трудовых лагерях с последующей ссылкой и поражением в правах на пять лет и с конфискацией имущества. А всего их было шестнадцать юных, жаждущих добрых дел душ. Старшему к моменту ареста был двадцать один год, младшей — шестнадцать.

Вся их «вина» состояла в обсуждении того, что их не устраивал тоталитарный строй, укоренившийся в стране после революции. Их организация называлась «Союз борьбы за дело революции». Их арестовали в 1951 году, судили в 1952-м. Дело пересмотрели в 1956-м и выпустили на свободу всех, кто выжил.

У Майи остался естественный и вполне понятный страх перед «групповым действием», и слова «группа» ее тревожило. Я не разделяла ее позицию (может быть, потому, что не была так бита, как она), но считала, что она вполне имеет на нее право и имеет право быть выслушанной без раздражения, имеет право на то, чтобы все, что она говорит, приняли во внимание и учли при решении. Я тогда по застенчивости не высказалась, и это легло камнем мне на душу, тем более после того, как я прочла описание ситуации в книге П. Г. Григоренко «В подполье можно встретить только крыс...». На том совещании комитет защиты Яхимовича создан не был, а Петр Григорьевич в заключение сказал такие горькие слова: «Вначале я обращался в разные партийные органы, и меня выслушивали. Потом отвечать перестали. Нам нужно менять тактику. Какова будет реакция, никто поручиться не может. Это разведка боем. Я готов идти впереди и предложил вам пойти со мной. Но сейчас я убедился, что вы — не те люди, с которыми стоит идти в разведку. Поэтому я свое предложение снимаю».

Мы вспомнили о намерениях, с которыми пришли в дом, и начали организовывать чаепитие с тортом. Кто-то уходил, кто-то оставался, мы еще далеко не всех знали. На фоне всеобщего топтания вдруг возникло замешательство. Якир, Красин и Надя Емелькина праздновали свою победу над генералом на окне лестничной клетки, у них была бутылка, но не было из чего пить. За стаканом явились в квартиру. Запретельность такого поступка настораживала.

В следующий месяц мы очень много общались с Григоренками. Они жили в атмосфере провокаций со стороны КГБ. Петр Григо-

рьевич хотел ехать в Ташкент на очередной судебный процесс над крымскими татарами и быть на нем общественным защитником. Неосуществимость такой идеи он в принципе понимал, а отступить от ее выполнения не мог: выбор позиции диктовался твердым нравственным принципом.

Вся национальная политика в Советском Союзе состояла, в сущности, из лозунгов интернационализма, за ширмой которых свирепствовал партийный, чиновничий беспредел по отношению к национальным территориям, культурным и языковым особенностям живущих на этих территориях народов. Целый ряд народов пережил ужасы тотального административного выселения, в процессе которого погибло множество людей. Некоторые народы вернули на исконные территории, некоторые — нет.

Крымские татары, выселенные в Узбекистан, вели борьбу за право возвратиться на родину — в Крым. Они использовали только конституционно-законные методы борьбы: письма, петиции, демонстрации. Они, как и другие народы, уже добились того, что акция геноцида по отношению к ним была признана незаконной. Перед ними вроде бы извинились, списав все на культ личности, и... оставили дискриминационные законы.

Отдельные семьи пытались явочным порядком переехать в Крым. Их административно лишали возможности приобретать жилье, землю и даже права работать на территории Крыма. За нарушение административных (и в то же время антиконституционных) установлений их арестовывали, наказывали лагерными сроками.

Первым за права крымских татар стал заступаться А. Е. Костерин, к нему присоединился П. Г. Григоренко, и многие участники демократического движения стали помогать им в их борьбе за право народа жить и трудиться на своей этнической родине. В квартире Григоренко часто жили представители крымскотатарского народа, хлопотующие о восстановлении своих гражданских прав на своей земле.

Для него, так же как и для Алексея Евграфовича Костерина, восстановление справедливости по отношению к репрессированным народам было одним из актов, необходимых для существования многонационального нашего государства. Таким же насущным, как реабилитация невинно осужденных. В нем глубоко сидело чувство вины за свою слепую и разрушительную комсомольскую юность, когда он служил строю, который теперь не мог уважать и не хотел поддерживать. Руководящие и силовые структуры рассматривали его как человека опасного. Выделялись люди и деньги для уничтожения его авторитета. В доме напротив был оборудован круглосуточно работавший наблюдательный пункт. Осуществлялись по отношению к нему и его окружению — семье, друзьям — провокации с целью найти возможность создать уголовную ситуацию и подменить идейную подоплеку противостояния уголовной. Обо всем этом он рассказал в своей книге «В подполье можно встретить только крыс...».

Весной 1969 года Петру Григорьевичу позвонили из Ташкента и сообщили дату суда над крымскотатарскими активистами. Он решил лететь в Ташкент, но, опасаясь провокаций со стороны «опекунов», постарался покинуть дом незаметно. Поменявшись с Гришей пальто и шляпами, он приехал к нам, переночевал, а утром окольным путем отправился в аэропорт. Однако улететь ему не удалось: придя на следующий вечер к Григоренкам, мы застали его дома.

Улетел он в Ташкент 2 мая, после дня рождения его пасынка Алика. Провожала его уйма народу, мы с Гришей тоже. Было ощущение безнадежности и захлопнувшейся западни, хотя по дороге к аэропорту филеров не наблюдалось. В Ташкенте его арестовали. Сразу после ареста выяснилось, что звонок по телефону с просьбой приехать в Ташкент к определенному числу был провокацией: суд перенесли, не назначив определенной даты.

Как ни ожидали мы ареста Петра Григорьевича, когда он свершился, событие это показалось почти невероятным. Петр Григорьевич — первый человек, против которого практически у нас на глазах была совершена провокация, завершившаяся арестом. Нас потрясли ощущение бессилия, ощущение необходимости что-то предпринять, понимание, как «это» происходит, и тревога за судьбу человека, которого мы уже включили в нашу жизнь и глубину которого почувствовали вполне, которым восхищались и которого полюбили. Мы почти ежедневно бывали у Зинаиды Михайловны и вместе со многими знакомыми и незнакомыми нам друзьями Петра Григорьевича и Зинаиды Михайловны обсуждали ситуацию.

Арест Петра Григорьевича сблизил наши семьи и очень расширил круг наших друзей и знакомых. В первые же дни после ареста Петра Григорьевича было составлено и многими приходящими в дом подписано письмо в защиту Григоренко. Куда-то оно было адресовано, не помню, да и не важно для нас это было. И Гриша, и я его подписали. Весь сценарий выманивания Петра Григорьевича из Москвы в Ташкент, а также последующая фабрикация его «психического заболевания» выглядели омерзительно.

И Гришу, и меня за подписание письма в защиту Григоренко прорабатывали в научных учреждениях, в которых мы работали. Более того, подготовленная Гришей научная диссертация не была допущена к защите в связи с «отсутствием характеристики со стороны треугольника» (партийной организации, профсоюзной организации и администрации). О том, как все это происходило, рассказывается в мемуарах его сотрудников А. А. Гвоздева и Л. И. Ивановой. О связанных с этим событиях в моем институте я пишу дальше.

Свое членство в составе Инициативной группы Гриша воспринял как судьбу, и даже экстравагантная форма ее создания (см. вос-

поминания Сергея Ковалева) казалась ему не столь уж важной. На какое-то время группа позволяла действовать, и это ощущалось необходимым и первоочередным.

Меня прорабатывают за письмо в защиту П. Г. Григоренко

В один из осенних дней 1969 года к нам в геологический отдел позвонили и сказали, что мне к двенадцати нужно зайти в отдел кадров института (на Дербеневскую набережную). Обсудила ситуацию с Санычем и пошла.

Саныч — Владимир Александрович Строгонов, начальник геологического отдела, в котором я работала. Он старше меня на год. В войну служил боцманом на Северном флоте и еще через год или два после войны с трудом демобилизовался. Во все времена службы противостоял стремлению начальства дать ему военное образование и оставить служить в вооруженных силах; поступил в геологоразведочный институт, работал в Западной Туркмении, защитил диссертацию и теперь командовал нами.

Мировоззрение у нас с ним довольно близкое — мы оба не верим в рациональность советского социалистического общества, а вот на перспективы его изменения у нас точки зрения разные: он думает, что насыщение партии порядочными людьми может изменить ее и из аппарата насилия превратить в демократическую структуру. Я в это не верю. В связи с этим своим убеждением он в 1956 году, после разоблачительной речи Хрущева, вступил в партию и очень призывал к этому молодых геологов, которые к нам попадали прямо из университета. Я не верю в перерождение партии, я верю в ее крах, полное банкротство и в крах экономической системы, ею созданной. Я пытаюсь отговорить молодых пополнять ряды партии. К моему огорчению, мальчики следуют советам В. А., ибо это соот-

ветствует их карьерным устремлениям. А потом они не единожды предадут его ради своих интересов, но это будет потом. Итак, я иду в отдел кадров.

Я вхожу на этаж, на котором находится отдел кадров, и уже в коридоре встречаю, мне кажется, ждущего меня ученого секретаря. Мы с ним практически не знакомы, он геофизик, а я далеко не всех геофизиков знаю. Он, наверно, болен какой-то болезнью позвоночника: фигура неестественно мала по сравнению с длиной рук и величиной башмаков. Может быть, он в корсете, а может, у него горб. Встречает меня очень радостно, суетится, находит мне место в комнате кадровиков, и те дают мне чистую анкету, которую я должна заполнить или хотя бы заполнить те графы, ответы на которые устарели, а главное — подписать.

Не успеваю я освоиться с анкетой (всю жизнь меня от их бессмысленных вопросов мутило), как мой чичероне возвращается, суетливо предлагает мне анкету подписать, а проверку всех данных оставить на потом: дескать, вызовут меня еще раз, если понадобится что-то уточнить. Важно выступая передо мной, он ведет меня в торец длинного коридора, в комнату, на двери которой красуется надпись «Партбюро». Открывает дверь и... вижу целую комиссию. Комната небольшая, и я сразу вспоминаю, что когда-то в ней просидела целый год. Это было лет шесть тому назад, в тот период, когда директор института Ф. А. Алексеев делал на меня некую ставку, пустую для него, но это — отдельная тема. Так вот, эта комната, преобразившись в партийную, отмечена двумя столами, стоящими буквой «Т», как это и положено в кабинете любого начальства.

Столы заполняют комнату почти целиком. Во главе конструкции сидит секретарь партбюро Грумков, за вторым столом — заместитель директора института Петросьян и, как я поняла потом, представитель месткома Шемилевич. Треугольник, подумала я.

Наш партийный секретарь — брат однокашника Саныча по мореходному училищу, с которым Саныч дружит всю жизнь и с которым они оба пережили кратковременный арест в связи с тем, что Грумкова-старшего посадили по доносу, а Саныч полез его защищать. Времена были военные, мальчишки держались стойко и никого за собой не потянули. В общем, им повезло, их через «губу» вернули в часть. Они повидали беспредел органов КГБ, и, думаю, это укрепило позицию Саныча, благодаря которой он остался в должности боцмана, что давало возможность демобилизоваться и получить гражданскую специальность.

Я поняла: меня будут прорабатывать — за что, сообразила не сразу, скорее всего за то, что «не с теми дружу». Грумков начал расплывчато и точь-в-точь о том, что не с тем дружу. В качестве примера «не того человека» привел фамилию Вольпина и весь набор чуши, который распространяли о нем газеты. Через пень-колоду добрался до письма в защиту П. Г. Григоренко и опять навалился на то, что нужно соображать, в компании с кем ставить подписи.

Я объяснила, что с большим уважением отношусь к Александру Сергеевичу Вольпину, но не поэтому подписала письмо в защиту П. Г. Григоренко, а исключительно из-за того, что в отношении Григоренко были совершены противоправные действия. Сейчас он в тюрьме — и не по закону и не согласно Конституции, а потому что органы, преследующие его, творят произвол.

Очень скоро стало ясно, что никто из проработчиков письма не читал. Все чувствовали себя скверно, высказывались расплывчато и сыскных вопросов не задавали. Все, кроме доктора наук и, как мне было известно, очень небесталанного ученого Шемилевича. Ему вдруг стало интересно, где, кем и при каких обстоятельствах письмо было подписано. А мне стало страшно не за себя, а за него, Шемилевича, который, если он тот, за кого я его принимаю,

должен же будет когда-то очнуться, понять всю мерзость своего поведения и очень этим мучиться. Более того, мне потом казалось, что нечто подобное с ним происходило, что он порывался о чем-то со мной поговорить и не решался это сделать, может быть, просто боялся. Во всяком случае, при встречах со мной он источал благожелательство, услужливость и нерешительность.

Чтобы разрядить обстановку (по существу, очень скучную), я обратилась к Николаю Григорьевичу Петросьяну — заместителю директора ВНИИЯГГ — и сказала ему, что если незаконно преследовать станут его, я и в его защиту письмо подпишу. Петросьян, хватаясь за голову и выдирая негустые волосы на периферии большой лысины, воскликнул: «Заклинаю вас жизнью своей дочери, не пишите никуда, особенно в ООН!!!»

Всем стало до крайности неудобно, а Петросьян никак не мог успокоиться и все мусолил перспективу возможности его, Петросьяна, защиты с моей стороны. На этом все и кончилось, меня отпустили, и я отправилась на Шухова, в свой геологический отдел. Вел ли «треугольник» протокол и какова была резюмирующая запись, не знаю, меня с ней не ознакомили.

Однако второй акт проработки состоялся. Было собрано общее собрание отдела, на которое прибыл другой представитель дирекции, некто Берзин (забыла его имя и отчество). Ходили слухи, что он сын знаменитого Берзина, что был королем ГУЛАГа. Этаким длинный и тощий, то ли латыш, то ли немец. Одет аккуратно, даже щеголевато, в серый костюм, с каким-то западным лоском. Он был геофизиком, и поэтому я его знала, хоть и издали. Его вступительную речь можно свести к одному тезису: нельзя терять бдительность. Почему-то в качестве примера он привел книгу Дудинцева «Не хлебом единым», которую массированно ругали в печати в 50-х, а потом выпустили большим тиражом и продавали в книжных магазинах. Пример был явно неудачный

и скорее доказывал нежизнеспособность, случайность и безосновательность осуждений, инспирируемых официальной печатью. Однако Берзин стоял на своем, его не интересовало снятие запрета. Объявленная когда-то вредной, книга эта оставалась для него клеймой и реабилитации не подлежала, а главное, не вызывала и интереса.

Очень занятно вел себя коллектив отдела. Еще вначале, кажется Берзиным, мне был задан вопрос, насколько сознательно я подписала письмо. Естественно, я сказала, что в здравом уме и твердой памяти, что от подписи отказываться не намерена, и объяснила почему. Рассказала, что знаю Петра Григоренко, кратко о его деятельности и о том, что считаю его правым, а преследование его незаконным. Моего выступления вроде бы и не услышали. Все, кто выступал после меня, говорили совершенно не относящиеся к ситуации слова: меня хвалили за доброту, за сердечность, за постоянное стремление прийти любому на помощь, за самоотверженную работу и между прочим предполагали, что подпись я поставила не по злему умыслу, а потому, что вот такая есть и о себе не думаю, а все для других.

Слушать все это было смешно и досадно. Меня толкали снять подпись, золотя при этом пилюлю. Я стояла на своем праве заступничества, они — на своем плане меня «спасти». Все это слушали три малознакомых нам всем человека — Берзин и два недавно принятых в институт по конкурсу геолога: Кузьмин, который за весьма короткий срок пребывания пробился на уровень партийного босса отдела, и еще один — громкий, безапелляционный и всегда идущий с Кузьминым в паре.

Перепадка затянулась, и в какой-то момент Кузьмина прорвало: «Мы зачем сюда собрались? Чтобы прорабатывать или хвалить ее?» После некоторого замешательства все загалдели, и отдельское собрание закрылось. Владимир Александрович на собрании, видно,

не присутствовал, ибо его выступлений я напрочь не помню. Долго тянули с протоколом. Никто его составлять не хотел, а потом уговорили это сделать меня. Что ж, я сделала, как могла объективно. Куда он делся потом, не помню. Во всяком случае, переделывать его меня никто не просил.

А сейчас, вспоминая эти события, я думаю, что:

1. Канитель с анкетой была затеяна и осуществлена с целью добыть мою подпись для графологической экспертизы на случай, если я буду отказываться от подписи под письмом в защиту П. Г. Григоренко. Я от подписи на письме не отказывалась. Подписанная анкета оказалась неиспользованной заготовкой, поэтому меня никогда не пытались заставить ее дозаполнить.

2. Истерика замдиректора Петросьяна, когда он умолял меня ни при каких обстоятельствах не защищать его в ООН, что бы с ним ни случилось, связана с тем, что, быть может, он один из присутствовавших знал, что я подписала тот экземпляр защитного письма, которое Красин и Якир отправили в ООН вместе с декларацией о возникновении Инициативной группы защиты прав человека в СССР (о чем подробно написал С. Ковалев в своих воспоминаниях). Я действительно подписала письмо в защиту П. Г. Григоренко, не очень понимая, в какой адрес оно будет направлено, но с полным убеждением, что арест этого честнейшего человека — преступление и непротест против ареста — преступление тоже.

3. Проработка на собрании отдела была акцией воспитательной, с попыткой дать мне возможность снять свою подпись.

Как выяснилось потом, проведя меня через ряд испытаний, которые устроил мне КГБ руками моих сотрудников различного ранга, эта организация не перестала мной заниматься. Однажды, в начале 70-х годов, в актовом зале была объявлена лекция полковника КГБ. Из нашего отдела на нее пошли только те, кто не

участвовал в очередном тематическом научном отчете, который мы выпускали каждые два–два с половиной года. Я была одним из соавторов и, естественно, на лекцию не пошла. Мы переживали очередной аврал. Мне потом рассказали: полковник весьма уничижительно упоминал о еврейских отказниках (какие-то были и в нашем институте), назвал и мою фамилию. Что он говорил — не запомнила, а вот реакцию моих институтских сотрудников помню очень отчетливо. Коллектив раскололся на две части: одни, даже не очень знакомые мне люди, стали подчеркнуто и уважительно мне кланяться при любых встречах, другие, с бегающими глазами, старались уклониться от встреч. Однажды я оказалась на пути целой комиссии, идущей по коридору во главе с директором института Е. В. Карусом. Он сделал шаг мне навстречу, протянул руку и произнес: «Здравствуйте, Мария Гавриловна». Потом представил меня всем идущим с ним. Я не ожидала такой приветливости и, грешным делом, подумала, что этот человек совершил героический поступок. Придя домой, я рассказала Грише о случившемся, и мы посплетничали насчет Каруса. До того, как возглавить наш ВНИИЯГГ, он довольно долго был и. о. директора Института физики Земли, в котором тогда работал Гриша, и потому имел в нашем доме прозвище «Твой-мой Карус».

Гриша в том же 1969 году не только подписал письмо в защиту П. Г. Григоренко. Он оказался в составе Инициативной группы по защите прав человека в СССР, а значит, начал политическую деятельность. В те времена это выражалось в составлении и подписании правозащитных писем, оповещающих мир о несправедливостях, творимых советской системой. А за спиной у него были и его личное письмо Генеральному прокурору СССР, посланное в 1968 году, и подпись под «Письмом 99-ти» математиков в защиту А. С. Вольпина. Его еще не уволили из Института физики Земли, но уже отклонили подготовленную им диссертацию.

Возвращаясь из Тарусы

Все произошло по дороге из Тарусы в Серпухов. Мы там бывали и у Гинзбургов, и у Марченко, и у Григоренко.

Настоящая панихида состоялась в крематории. Из того, что говорили Андрей Дмитриевич Сахаров, Никита Вячеславович Звалинский и Зинаида Михайловна Григоренко, слышала отдельные слова, ибо вся была в полном отупении и лишь видела, как обслуга и КГБ пытаются заткнуть им рты, поскорее включить музыку и опустить гроб. А они сказали вечные, полные любви и горя слова, свидетельствующие о человеческих достоинствах перешедшего порог земной жизни. И если апостол Петр их слышал, ему должно было быть все ясно. В этом я не сомневалась

В день моего приезда Таня пришла поздно. Выяснилось, что именно в этот день она вступила в Хельсинкскую группу. Правозащитное движение в Советском Союзе после смерти Гриши сделало новый виток. 10 мая 1976 года заявила о своем существовании новая ассоциация — Хельсинкская группа. Ее образовали Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Петр Григорьевич Григоренко, Софья Васильевна Каллистратова, Елена Боннэр, Людмила Алексеева и другие, а теперь, в 1977-м, в группу вошла и Таня Осипова.

В ИЗГНАНИИ

«Не будем проклинать изгнание»

В. Сирин (Владимир Набоков)

Нина Самокиш

Воспоминания секретаря¹⁹

Два эпизода

В 1978 году украинский Нью-Йорк с большим интересом воспринял весть о приезде члена-основателя Московской и Украинской Хельсинкских Групп генерала советской армии Петра Григоренко, пережившего в Советском Союзе репрессии и психушки и изгнанного из страны, в которой он прожил многие годы.

Под влиянием публикаций в печати и многочисленных разговоров в украинской общине я уже создала себе образ этой легендарной генеральской фигуры. И поэтому, стоя перед дверью квартиры Григоренко в Квинсе, волновалась и со страхом ждала предстоящей встречи. Когда дверь открылась, и я вошла в квартиру, то увидела перед собой могучего мужчину, но не в генеральском мундире, а в спортивной рубашке, который сидел за столом и ел борщ. Мы поздоровались довольно сдержанно, и мне показалось, что генерал почти не обратил на меня внимания, продолжая есть борщ. Я кое-как представилась, запутавшись в собственном имени, фамилии генерала

¹⁹ Выступление на Вторых Григоренковских Чтениях, посвященных 25-ти летию основания Украинской Хельсинкской Группы. Чтения проходили 16 октября 2002 года в Нью-Йоркском Научном Обществе имени Тараса Шевченко. Название дано составителем. Перевод с украинского Андрея Григоренко.

и моей рекомендательницы, и, вконец сконфуженная, присела к столу по приглашению хозяйки. Зинаида Михайловна, жена генерала, милая, приветливая женщина, предложила мне присоединиться к их трапезе. Но я, хоть и была голодна, отказалась, поскольку не была уверена в том, что сумею спокойно есть в присутствии генерала.

Выслушав мой сбивчивый рассказ, Петро Григорович сказал: «Вас рекомендует Надия Свитлычна, называя Вас своей приятельницей. Этого мне достаточно. А сложатся ли у нас дружеские отношения, покажет время». Предполагалось, что я буду выполнять функции его секретаря. Мы обсудили технические вопросы и договорились, что я буду приходить дважды в неделю для разбора корреспонденции, а все остальное буду делать у себя дома.

Так началось наше знакомство. Понемногу официальность растаяла, и мы стали друзьями. И эта дружба сохранялась до конца его дней.

Я остановлюсь здесь только на двух коротких эпизодах из нашей совместной работы.

Однажды Петро Григорович попросил меня: «Пришли мои архивы из Москвы, надо забрать их и привезти. Но сделать это нужно без огласки и осторожно. Никто не должен об этом знать, в особенности адреса, который Вам сообщат за два часа до вылета Вашего самолета. Направление — Европа, Франция. Билеты на самолет получите в тот же самый день».

Я восприняла это предложение с восторгом. В моем воображении смешались любопытство и интерес к детективным историям. Я живо вообразила себя в черных очках, в плаще с поднятым воротником, а также глаза шпииков, следящие за мной отовсюду. Но детективная сторона задания быстро отступила на второй план, и я приняла предложение, понимая всю важность этого моего задания.

Мое путешествие в Европу началось с участия в конференции в Англии, а затем посещения Мюнхена, после чего я вылетела в Париж. Там я провела время в обществе своих старых друзей, встретилась по поручению генерала с Леонидом и Татьяной Плющами и... исчезла.

Я села на небольшой самолет, потом пересела на другой, потом около двух часов ехала на автобусе, а в конце — на такси. В соответствии с инструкцией я попросила водителя высадить меня на улице, не доехав приблизительно двух кварталов до нужного места. Огляделась. Надо мной снежное небо, серые тучи, лежащие на вершинах гор, а вокруг — высокие, могучие Альпы. Ветер притих, царила какая-то странная тишина, усиливавшая мое беспокойство. Я стояла, прислонившись к телеграфному столбу, в незнакомом горном городке, в чужом государстве, без знания местного языка, посреди безлюдной улицы, и думала — а что же дальше? Побрела наугад, свернула в какой-то проулок и, к своему удивлению, оказалась перед указанным в адресе домом. Позвонила условным звонком. Вышел молодой человек и провел меня в помещение, своей обстановкой и мебелью немного напоминавшее персидское жилище. Из соседней комнаты был слышен телефонный разговор на непонятном мне языке. Единственное, что я смогла разобрать, было «курьеро генерало».

В комнату, где я находилась, вошла седая элегантная женщина в восточном наряде. Из последующего разговора выяснилось, что она иранская писательница. Женщина говорила со мной по-русски. Это она вывезла из Москвы архивы генерала. Позднее к нам подсади еще два человека, немного владевшие английским. Они интересовались генералом Григоренко и его семьей. Мы обменялись письмами и приветами. Прощание было теплое. Я еще выпила чашку чая, немного перекусила, а затем той же дорогой возвратилась в Париж. Когда я ехала автобусом, то на пути нам встречались группы молодых людей с красными флагами, но еще больше их было на аэродроме. Позже мне объяснили, что это были предвыборные агит-

таторы французской компартии. Не могу сказать, чтобы мне было очень приятно в этом «красном» обществе с коробкой-архивом генерала-диссидента в руках.

Из Парижа я снова заехала в Мюнхен, не выпуская из рук свой драгоценный багаж, и только через две недели вручила его владельцу.

Второй эпизод — мое путешествие с генералом в Норвегию в августе 1980 года. В Осло готовилась большая манифестация в поддержку польской «Солидарности». На манифестацию был приглашен генерал Григоренко в качестве главного оратора и спикера национального правозащитного движения. Между тем Петро Григорович чувствовал себя не очень хорошо, и врачи не советовали ему ехать. Но чувство ответственности возобладало над физическим недомоганием.

Ехали мы через Амстердам. В самолете генерал что-то записывал, читал, дремал и, вообще, был очень слаб. На аэродроме в Амстердаме ему было нужно пройти довольно длинным коридором, чтобы пересест в другой самолет, однако сесть на тележку он категорически отказался. Я боялась, что он не выдержит, а ведь ему предстояли многочисленные выступления, требовавшие от него многодневного напряжения. На аэродроме в Осло его встречали представители правительства и различных комитетов, корреспонденты с наставленными фотоаппаратами и микрофонами. Посыпались бесконечные вопросы, касающиеся не только его приезда, но и актуальных мировых событий, в том числе только что введенного в Польше военного положения. И тут мои опасения относительно состояния генерала полностью улетучились. Его нельзя было узнать: он выпрямился, заулыбался и уверенным, громким голосом начал отвечать на вопросы.

На аэродроме нас встретил также знакомый Петра Григоровича доктор Мыкола Радейко и забрал нас к себе. В его гостеприимном доме мы чувствовали себя очень хорошо.

На другой день генерал принял участие в манифестации, проходившей на улицах Осло. Во время своего выступления Григоренко говорил о современной ситуации в коммунистических странах и о нарушениях прав человека. Во время манифестации он ехал в открытой машине, на улицах было полно народа. Люди с большим энтузиазмом приветствовали этого легендарного человека, бежали за его машиной. Мы с доктором Радейко сидели на заднем сиденье и были переполнены гордостью за нашего генерала.

Норвежская пресса широко откликнулась на все его выступления. В тот же день вечером генерал выступал перед студентами и профессурой университета Осло. Аудитория была забита до отказа. Когда он вошел в зал, присутствующие встали и приветствовали его бурными аплодисментами. Это был очень волнующий момент. Генерал говорил о генезисе коммунизма и о теневых сторонах коммунистического режима, отвечал на вопросы. Когда он закончил, все присутствующие встали с мест и аплодисментами долго не отпускали генерала. Он был счастлив, и я вместе с ним. Это было как бы компенсацией за тот бойкот, обиду и пренебрежение, которые он претерпел от определенной части нашей украинской общины в Нью-Йорке. Генерал задержался в Норвегии дольше, чем планировалось, под опекой супругов Радейко. Он собирался побывать и в других Скандинавских странах, а я вернулась в Нью-Йорк.

Пролетели годы. В 1987 году Григоренко не стало. Но годы моего сотрудничества с ним навсегда останутся самым дорогим воспоминанием в моей многотрудной жизни.

Нина Самокиш (1923 — 2006 гг.) родилась в Польше, в семье эмигранта-художника, бывшего офицера Украинской Народной Армии. С раннего возраста принимала активное участие в нацио-

нальном общественном движении. С 1936 по 1939 гг. состояла в нелегальной организации украинских скаутов «Пласт». В годы Второй Мировой войны была связной Львовской краевой молодежной организации украинских националистов, членом подпольного украинского Красного Креста. После эмиграции в США в начале 1950-х годов принимала активное участие в жизни американской украинской общины. Один из руководителей украинских скаутов, председатель Союза украинок Америки. В течение 25 лет глава украинской радиослужбы города Трентон; член политической Рады ОУН и Украинской Головной Вызвольной Рады; активист украинских правозащитников; организатор православных общин Нью-Йорка и Нью-Джерси; секретарь и финансовый референт Заграничного Представительства Украинской Хельсинской Группы.

*Нью-Йорк
Октябрь, 2002 года*

Фикрет Юртер

Неотъемлемая часть современной истории крымскотатарского народа

Имя генерала Петра Григоренко является неотъемлемой частью современной истории крымскотатарского народа. Ветеран Второй Мировой Войны и орденосец он вплотную столкнулся с проблемой крымских татар в шестидесятых годах прошлого столетия. Страдания невинных жертв депортации глубоко взволновали его. Этнический украинец воспринял боль крымских татар, как свою собственную и до конца своих дней, в 1987 году, он бескорыстно боролся за справедливое дело репатриации и восстановление национальных и гражданских прав крымскотатарского народа.

Петро Григоренко сыграл великую роль в формировании политического движения, принесшего в конечном итоге плоды бесспорного признания факта геноцида против крымскотатарского народа и частичной репатриации на землю предков.

Речь, произнесенная генералом Григоренко 17 марта 1967 перед представителями крымскотатарского народа, послужила своего рода столь необходимой искрой, начавшей процесс трансформации аморфной петиционной

компании в реальное политическое движение с четко сформулированными требованиями безоговорочной репатриации и восстановления гражданских прав.

Говоря о Петре Григоренко, невозможно не упомянуть всегда стоявших с ним рядом жену генерала Зинаиду Михайловну и младшего сына Андрея, которые занимают существенно заметное место в борьбе крымских татар за свои права. Московская квартира Григоренко в течение многих лет служила местом встреч активистов движения, домом, в котором они всегда находили приют, совет или просто чашку кофе.

Летом 1968 года, невзирая на отчаянные попытки властей сорвать это мероприятие, был предпринят один из самых крупных массовых заездов в Крым для осуществления репатриации явочным порядком. Генерал Григоренко и его сын Андрей также прибыли в Крым, чтобы засвидетельствовать и придать гласности факты этого беспрецедентного для СССР гражданского действия. Впоследствии документ, созданный отцом и сыном Григоренко, имел широкое хождение в Самиздате.

Дважды в своей жизни Петро Григоренко находился в заключении за свою деятельность в защиту Прав Человека. Поводом к его второму заключению послужило прибытие генерала в качестве общественного защитника на суд активистов крымскотатарского национального движения в Ташкенте.

В конце 1977 года советский режим лишил генерала Петра Григоренко гражданства и принудил его прожить последние годы жизни в изгнании, в США. Однако и вынужденный отрыв от Родины не заглушил голос Григоренко. И в изгнании он продолжал бороться за справедливое дело, и судьба крымских татар не была последней в списке его забот. Те немногие годы, что он прожил за границей, были насыщены поездками, выступлениями и лекциями, привлекающими мировое внимание к проблемам прав человека в СССР.

Небольшой пример может проиллюстрировать какое большое значение Петро Григоренко придавал крымской проблеме. В 1983 году он присутствовал на конференции по Правам Человека, проходившей во Франции. Организаторы этой конференции запланировали лишь 15 минут на выступление Фикрета Юртера, Президента Фонда Крым, который должен был осветить проблемы репатриации крымских татар. 15 минут для освещения всей глубины этой проблемы было явно недостаточно, и Петро Григоренко решил передать Юртеру свое время, невзирая на то, что он приехал в Париж из-за океана с целью выступить лично.

Память о генерале Григоренко по-прежнему жива в сердцах крымских татар. Благодаря совместному усилию Меджлиса Крыма и украинской общины Крыма в центре города Симферополя установлен памятник легендарному генералу и в его честь названы улицы в целом ряде населенных пунктов.

*Fikret Yurter,
President of Crimea Foundation
President of Association of Crimean Tatars in the USA,
Director of General Petro Grigorenko Foundation
Commack, NY USA*

Марио Корти

Григоренко в Италии

В западных газетах иногда появлялась информация от московских корреспондентов о легендарном советском генерале, который неизменно опирался на трость и своей достойной осанкой выделялся среди людей, стоявших перед зданием суда во время очередного политического процесса в ожидании приговора.

Генерал был родом из бедной крестьянской семьи и, как тогда водилось, крещен в православии и воспитан в религиозном духе.

Однако в юности отвернулся от церкви, стал убежденным марксистом-ленинцем, комсомольским активистом и членом продотрядов, реквизировавших хлеб у тех же бедных крестьян. Член ВКП-КПСС с двадцатилетнего возраста, во время войны служил командиром дивизии, а позже преподавал в Военной академии М. В. Фрунзе.

Но вот генерал-майор Советской армии стал правозащитником, основателем «Союза борьбы за возрождение ленинизма» и страстным защитником крымских татар, невинно депортированных Сталиным в места не столь отдаленные. Убежденный атеист, в разгар антирелигиозной кампании 30-х годов взрывающий православные церкви, вернулся к вере отцов, превратившись в Савла из Павла.

«Мы раздуем пожар мировой — Церкви и тюрьмы сравниваем с землей. Что касается церквей, то кажется, обошлось, как замыслили. Насчет тюрем сложнее», — писал Петр Григорьевич Григоренко в своей автобиографии «В подполье можно встретить только крыс».

И наконец он, убежденный марксист-ленинец-интернационалист, стал украинским патриотом, превратившись из Петра обратно в Петро.

Биография незаурядная — что явствует как из воспоминаний самого генерала, так и из представляемой книги.

Первый раз я встретился с генералом под Бостоном, в городе Бельмонт. В доме советского историка Александра Некрича, моего незабвенного друга.

Некрича и Григоренко объединял историографический подход. Александр Моисеевич Некрич был автором знаменитого исторического труда под названием «22 июня 1941 года», опубликованного в 1965 году. Написал он о причинах поражения советских войск в начальный период Второй мировой войны. После нападок на книгу в 1967 году в журнале «Вопросы истории», генерал полностью поддержал Некрича в своем письме от 16 декабря 1967 года в редакцию журнала под названием «Соккрытие исторической правды — преступление перед народом!»

Разумеется, в «Вопросах истории» письмо опубликовано не было, да и быть не могло, и стало распространяться в самиздате, а затем было издано в тамиздате.

Встретились оба в США 10 апреля 1978 года. В этот день Петр Григорьевич узнал, что его лишили советского гражданства, и больше он не сможет вернуться на родину. Как мы потом узнали, Указ Президиума Верховного Совета был датирован 13 февраля. Генерал упрекнул нас за нашу, как ему показалось, слишком вялую реакцию на новость, которая его глубоко шокировала. Он был прав. В конце 1977 года советские власти отпустили его в Америку для операции

аденомы и в гости к сыну. И все мы были уверены, что руководство СССР воспользуется этим предложением, чтобы избавиться от одного из самых престижных и пылких противников режима. Поэтому сообщение о лишении генерала гражданства и возможности вернуться не застало нас врасплох. Мы и не скрывали, что нас это не очень потрясло. А между тем еще греками в античности высылка за пределы родины считалось наказанием покуче смертной казни.

В 1977–1978 годах в Италии, на фоне усиления влияния коммунистической партии, преобладавшей атмосфере преклонения перед Советским Союзом и всеобщего страха перед террористической деятельностью «Красных бригад», произошли невероятные события. В 1977 венецианское биеннале было полностью посвящено неофициальному искусству советских художников. В рамках биеннале была организована выставка самиздата из Советского Союза и других социалистических стран восточной Европы, в Венеции прошла конференция о нарушениях прав человека в социалистическом лагере, организованная газетой коммунистов-радикалов «Манифесто». Итальянские коммунисты стали признавать то, что прежде осторожно называли ошибками советского режима. В том же году в Риме прошли Сахаровские слушания под председательством Симона Визенталя. На волне этих событий, в начале 1978 года туринская газета «La gazzetta del popolo» решила организовать в Турине большую конференцию, посвященную проблеме прав человека в коммунистических странах Европы. Поскольку я участвовал в организации выставки самиздата в Венеции и был председателем оргкомитета римских Сахаровских слушаний, организаторы туринской конференции попросили меня взять интервью у генерала Григоренко и пригласить его на конференцию.

Так мы и встретились через несколько дней в Лонг-Айленде. В маленькой, очень похожей на советскую квартирке, предоставленной генералу и его супруге нью-йоркской крымскотатарской общи-

ной. Дверь открыла Зинаида Михайловна. Была в слезах — только что узнала, что Мстислав Ростропович и Галина Вишневская тоже лишены советского гражданства. Пили с генералом чай и провели беседу, которая была опубликована в «Gazzetta del popolo» в двух выпусках — 5 и 26 апреля 1978 года.

Вскоре после нашей беседы генерал оказался в Италии, выступал на конференции в Турине и других городах полуострова. Вместе с Владимиром Буковским беседовал в римской тюрьме с осужденными террористами итальянских «Красных бригад», врезал им правду-матку о Советском Союзе и коммунизме, призывал отказаться от вооруженной борьбы.

Мне довелось поехать с генералом по Италии, показать достопримечательности. Привыкший к прямолинейности улиц и дорог на Родине и в Новом Свете, он поражался выпуклостям и вогнутостям фасадов, множеству тоннелей, эстакад и мостов на автодорогах, их искривлениям, на его взгляд, необычайным. Из окон студии туринского отделения итальянского государственного телевидения, генерал с удивлением заметил огромную башню Антонелли, так называемую «mole antonelliana». Будучи сам инженером, он с изумлением говорил о дерзости этой странной конструкции. Купольное здание высотой в 163 метра и с высотой подкупольного пространства в 70 метров построено с применением каркасной системы, сочетающей металлические и каменные части. Поверх огромного стрельчатого купола на двухъярусной колоннаде домик с двумя рядами колонн, а над домиком воздушный шпиль — как направленное в небо копьё. В этом здании, построенном во второй половине 19 века по заказу еврейской общины города, первоначально находилась синагога. Постройкой столь высокой для тех времен башни еврейская община Турина решила отметить полученные ею гражданские права и свободу вероисповедания.

Гражданские права и свобода вероисповедания — вот, чего добивался мятежный советский генерал для всех граждан Союза ССР.

У меня нет никаких сомнений, что в скором будущем школьники и студенты будут узнавать об этом человеке из учебников по истории России и Украины. Имя генерала Петра Григоренко будет стоять рядом с именами Александра Солженицына, Андрея Сахарова и Владимира Буковского.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Давно на білий берег порятунків душа,
Мов рідна чайка, звана:
з веселок: схидці в стежку відімкнулись,
як розділ шостий, від Йоана.

Василь Барка

Зинаида Григоренко

Знакомство с Петром²⁰

... Пришла я обратно на строительство Дворца Советов, где меня полтора года назад арестовали²¹. Выбора у меня не было.

Работа там оставила глубокий след в моей жизни. Там я восстановилась в партии. Об этом позоре, о восстановлении в партии, мне очень больно говорить. Я не хотела этого делать, но папа и Митя Черненко так меня уговаривали, что надо, мол, это сделать ради Алика, ради семьи, иначе вечно будут преследовать и жить будет очень тяжело. Митя говорил так:

— Ты не выпендривайся, не вылезай со своими способностями, особенно организаторскими. Сиди себе тихо, но в партии тебе надо быть.

²⁰ Воспоминания Зинаиды Михайловны Григоренко взяты из записок, оставшихся после ее смерти и ранее не публиковавшихся. Названия даны составителем. Основные архивные материалы Петра и Зинаиды Григоренко распределены между тремя архивами: Архив Амхерст Колледжа, штат Массачусетс, США (The Petro and Zinaida Grigorenko Papers), Архив Киевского музея шестидесятников имени Васыля Стуса, Архив Российского правозащитного общества «Мемориал». *Прим. А. Г.*

²¹ Здесь речь идет о полутора годах, проведенных Зинаидой Михайловной в заключении в 1937–1939 г.г. Ей повезло, она попала в короткую оттепель, ознаменовавшую приход в карательные органы Лаврентия Берия. Тотальный террор перевалил через свой пик, и чтобы несколько умерить лихорадку, трепавшую страну, была освобождена небольшая часть политзаключенных. *Прим. А. Г.*

И я подала заявление с просьбой восстановить меня в партии. Надеялась, конечно, что мне откажут, однако восстановили. Но для себя я решила, что ни на какую идеологическую работу я никогда не пойду. Лучше буду мыть полы, грузить что-нибудь, но на идеологическую работу не пойду.

По прошествии многих лет, когда уже закончилась война и появился на свет второй сын Андрей, мой муж предложил мне работу:

— У нас освободилось место преподавателя политэкономии. Ты не хочешь пойти?

Меня как ошпарило.

— Ты вовсе не понимаешь, чем я дышу. Вот результат того, что уходишь из дома с утра и возвращаешься только спать. Так вот я тебе скажу, что для меня преподавать политэкономия и любую другую идеологическую дисциплину — все равно что заниматься проституцией.

Он опешил: — Как так?

— Вот так! Если не хватает твоей зарплаты, пойду лестницы мыть.

* * *

Как я уже сказала, пребывание на строительстве Дворца Советов оставило глубокий след в моей жизни. Там я познакомилась с Петром Григоренко, которому предстояло через несколько лет войти в мою жизнь на долгие — долгие годы, чтобы идти вместе, рука об руку, до самой смерти Петра. Мы прожили вместе сорок три года.

Однажды, в порядке партийной нагрузки, мне велели развесить объявления о том, что у нас будет доклад по международному положению²².

²² К сожалению, я не смог найти в записках матери еще один эпизод, связанный со знакомством моих родителей. Мне неоднократно приходилось слы-

— А вот и докладчик, пойдй познакомься.

Я подхожу, встает наголо бритый мужчина, довольно молодой, тогда ему было лет тридцать, представляется:

— Петр Григоренко.

— Ну какой же ты Петр? Ты — Петро! — ответила я.

И с моей легкой руки у нас на строительстве его начали звать Петро. Петро тогда подружился с заведующей парткабинетом, Зинаидой Штейнберг. Когда я заметила его интерес к самой себе, то, чтобы отвести всякие сплетни, упорно настаивала, что Григоренко ухаживает за Зиной Штейнберг. Потом, вспоминая об этом, смеялись и Петро, и Зина.

На войне, как на войне...

(рассказ гвардии старшего сержанта)

Конец 1944 года. Граница давно уже оставлена позади, бои идут в Чехословакии, под Кошице. Не первый раз расстановка армий была, как слоёный пирог. Наш штаб вырвался вперед и попал в окружение. Была команда: всем в руки автомат и занять круговую оборону. Командовал полковник Григоренко. Мне было страшно. Стреляла часто закрывая глаза, но твердо знала в плен не попаду, так как мы с Петром договорились: если кто из нас будет ранен в бою, то более здоровый застрелит раненого и покончит с собой.

шать его изустно. Та политинформация была о событиях в Китае, и отец, без бумажки, называл множество трудно произносимых китайских имен. Мать заподозрила, что он просто дурит публику и на ходу сочиняет имена, которые, как ей казалось, запомнить невозможно. По этой причине она записала несколько упомянутых отцом имен. Спустя какое-то время, когда он уже вряд ли мог помнить то, что он говорил на политинформации, она спросила, не назовет ли он, кто занимал в Китае такие-то и такие-то посты. К её великому удивлению отец преспокойно перечислил все выписанные ею имена. *Прим. А. Г.*

До этого не дошло. Стреляем. Слышим где-то гул идущих на подмогу. В этот миг майор Л., подняв руки, что-то начал кричать и сделал рывок в сторону немцев. Как подброшенный пружиной, мгновенно рядом с ним вскочил Григоренко, ударом наотмашь свалил майора, положил рядом с ним автомат и сам лёг рядом, продолжая отстреливаться от наседавшего противника.

С помощью пришедших на помощь отбили немецкую атаку; много врагов было уничтожено. Когда бой закончился, полковник Григоренко собрал всех участников боя и жёстко сказал: «Когда мы отбивались, от немцев, никакого неприятного эпизода не было, был мгновенный шок, с которым майор быстро справился и исправился. Другой оценки быть не может. Рапорта не будет.»

Надо было видеть просветлевшее лицо майора. Воевали вместе до конца войны. Майор был легко ранен, но быстро вернулся в часть; воевал достойно, был награжден. Надолго запомнился, ему этот эпизод. Долго, уже после войны, мы получали от него теплые письма из далекой Сибири.

Владимир Войнович

Из книги

«Портрет на фоне мифа»²³

К правдолюбцам и правозащитникам, к тем людям, которые выступали против режима решительно и бескомпромиссно, я относился с заведомым пиететом поначалу ко всем подряд. Потом стал различать, что среди них были:

- а) крупные личности (Сахаров, Григоренко, Орлов, Буковский, Амальрик, Турчин и другие), вступившие на этот путь, потому что не могли молчать, а не потому, что ничего не умели другого;
- б) наивные и бескорыстные, но пустые романтики;
- в) расчетливые дельцы, сообразившие, что и на диссидентстве, умело действуя, можно сделать карьеру;
- г) глупые, напыщенные и просто психически нездоровые, вступившие в борьбу по неспособности к рутинному ежедневному труду, вместо которого может быть краткий миг подвига и — жизнь оправдана. У многих тщеславие было первопричиной их поступков: где-то что-то дерзкое сказал, советскую власть обругал, Брежнева назвал палачом, и вот о тебе уже трубят наперебой все западные «голоса».

²³ Два отрывка из произведений Войновича публикуются с разрешения автора. http://www.voinovich.ru/home_reader.jsp?book=publ01.jsp

Ликбез. Про и контра

Сейчас у нас диссидентов многих забыли. Или точнее сказать предали забвению. Многие люди, даже не самые молодые, думают, что у нас диссидентами были и с советским режимом открыто боролись только два человека: Сахаров и Солженицын. Не пытаюсь никоим образом умалить заслуги этих великих людей, я просто хочу напомнить, что были и другие. И даже, осмелюсь, сказать не менее достойные. Одним из них был генерал Петр Григорьевич Григоренко. До преклонных лет оставшийся романтиком и правдолюбом. За что был разжалован, сидел в тюрьме, в психушке, все вынес и был естественно выпихнут за границу, в Америку. Был он при этом трогательным очаровательным и иногда вынашивавшим разные нелепости человеком. Так вот он однажды решил издавать самиздатский журнал, под названием «Контрсталинист». Поделится своей идеей со своим младшим единомышленником Анатолием Якобсоном и предложил ему вступить в редколлегию. Толя отказался. «Почему?» — спросил генерал.

«Понимаете, Петр Григорьевич», — сказал Якобсон, — я очень чувствителен к словам. И мне не хочется, чтобы меня называли засранцем. Но мне будет так же неприятно, если меня назовут контрзасранец».

Михаил Харнас

Гражданский КОСТЮМ

Улица Льва Толстого в Хамовниках начиналась от Фрунзенского плаца²⁴ и тянулась до военной академии им. Фрунзе. В начало этой улицы в дом номер один я переехал в 1957 году и оказался соседом семьи Петра Григоренко. Нередко я видел идущего по полупустынной улице высокого военного под два метра ростом, с прямой спиной. Это и был Петр Григорьевич Григоренко. Он возвращался пешком из академии, где служил преподавателем.

Так случилось, что с его младшим сыном Андреем я оказался в одном классе 24 школы. Мы быстро стали друзьями, и мне часто приходилось бывать в доме Григоренко. Помню, что на входной двери их квартиры был установлен неэлектрический звонок, на котором было написано «Прошу повернуть».

Чаще всего я общался, конечно, с Андреем и его мамой Зинаидой Михайловной. Она часто приходила к нам в школу и принимала участие в нашей школьной

²⁴ Так тогда называлась часть теперешнего Комсомольского проспекта от улицы Тимура Фрунзе до Первой Фрунзенской улицы в Москве. *Прим. Михаила Харнаса.*

жизни, устраивая нам экскурсии, походы, викторины и т. п. Она старалась воспитать своего сына образованным и порядочным человеком. Окружавшие его друзья вовлекались в ее орбиту.

В памяти сохранились и некоторые встречи с отцом Андрея. Однажды мы вместе поехали кататься на лыжах в подмосковные Химки. После прогулки мы, разгоряченные и уставшие, сидели за столом, и Петр Григорьевич стал вспоминать о войне. Мне хорошо запомнились, что в своем рассказе он уделил внимание плохой солдатской обуви и, тому что несмотря на это простудных заболеваний было не много. Последнее скорее всего объяснялось тем, что во время тяжелых испытаний человеческий организм вырабатывает особый иммунитет против простуд.

Я не помню, чтобы в детстве когда-нибудь видел Петра Григорьевича в гражданском костюме — он всегда был в форме. Мне запомнилось, что когда мы ходили в театр, то после спектакля, уже выйдя в фойе, всегда легко находили возвышавшуюся над головами людей бритую голову военного и нам, детям, трудно было потеряться.

Только где-то в начале шестидесятых годов я узнал, из рассказа Андрея, который уже работал на заводе «Электросвет», что они с братом Георгием пошили для отца на заказ гражданский костюм и плащ. Это пришлось сделать потому, что советская промышленность не производила одежду такого большого размера, какой был нужен Петру Григорьевичу. Еще большая проблема возникла со шляпой, так как опять же таких больших шляп в магазинах попросту не было. С большим трудом братьям удалось найти шляпника, который принял заказ.²⁵

²⁵ Между прочим, эту шляпу можно увидеть на одной из первых фотографий Петра Григорьевича, опубликованной на Западе в середине шестидесятых годов. *Прим. Михаила Харнаса.*

Так я узнал, что в моем детстве у Петра Григорьевича просто не было гражданского костюма.

Однажды я заметил, что по длинному школьному коридору идёт высокий военный офицер с бритой головой. Я видел его со спины и подумал, что это отец Андрея. Быстро найдя его, я сообщил ему об этом. Андрей спросил меня в каком звании военный. Кажется полковник ответил я. Андрей слегка улыбнулся и сказал, что это не его отец, так как его отец — генерал. Так спустя несколько лет после начала нашей дружбы я узнал военное звание Петра Григорьевича.

Вспоминая об этом случае, я могу понять, какая атмосфера была в семье генерала.

* * *

О том, что Петр Григорьевич возглавлял СБЗВЛ²⁶ я узнал только тогда, когда его арестовали. И пусть никому не кажется это странным, мы полагали тогда, что были хорошо законспирированы и не пытались знать имена других членов организации за пределами нашей молодежной ячейки. Святая простота. Для КГБ вся наша конспирация была детским лепетом.

В последующие годы я неоднократно встречал Петра Григорьевича, но поскольку я, в отличие от Андрея и моего старшего брата Александра, не принимал активного участия в Правозащитном Движении, то думаю, что об этом периоде жизни Петра Григорьевича лучше могут рассказать другие.

(Действительно подписи Михаила не найти под правозащитными документами той поры, но свою роль он совершенно на-

²⁶ Союз Борьбы За Возрождение Ленинизма. *Прим. Михаила Харнаса.*

прасно принижает. Он и его покойная жена Татьяна были частью того «молчаливого» слоя без которого мы, активные подписанты, просто не могли бы существовать. Я уж не говорю о том, что они серьезно рисковали своей свободой, храня архивные правозащитные документы и не скрываясь общаясь с известными «отщепенцами». *Прим. А. Г.)*

*Москва,
16 октября 2006 года*

Татьяна Литвинова

Он ни на минуту не привыкал к несвободе

В мой московский период (20–70 годы) мне довелось встречаться и дружить со многими поистине выдающимися личностями — в самых разных областях общественной и художественной жизни страны. Среди них — и я особенно благодарна судьбе за это — чрезвычайно особое место занимал разжалованный генерал Петр Григорьевич Григоренко. Я никого похожего на него не встречала.

Главное, что меня в нем поражало: совершенная самобытность, полное самообладание и (даже среди замечательных наших диссидентов шестидесятников) исключительное бесстрашие — прибавлю еще — заразительное. Когда я находилась рядом с ним, мне передавались его спокойствие и уравновешенность. Казалось, раз мы правы, то нам все нипочем.

И — умение не тратить лишней энергии на «пустяки». Так, во время частых обысков в его квартире он просто ложился спать. Казалось, ни в каких обстоятельствах он не терялся, и естественно было в присутствии Петра Григорьевича подчиняться его авторитету.

Помню, как не менее мужественная, чем он, жена его Зинаида Михайловна захватила меня рано утром на

вокзал, где надо было встретить Петра Гигорьевича, проезжавшего транзитом: его переводили из заключения в Черняховске в другое место, ближе к Москве. Как только он появился на перроне — именно он, а не стража и «сопровождающие лица» — он повел нас, Зинаиду Михайловну, его сына Андрея и меня, через рельсы к поезду, который должен был доставить его в следующий пункт. И все это со спокойной, уверенной улыбкой.

И особенно запомнился день его освобождения (по случаю приезда Никсона) из подмосковной «психушки». Зинаида Михайловна взяла меня с собой туда — Петр Григорьевич еще не знал, что его выпускают. Но, взглянув на новую голубую рубашку, которую привезла Зинаида Михайловна, ухмыльнулся. Всё понял. После многочисленных формальностей нас всех вместе с лечащим врачом усадили в машину и повезли в Москву. И где-то на полпути, перебирая документы, выданные ему в больнице, Петр Григорьевич обнаружил, что очень важного среди них не было. «Стоп», — сказал он, — «Едем назад». Сказал, не закричал. Я представила себе психологическую невозможность для него добровольно возвращаться туда, где его терзали «лечением», и мне удалось уговорить Петра Григорьевича ехать дальше, с семьей. А посещение больницы взяла на себя. Когда, через несколько часов, я приехала к ним на квартиру с нужной справкой, Петр Григорьевич стоял у окна и задумчиво водил пальцем по стеклу. Я подумала, что этот жест выражал неверие в отсутствие решетки, и сказала: «Привыкаете к свободе?» Он обернулся и проговорил: «К свободе мне не надо привыкать — я ни на минуту не привыкал к несвободе». Этот ответ содержал всю его суть.

*Январь 2007 года
г. Брайтон, Великобритания*

СКУПОЙ СТРОКОЙ

Сто дзеркал спрямовано на мене,
в самоту мою і німоту.

Василь Стус

«Петро Григоренко останется в памяти людей во всем мире и всегда будет пользоваться их уважением за столь присущие ему смелость и бескомпромиссность. Он был выдающимся боевым командиром в годы Второй мировой войны, выдающимся генералом и профессором. Он бесстрашно защищал гражданские права не только своих земляков-украинцев, но всех притесняемых и угнетенных. Он оставил всему человечеству блестящий пример деятеля, который не мог молчать перед лицом тоталитаризма, чего бы это ему ни стоило.»

Рональд Рейган
(Перевод с английского Андрея Григоренко)

* * *

«Я любила Петра Григорьевича за его негибимость, самоотверженность, мужество. И, совершенно очевидно, он — один из тех, кто обладал подлинной харизмой (сейчас это слово, увы, так затаскали, дарят его почти каждому, кто достиг известности).

...Он — один из тех, кто до конца остался рыцарем без страха и упрёка (кого-то, кто прошёл «огонь и воду», «медные трубы» испортили).

Благодарю Бога за то, что жила с ними в одно время.»

Ирина Корсунская

* * *

«Потомки еще оценят существенный вклад Петра Григоренко в дело развала системы советского тоталитаризма.

Для меня — большая честь, что несколько шагов мне удалось пройти с ним рядом».

Михаил Макаренко

* * *

Завтра, 6 июня 1969 г. я с группой соотечественников выйду на площадь им. Маяковского в Москве, чтобы публично выразить свой протест против произвола и издевательств над моим крымскотатарским народом, против жестокого подавления властями конституционного движения за подлинную демократию и свободу в нашей стране. Я подниму плакат с лозунгом: «Свободу генералу ГРИГОРЕНКО — другу крымских татар!» Я требую свободу для человека, который так много сделал во имя равенства и восстановления конституционных прав моего народа, боролся против возрождения в стране сталинизма, за свободу и счастье советского народа. Я знаю, что на площади смогу пробыть всего несколько минут. Потом буду схвачен кагэбистами и милиционерами и с побоями отправлен в тюрьму. Так у нас соблюдается статья 125 Конституции СССР, гарантирующая право советских граждан на демонстрации и митинги. Я был очевидцем того, как поступили с Павлом Литвиновым и его мужественными друзьями, которые 25 августа 1968 г. устроили демонстрацию против вторжения советских войск в Чехословакию.

Я еще не знаю, по какой статье Уголовного кодекса буду осужден на лишение свободы за участие в этой демонстрации. Возможно припишут нарушение общественного порядка», «сопротивление властям», «хулиганство» или еще что-нибудь в этом роде. Может быть, обвинят в распространении антисоветской клеветы или же используют самый подлый и старый трюк — признают невменяемым и поместят в психиатрическую больницу-тюрьму. Так делается в нашей стране на протяжении десятилетий. Я иду на демонстрацию, полностью осознавая возможные для меня лично последствия. Но я не могу своим бездействием и пассивностью потворствовать мерзостям, творимым в нашей стране.

Решат Джемилев

* * *

«Григоренко — автор... «В подполье можно встретить только крыс»...

Именно этот выход из подполья ослабил влияние конспиративности и романтической болтовни, мирившейся с предательством — влияние этих зол на умы многих наших соотечественников.»

Александр Есенин-Вольпин

* * *

«Несколько факторов сформировали мою приверженность к Украине. Первым была моя семья. Как в случае со многими другими украинцами диаспоры, наши разговоры за обеденным столом практически всегда вращались вокруг рассказов моего отца о го-лоде, сталинских временах и войне. Дискуссии об Украине как бы витали в воздухе нашей семьи — о прекрасных и трагических аспектах нашей истории. И всегда в нашем доме звучала украинская музыка, такая сентиментальная и ностальгическая.

Вторым фактором явились две моих первых поездки в Украину, в 1975 с моей матерью и в 1980 одной. Эти два месяца просто изменили мою жизнь. Моя первая поездка в Украину заставила меня захотеть жить здесь, она заставила меня желать вернуться сюда в один прекрасный день, возможно как дипломат или банкир. Именно тогда это превратилось в непреодолимое желание вернуться назад, мне было всего лишь 13 и в голове у меня была слегка романтизованная версия Украины. Я познакомилась со своими родственниками в Киеве и Донбассе и была тронута народными песнями, которые пели мои родичи, зелеными парками и городами, которые казались такими мирными и свободными от преступности, но в то же время я знала, что нахожусь под постоянной слезкой

куда бы я не шла. Моя мать и я были подвергнуты грязному обыску в аэропорту Борисполь. По сей день, каждый раз, когда я прохожу через VIP пропускной пункт, я вспоминаю этот кошмарный опыт 1975 года, и красные флаги, развешенные по всем улицам. Это был какой-то странный симбиоз добра и зла... что-то прямо из шпионских романов.

Третьим событием, оказавшим на меня громадное влияние, была речь генерала Петра Григоренко, произнесенная на площади Дали в Чикаго в 1979 году. Я хорошо запомнила его слова: «Я верю, что я увижу независимую Украину в течение моей жизни». Я видела так много людей, молодых и старых, со слезами на глазах. И я осознала, что если он в его преклонном возрасте искренне верит в это, то, значит, это возможно.»

Катерина Чумаченко-Ющенко

(Из интервью, данного американской газете «Ukrainian Weekly». Перевод с английского Андрея Григоренко).

* * *

Вся жизнь Петра Григорьевича Григоренко, начиная с детства, когда он, не считаясь с числом обидчиков, бросился защищать избиваемого еврейского мальчика, до зрелых лет, когда он не раз проявлял удивительное мужество в борьбе с советскими властями за права человека, говорит о его незаурядной смелости. Неудивительно, что и во время войны он не раз оказывался в самом пекле.

Но человеку незаурядного мужества, воину, офицеру далеко не всегда суждена смерть на поле боя. Давным-давно, взглянув на руку юноши Петра Григоренко, гадалка сказала: «Будешь военным. Служба будет успешная, товарищи завидовать будут. Потом пойдут страш-

ные времена и войны. Не убьют. Переживешь. Жить будешь долго. Но старость ... О-о», — и она скорчила страдальческую гримасу.

Позавидовать можно было не только военной и научной карьере (Петр Григорьевич был после войны начальником кафедры кибернетики в Академии им. Фрунзе), но и той популярности среди населения, которую этот человек приобрел после того, как был разжалован из генералов в солдаты и дважды судим. Однажды я поехал с его женой Зинаидой Михайловной в Черняховск, где Петра Григорьевича держали в известной всему свету психушке. Кое-кто из местных жителей уже знал Зинаиду Михайловну в лицо, — и надо было видеть, какой заботой нас окружили работники и гостиницы, и ресторана, куда мы зашли пообедать и взять горячую еду для передачи!

Кое-кто мог позавидовать Петру Григорьевичу и в те дни, когда он оказался на Западе: его принимали короли и главы правительств, о нем писали газеты всего мира; показывали фильмы о нем.

Но слава не была его слабостью. Не знаю, был ли он к ней совсем равнодушен или она его просто мало волновала. Волновало же его по-настоящему все то, что происходило у него на родине, в том государстве, что продержало его долгие годы в заключении, а потом лишило гражданства.

Так же, как некоторые растения не переносят пересадки даже в самую лучшую почву, так и душа Петра Григорьевича глубоко пустила корни в той стране. Где? — тут я затрудняюсь подобрать правильное слово. Сказать «в России» будет неверно, так как родился он на юге Украины и считал себя украинцем; но и сказать, что его Душа укоренилась в украинской земле, тоже будет неверно — она была и в Средней Азии с насильственно высланными туда народами, в Крыму, где преследовали стремящихся вернуться на родину татар, и во всех уголках Советского Союза, где кого-то арестовывают, сажают, притесняют или преследуют.

Когда доходила весть о новом аресте в СССР очередного инакомыслящего, (а знал он лично почти каждого из них), на глазах у Петра Григорьевича появлялись слезы. Слезы рвущегося на помощь бойца, бессильного оказаться на поле брани.

Сергей Мюге

* * *

«14.11.1968 г., я имел счастье слушать потрясающую речь Петра Григоренко на похоронах Костерина, в московском крематории. Я оказался сжатым в толпе у входа, рядом с четырьмя майорами и полковниками. Они были под камуфляжем, то есть наряжены в новые милицейские шинели, но их холёные хари пахли сёмгой, и выдавали спецраспределители союзного значения, а не ментовскую зарплату. В некоторый момент Генерал, говоря о Костерине сказал: «его ненавидели те, кто считает, что надо аплодировать вождям с криками УРА, слепо верить в них, молиться на них, терпеть все их издевательства над собой, и похрюкивать от удовольствия, если в корыто нальют пойла побольше и получше, чем другим.» Это звучало, как приговор Страшного суда. Морды этих «ментов» скривились от злобы и страха. А я же смотрел в них в упор и ухмылялся, так страх был у них, а не у меня. Спасибо тебе за это, Пётр Григорьевич!»

Владимир Гершович

* * *

«Московская квартира Григоренко была штабом, где мы получали информацию. Пётр Григорьевич писал нам, на что надо обратить особое внимание. Фактически он был координатором наших

действий. В последующих встречах он советовал создавать общины крымских татар в Крыму и Запорожской области, куда постепенно переезжали крымские татары. Григоренко даже написал проект Устава землячества крымских татар.»

Эскендер Куртумеров

* * *

...я хорошо помню наше знакомство. Был чудный летний день. Андрей (Сахаров) только вернулся из города, где он был по каким-то домашним делам. Он устал и прилег в кухне на диване. И тут раздался звонок в дверь. Я пошла открыть. Мы никогда не спрашивали кто там. Когда я открыла дверь, то увидела улыбающегося Петра Григорьевича. Он был в светлой рубашке с короткими рукавами. До этого момента я его никогда не видела. Не уверена даже, что видела до этого его фотографию, но сразу же догадалась, что это он. Это было где-то сразу после его освобождения из Черняховской психушки. Мы пошли на кухню и разбудили Андрея. В тот день у меня была дома коробка «клюквы в сахаре». Я помнила, что Зинаида Михайловна как-то просила меня купить этих конфет для передачи Петру Григорьевичу. Конфет этих тогда не было в обычных магазинах, но я могла их купить в магазине «Березка». Мне было приятно, что в день нашего знакомства я могла подать любимые конфеты твоего отца к чаю.

Елена Боннэр

* * *

«Сегодня нет ни одного крымского татарина, который не знал бы имя генерала Григоренко, как и имя писателя Алексея Евграфо-

вича Костерина и академика Андрея Сахарова. Верю, настанет день и крымскотатарский народ воздаст должное своим защитникам. И воздвигнут на границе Украины и Крыма памятник генералу Григоренко как символ дружбы между двумя народами — украинским и крымскотатарским.»

Айше Сеитмуратова

* * *

«Наше обследование Григоренко проводилось с установкой на обнаружение симптомов заболевания. Вместо этого мы нашли человека, который напоминал описанного в советских актах экспертизы столько же, сколько живой человек напоминает карикатуру на него. Все черты его советскими диагностами были деформированы. Там, где они находили навязчивые идеи, мы увидели стойкость. Где они видели бред — мы обнаружили здравый смысл. Где они усматривали безрассудство — мы нашли ясную последовательность. И там, где они диагностировали патологию, — мы встретили душевное здоровье.»

Волтер Райч — американский врач-психиатр

(Из статьи, опубликованной в New York Times Magazine. Перевод с английского Андрея Григоренко).

ГОРЕСТНАЯ ОДА

Александр Галич

Горестная ода счастливному человеку

*Посвящается замечательному человеку —
Петру Григорьевичу Григоренко*

Когда хлестали молнии ковчег,
Воскликнул Ной, предупреждая страхи:
«Не бойтесь, я счастливый человек,
Я человек, родившийся в рубахе!»
Родившийся в рубахе человек
Мудрейшие, почтеннейшие лица
С тех самых пор, уже который век,
Напрасно ищут этого счастливца.
Который век все нет его и нет,
Лишь горемыки прут без перебоя,
И горячат умы, и застыт свет,
А Ной наврал, как видно, с перепоя!
И стал он утешеньем для калек,
И стал героем сказочных забавок, —
Родившийся в рубашке человек,
Мечта горластых, повивальных бабок!
А я гляжу в окно на грязный снег,
На очередь к табачному киоску,
И вижу, как счастливый человек
Стоит и разминает папироску.
Он брал Берлин! Он, правда, брал Берлин,
И врал про это скучно и нелепо,

И вышибал со злости клином клин,
И шифер с базы угонял «налево».
Вот он выходит в стужу из кино,
И сам не зная про свою особость,
Мальчонке покупает «эскимо»,
И лезет в переполненный автобус.
Он водку пил и пил одеколон,
Он песни пел и женщин брал нахрапом!
А сколько он повкалывал кайлом!
А сколько он протопал по этапам!
И сух был хлеб его, и прост ночлег!
Но все народы перед ним — во прахе.
Вот он стоит — счастливый человек,
Родившийся в с м и р и т е л ь н о й рубахе!

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

«И вся история страны —
история болезни»

Владимир Высоцкий

Лев Копелев

Письмо тюремным психиатрам

*Калининградская область,
гор. Черняховск,
Администрации учреждения 216-227*

Уважаемые Товарищи,

Очень прошу Вас возможно скорее передать Петру Григорьевичу Григоренко прилагаемые книги. Эти переводы и подлинники повести известного немецкого писателя Генриха Бёлля. Сопоставляя перевод с подлинником, Петр Григорьевич может совершенствовать свои знания немецкого языка, изучать теорию и практику перевода художественной литературы. Он проявляет серьезную заинтересованность этими проблемами и, могу вас заверить как специалист, высказывает по этому поводу очень дельные мысли.

Бодрое, жизнерадостное письмо, которое я получил от него к Новому году, очень порадовало всех, кто знает Петра Григорьевича и, естественно, озабочен его судьбой. Его занятия немецким языком и проблемами перевода несомненно благотворны для него со всех точек зрения.

²⁷ Ответа на письмо я не получил, но в дальнейшем П. Г. Григоренко передавали книги и письма, которые я ему посылал.

Полагая, что и вы уже могли убедиться в этом, я решаю вас просить: позвольте, наконец, Петру Григорьевичу пользоваться письменными принадлежностями, без чего невозможно дальнейшее активное изучение иностранного языка. Я позволяю себе обратиться к вам с такой неофициальной и очень горячей просьбой, потому что принадлежу к числу тех, кто, не разделяя многих взглядов Петра Григорьевича, глубоко уважает его как самоотверженного, бескорыстного, благородного патриота, необычайно мужественного, талантливого и доброго человека. Вы, вероятно, знаете, что так думают о нем все, кто достаточно знаком с ним или с его научными и публицистическими работами. А таких людей очень много и у нас в стране, и за рубежом.

Решительное изменение его судьбы, видимо, от вас не зависит. Но от вас зависит, чтобы его жизнь в вашем учреждении была возможно менее тягостна. За это вы ответственны прежде всего перед вашей собственной совестью.

Петра Григорьевича Григоренко — героя Великой Отечественной войны, ученого и общественного деятеля никогда уже не забудут его друзья — знакомые и незнакомые — ни беспристрастная история и никто из людей, с ним сталкивавшихся. Не забудьте его и вы. И поэтому для вас же хорошо теперь поступать так, чтоб через многие годы, вспоминая о нем, вам не пришлось испытывать угрызений совести и стыдиться перед своими детьми и внуками. Пожалуйста, поймите меня правильно: доброе человеческое отношение к Петру Григорьевичу может быть только полезным для всех — и для него и для спокойствия души каждого из вас и для достоинства государства.

Желаю всем, кто будет читать это письмо, и всем их родным в наступившем Новом году хорошего настроения, исполнения добрых желаний и доброго счастья.

24 января 1972 года

Из Архивов КГБ

№ 13

**Записка Ю. Андропова в ЦК КПСС
от 10 июня 1968 года**

Секретно

СССР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

10 июня 1968 г[ода]

№ 1342-А

г. Москва

ЦК КПСС

Комитетом госбезопасности оперативным путем получены данные о том, что ГРИГОРЕНКО²⁸ в беседе с одним из своих знакомых заявил об известном ему якобы

²⁸ Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987) — генерал-фронтовик, окончил Академию Генерального Штаба, с 1945 по 1961 год проходил службу в Военной академии им. М. В. Фрунзе в должности старшего преподавателя, начальника кафедры. Он был одним из активнейших участников правозащитного движения, входил в Московскую Хельсинкскую группу и занимался вопросами нарушения гражданских прав в СССР. Как правозащитник он выступал в защиту политзаключенных и в защиту прав крымских татар, которые в 1941 году были высланы из Крыма. КГБ и лично В. Семичастный, С. Банников и Ю. Андропов жестоко расправлялись с П. Г. Григоренко, кото-

намерении представителей крымских «автономистов» подготовить и направить в ООН обращение, под которым они имеют в виду собрать подписи 250 000 татар, с призывом выступить в поддержку их требований. ГРИГОРЕНКО, одобряя эту акцию, заявляет, что она вызовет «колоссальный резонанс».

Комитет госбезопасности принимает меры к предотвращению возможных враждебных действий со стороны националистически настроенных лиц из числа крымских татар и других антиобщественных элементов²⁹.

**Председатель
Комитета госбезопасности
АНДРОПОВ**

*ЦХСД, ф. 89, оп. 28, д. 20, л. 1
(копия)*

рый позже писал: «Шесть с половиной лет меня держали в специальных психиатрических больницах, утверждая, что я не ответствен за свои действия...» (Григоренко П. Г. В подполье можно встретить только крыс... М.: Звенья, 1997. С. 380–383, 604).

²⁹ Начальник отдела Генеральной прокуратуры РФ Г. Ф. Весновская, говоря о новых политических преследованиях (в отличие от сталинских репрессий. — В. Б.) писала: «Методика репрессий была уже несколько иной: неблагонадежных изолировали от общества, фальсифицируя материалы, и осуждали по надуманным основаниям. Кроме того, с помощью специально разработанной *судебнопсихиатрической индустрии* помещали в специальные психиатрические лечебные учреждения. Даже выдворяли из страны. По имеющимся данным, к уголовной ответственности только по ходовым в то время ст.ст. 70 и 190-1 УК РСФСР привлечено к ответственности более 8 тыс. человек, около 20 тыс. человек были помещены в политические застенки лагерей психбольниц по сфабрикованным уголовным делам». (См.: Весновская Г. Ф. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Международное Общество Прав Человека (МОПЧ), Франкфурт-Майн — Москва, раздел 6, статистика по реабилитации. 2000. С. 408).

№ 36

**Записка Ю. Андропова в ЦК КПСС
от 12 февраля 1976 года**

Секретно

экз. № 1

СССР
КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

12 февраля 1976 г[ода]

№ 360-А

г. Москва

ЦК КПСС

**О предупредительно-профилактической беседе
с Григоренко П. Г.**

Сообщаю, что 30 января 1976 года проведена предупредительно-профилактическая беседа с ГРИГОРЕНКО Петром Григорьевичем, 1907 года рождения, бывшим генералом Советской Армии, исключенным из членов КПСС, пенсионером, проживающим в городе Москве по адресу: Комсомольский проспект, д. 14/1, кв. 96, ранее дважды судимым за антисоветскую деятельность и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

С 1970 по 1974 год ГРИГОРЕНКО по определению судебных органов находился на принудительном лечении в психиатрической больнице.

После освобождения из больницы ГРИГОРЕНКО восстановил связи с САХАРОВЫМ и другими ревизионистскими элементами — активными участниками антиобщественной деятельности. Совместно с ними принимает участие в провокационных собраниях, подготовке и передаче за границу клеветнической информации о якобы имеющих место нарушениях прав человека в Советском Союзе, в том числе по так называемому «крымскотатарскому вопросу», которая используется во враждебной антисоветской пропаганде.

В беседе ГРИГОРЕНКО было указано, что его деятельность наносит вред интересам нашего государства и в случае ее продолжения ему будет вынесено официальное предостережение органов КГБ.

ГРИГОРЕНКО заявил, что никакой антиобщественной деятельностью заниматься не будет, а по возникающим у него вопросам он будет обращаться в соответствующие советские инстанции официальным путем.

Сообщается в порядке информации.

**Председатель
Комитета госбезопасности
АНДРОПОВ**

*ЦХСД, ф. 89, оп. 60, д. 5, л. 2
(копия)*

№ 44

**Записка Ю. Андропова в ЦК КПСС
от 15 ноября 1976 года**

Секретно

СССР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

15 ноября 1976 г[ода]

№ 2577-А

г. Москва

ЦК КПСС

**О враждебной деятельности так называемой
«Группы содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР»**

В последние годы спецслужбы и пропагандистские органы противника стремятся создать видимость наличия в Советском Союзе так называемой «внутренней оппозиции», предпринимают меры по оказанию поддержки инспирированным антиобщественным проявлениям и объективно содействуют блокированию участников различных направлений антисоветской деятельности.

Так, в 1969 году антиобщественные элементы во главе с ЯКИРОМ и КРАСИНЫМ в целях организационного сплочения участников так называемого «движения за демократизацию» создали «инициативную группу».

В 1970 году для активизации антиобщественной деятельности враждебно настроенных лиц ЧАЛИДЗЕ создал

так называемый «комитет защиты прав человека», в который кроме него вошли академик САХАРОВ и член-корреспондент Академии наук СССР ШАФАРЕВИЧ.

В 1973 функции организованного объединения антисоветски настроенных лиц взяла на себя так называемая «русская секция «Международной амнистии», возглавляемая ТУРЧИНЫМ и ТВЕРДОХЛЕБОВЫМ.

Члены указанных организаций устанавливали контакты с некоторыми зарубежными антисоветскими центрами и в целях дискредитации советского государственного и общественного строя занимались сбором и распространением клеветнических материалов.

В результате принятых Комитетом госбезопасности мер «инициативная группа» и «комитет защиты прав человека» полностью себя скомпрометировали и практически прекратили свое существование, а деятельность «русской секции» была локализована.

Однако, несмотря на неудачи с попытками создать в СССР «внутреннюю оппозицию», противник не отказался от этой идеи.

12 мая с. г. по инициативе члена-корреспондента Академии наук Армянской ССР ОРЛОВА Ю. Ф., 1924 года рождения, нигде не работающего, антиобщественные элементы объявили о создании «группы содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР».

В «группу» входят следующие лица: неоднократно привлекавшиеся к уголовной ответственности ГИНЗБУРГ А. И., 1936 года рождения, еврей, нигде не работает; ГРИГОРЕНКО П. Г., 1907 года рождения, украинец, пенсионер, профессиональный уголовник МАРЧЕНКО А. Т., 1938 года рождения, русский, отбывающий ссылку в Иркутской области; еврейские экстремисты: РУБИН В. А., 1913 года рождения, еврей, выехавший в Израиль, ЩАРАНСКИЙ А. Д., 1948 года рождения, еврей, нигде не работает, и СЛЕПАК В. С., 1927 года рождения, еврей, нигде не работает; участник различных враждеб-

ных акций жена САХАРОВА-БОННЭР Е. Г., 1922 года рождения, еврейка, пенсионерка, БЕРНШТАМ М. С., 1949 года рождения, еврей, выехавший в Израиль, ЛАНДА М. Н., 1918 года рождения, еврейка, пенсионерка, АЛЕКСЕЕВА Л. М., 1927 года рождения, русская, нигде не работает, и КОРЧАК А. А., 1922 года рождения, украинец, сотрудник Института земного магнетизма ионосферы и распределения радиоволн Академии наук СССР.

Созданием «группы» указанные лица преследуют провокационную цель — поставить под сомнение искренность усилий СССР по выполнению положений Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и тем самым оказать на правительство Советского Союза нажим в вопросах реализации хельсинкских договоренностей, прежде всего по «третьей корзине».

Члены «группы» осуществляют сбор материалов о якобы имеющих случаях невыполнения Советским правительством Заключительного акта, в частности о «нарушениях основных прав советских граждан», «преследованиях за инакомыслие» и т. п.

Собранную по этим вопросам информацию они передают по различным каналам правительствам стран, подписавших Заключительный акт. По замыслу членов «группы», в особых случаях они будут обращаться к этим странам с просьбой о создании международной комиссии для расследования обстоятельств дела. При этом «группа» делает ставку на давление западного общественного мнения на Советское правительство и не стремится, по словам ОРЛОВА, «искать опору в народе».

Антиобщественные элементы выступают с призывом к главам государств, принимавшим участие в хельсинкском совещании, учредить в их странах подобные неофициальные группы контроля, которые в последующем могли бы быть объединены в международный комитет.

За период своего существования «группа» предприняла ряд попыток добиться ее официального признания правительственными органами США. Так, в беседе с первым секретарем политического отдела посольства США в Москве РИЧАРДОМ КОМБЗОМ в сентябре с. г. ОРЛОВ настаивал на официальном признании «группы» госдепартаментом США и использовании американцами передаваемой «группой» информации на уровне правительств и глав государств, в том числе и на предстоящем совещании в Белграде.

Комитетом государственной безопасности принимаются меры по компрометации и пресечению враждебной деятельности участников «группы».

Сообщается в порядке информации.

**Председатель
Комитета госбезопасности
АНДРОПОВ**

ЦХСД, ф. 89, оп. 37, д. 4, лл. 1–4 (копия)

№ 52

**Записка Ю. Андропова в ЦК КПСС
от 24 ноября 1977 года**

Секретно

СССР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

24 ноября 1977 г[ода]

№ 2531-А

г. Москва

ЦК КПСС

**О выезде в США в частном порядке
Григоренко П. Г.**

Последние годы среди лиц, проводящих антиобщественную деятельность, активную роль играет бывший генерал Советской Армии ГРИГОРЕНКО П. Г. С ним связаны многочисленные пресс-конференции, различного рода «заявления» и «обращения» по пресловутому вопросу о «правах человека», постоянно используемые зарубежной пропагандой в антисоветских целях.

Дважды ГРИГОРЕНКО привлекался к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность и оба раза в судебном порядке направлялся на принудительное лечение, так как, по заключению экспертов, страдал и страдает психическим заболеванием (шизофренией).

В октябре месяце ГРИГОРЕНКО возбудил ходатайство о разрешении ему поездки в США (там находится его

сын, выехавший ранее в Израиль), мотивируя это необходимостью операции предстательной железы. По заключению советских врачей, ГРИГОРЕНКО действительно нуждается в этой операции, которая, однако, невозможна по состоянию его здоровья.

Возможный неудачный исход операции, если она будет проводиться в СССР, может вызвать нежелательные кривотолки и политически невыгодный для нас резонанс. Учитывая эти обстоятельства, принято решение не возражать против его выезда в США в частном порядке.

Предложения по вопросу о возвращении ГРИГОРЕНКО в Советский Союз будут представлены в зависимости от его поведения за границей.

Сообщается в порядке информации.

**Председатель
Комитета госбезопасности
АНДРОПОВ**

*ЦХСД, ф. 89, оп. 60, д. 12, л. 2
(копия)*

№ 54

**Записка Ю. Андропова в ЦК КПСС
от 4 февраля 1978 года**

Разослано членам Политбюро
ЦК КПСС на голосование

Секретно

4 февраля 1978 года

№ 234-А

04987

21-аф

7.П.[19]78 г[ода]

ЦК КПСС

О лишении Григоренко советского гражданства

В соответствии с разрешением ОВИР Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома 30 ноября 1977 года на лечение в США сроком на 6 месяцев выехал Григоренко П. Г., 1907 года рождения, украинец, беспартийный (исключен из КПСС в 1964 году), пенсионер.

Григоренко длительное время занимается активной антисоветской деятельностью, за что дважды привлекался к уголовной ответственности, находился на принудительном излечении. Однако и после этого продолжал антисоветскую деятельность, постоянно инспирируя антиобщественные проявления. Даже получив разрешение на выезд из Советского Союза, Григоренко явился организатором публичной враждебной акции своих едино-

мышленников на площади Пушкина в Москве 10 декабря 1977 года, которая принятыми Комитетом госбезопасности мерами была сорвана.

По имеющимся данным, находясь в США, Григоренко, несмотря на неоднократные заявления о том, что он будет вести себя за границей лояльно, продолжает заниматься враждебной Советскому государству деятельностью. В частности, он установил контакт с главарями зарубежных организаций украинских националистов и обсуждал с ними состояние и перспективы враждебной деятельности антиобщественных элементов в СССР, целесообразность объединения так называемых «групп содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР», наиболее приемлемую форму помощи им со стороны Запада.

Подобные действия Григоренко свидетельствуют о том, что он встал на путь двурушничества и в случае возвращения в Советский Союз вновь активизирует враждебную деятельность.

Исходя из изложенного, Комитет госбезопасности вносит предложение лишить Григоренко П. Г. советского гражданства.

МГК КПСС это предложение поддерживает.

Проекты постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаются.

Просим рассмотреть.

**Председатель
Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР
Ю. АНДРОПОВ**

На документе имеется помета: «За. М. Суслов».

ЦХСД, ф. 89, оп. 25, д. 21, лл. 1–2

(копия)

№ 55

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Совершенно секретно

№ П92/65

Московскому горкому КПСС

т.т. Брежневу, Косыгину, Андропову, Громыко,

Суслову, Кузнецову, Щелокову, Савинкину,

Георгадзе, Смиртюкову.

Выписка из протокола № 92

заседания Политбюро ЦК КПСС

от 9 февраля 1978 года

О лишении гражданства Григоренко П. Г.

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается).

Секретарь ЦК

ЦХСД, ф. 89, оп. 25, д. 21, л. 3

(копия)

№ 56

К пункту 65 прот. № 92

Проект

Опубликовать в «Ведомостях

Верховного Совета СССР»

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О лишении гражданства СССР Григоренко П. Г.

Учитывая, что Григоренко П. Г. систематически совершает действия, несовместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим поведением ущерб престижу Союза ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании ст. 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР Григоренко Петра Григорьевича, 1907 года рождения, уроженца с. Борисово Приморского района Запорожской области.

**Председатель
Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ**

**Секретарь
Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ**

Москва, Кремль

ЦХСД, ф. 89, оп. 25, д. 21, л. 4

(копия)

ПОСТ-КОММУНИСТИЧЕСКОЕ

В России

Указ Президента Российской Федерации³⁰ «Об увековечении памяти Григоренко П. Г.»

В целях увековечения памяти известного деятеля правозащитного движения, военного педагога и ученого генерал-майора Григоренко Петра Григорьевича

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Правительству Российской Федерации провести в Москве 16 октября 1997 года, в день 90-летия Григоренко П. Г., вечер, посвященный его памяти.
2. Правительству Москвы рассмотреть предложения общественного комитета по проведению дней памяти Григоренко П. Г. о названии (переименовании) одной из улиц г. Москвы именем Григоренко П. Г. и установлении мемориальных досок на доме, где он жил, и на здании Военной академии имени М. В. Фрунзе, где он работал.
3. Министерству обороны Российской Федерации учредить стипендии имени Григоренко П. Г. для слушателей и адъюнктов Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.
4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Б. Ельцин, Москва, Кремль, 1 сентября 1997 г.

³⁰ Этот Указ был только частично претворен в жизнь — Министерство обороны организовало вечер памяти, и две стипендии имени Петра Григоренко были учреждены для адъюнктов академии им. Фрунзе. Переименование же Комсомольского проспекта или иной улицы в Москве и установка мемориальных досок так никогда и не состоялись. *Прим. А. Г.*

Главному Редактору газеты «Известия»³¹

103791 Россия Москва, К-6,
ул. Тверская, д. 18, корп. Т

Уважаемый Господин Редактор!

14 октября 1997 года (№ 195) в руководимой Вами газете появилась статья Эдуарда Поляновского «Улица Петра Григоренко должна появиться в Москве». В этой статье сообщалось о Президентском Указе о чествовании моего покойного отца — одного из зачинателей и лидеров Движения за Права Человека в СССР. В статье был высказан осторожный оптимизм, что в Москве появится, согласно с Указом Президента, улица Григоренко, а на доме, где он жил, мемориальная доска. Как нетрудно догадаться, мне было чрезвычайно приятно читать эту статью, и я глубоко признателен и автору статьи, и Вам за ее публикацию. Но я думаю, что Вы простите меня, что даже в момент прочтения статьи, а уж тем более по прошествии года со дня ее публикации, я более чем скептически смотрю на то, что улица Петра Григоренко в Москве появится в ближайшем обозримом будущем.³²

³¹ Эта статья никогда не была опубликована. *Прим. А. Г.*

³² Улица Петра Григоренко так никогда в Москве и не появилась. *Прим. А. Г.*

Разумеется, я взялся за написание этой короткой заметки вовсе не для того чтобы похвастаться своей прозорливостью. С Вашего позволения я хотел бы поделиться с Вами и Вашими читателями, на чем, собственно, базируется мой скептицизм, и почему я глубоко убежден в том, что появление улицы Петра Григоренко в Российской столице нужно в первую очередь самим россиянам.

Надо думать, что из моего заокеанского далека, российская ситуация видится, по всей вероятности, не совсем так как она видится изнутри. Но при этом я и не совсем сторонний наблюдатель. Как теперь многие знают из книги моего отца, я родился и рос в семье убежденных коммунистов и не мудрено, что таковым считал и себя. Когда последовали первые разоблачения преступлений Сталина, эта моя вера ничуть не поколебалась. Как и многие другие, я верил, что ошибки и преступления мог совершить отдельный человек, но при этом партийные ризы остаются чисты, и что Партия имеет конечную истину в кармане. Кровавое подавление Венгерской Революции в 1956 году пробило первую брешь в этой непоколебимой вере. В то время я не понимал через какую духовную эволюцию проходили мои родители и, разумеется, не делился с ними своими сомнениями и болью. Но в том незапамятном 56 году я совершил свой первый диссидентский поступок: в общественном туалете я написал на стене «Руки прочь от *социалистической* Венгрии». В моем тогдашнем детском мозгу слово социалистический имело некое магическое значение. Потребовались еще многие годы до того момента, когда я наконец сбросил с себя кабалу коммунистического дурмана. Даже в первые годы, уже начавшегося Движения за Права Человека в СССР я еще считал себя марксистом. Одновременно с освобождением от коммунизма пришло и другое открытие — коммунизм не столько набор некоторых ходульных догм, сколько метод мышления. Человек может отказаться от марксизма-ленинизма,

даже начать бороться с коммунизмом, апеллировать к новому набору догм, но при этом оставаться коммунистом. Правильнее, конечно, такой метод мышления назвать тоталитарным, что будет охватывать не только приверженцев коммунистических или нацистских догм.

Я привел ретроспекцию своего жизненного опыта отнюдь не для красного словца. Груз тоталитарного метода мышления довлеет над Российским обществом, как, впрочем, и над всеми пост-тоталитарными обществами. Этому грузу обязана страна всеми своими неурядицами, и он же стоит преградой к возвращению генерала Григоренко.

А за примерами прошлого, хватающего российское общество за ноги, ходить далеко не приходится. Возьмем, например, Вторую мировую войну. Генерал Григоренко во время войны, зачастую с риском попасть под трибунал, избегал неоправданных потерь своих подчиненных, в то время, когда в советской армии царил принцип: «Людей не жалеть!», и одним из главных исполнителей этого вурдалакского принципа был маршал Жуков. Тот самый маршал Жуков, который ныне возведен в ранг национального героя. Чего после этого удивляться варварской мясорубке последней чеченской войны, в которой своих не жалели, не говоря уже о «чужих», которых можно жечь напалмом и истреблять в фильтрационных лагерях. К слову, не мешало бы вспомнить, что чеченцы один из четырнадцати народов, подвергнутых депортации и геноциду в недавнем коммунистическом прошлом, а среди «преступлений» генерала как раз числится бескорыстная борьба за восстановление прав депортированных народов. Ну, куда ж тут вписаться улице генерала Григоренко?

Душа генерала болела и за обездоленное, окровавленное крестьянство. Но и десять лет спустя после падения коммунизма никто всерьез не повинулся за 17 миллионов крестьянских душ, унесенных

смерчем «коллективизации и ликвидации кулака, как класса». И по сей день крестьяне не получили назад землю, которая им принадлежит по праву. Да и как вообще рядовой житель России может получить что-то, что принадлежит ему по праву, когда всем распоряжаются вчерашние партийные боссы, слегка поменявшие окраску. Всего лишь несколько месяцев назад я имел «удовольствие» ознакомиться с беседой в редакции одной из свободных московских газет с бывшим комсомольским вождем и бывшим же председателем КГБ г-ном Семичастным. Тем самым господином Семичастным, который «удостоил» генерала Григоренко собственноручным ведением его первого дела, столь блестяще заверщенного отправкой генерала в психушку. В этой беседе респектабельный господин поведал всему миру, что если бы им, специалистам, не ставили палки в колеса, то нынешнее поколение россиян процветало бы ничуть не хуже населения самых развитых стран. И никто даже глазом не моргнул, а «специалистов» из небезызвестного учреждения становится все больше и больше на всех уровнях власти, а там где их не хватает, добавляют подобных же «специалистов» из резерва «вечно живого» ЦК КПСС. Метастазы тоталитаризма проели все слои российского общества. От него не спаслась даже Церковь, эта единственная формально не коммунистическая институция. Не буду перечислять все, но Екатеринбургское аутодафе вполне может служить доказательством того, как далеко зашла болезнь.

Проанализировав некоторые из причин, препятствующих появлению улицы Григоренко в Москве, можно и приступить к вопросу, зачем же такая улица нужна Российской столице? Вкратце небольшой исторический очерк к истории Комсомольского проспекта, на котором стоит дом, где родился я, и где мой отец прожил почти сорок лет. В моем детстве от Крымской площади до церкви св. Николая в Хамовниках проходила ул. Чудовка, упиравшаяся в Хамовнический (позднее Фрунзенский) плац. В конце этого пла-

ца был открытый манеж, где кавалеристы практиковались в рубке лозы и джигитовке. Затем — крытое стрельбище, заканчивающееся приблизительно на уровне теперешней станции метро Фрунзенская, а следом за стрельбищем начиналась городская свалка, тянувшаяся до окружной железной дороги. К фестивалю молодежи и студентов началось постепенное расчищение будущего Комсомольского проспекта, снос рабочих бараков вдоль Хамовнической (позднее Фрунзенской) набережной и снос Лужнецкой слободы под будущий стадион. Иными словами, Комсомольский проспект не является исторической улицей Москвы за исключением небольшого куса от Крымской площади до Хамовнических казарм.

Как водилось в старые времена, проект не был завершен вовремя. По странному стечению обстоятельств Комсомольский проспект открылся для сквозного движения осенью (в канун 7 ноября) 1961 года. В ту самую осень, когда с известного выступления на партконференции началось гражданское служение генерала Григоренко, закончившееся, без малого двенадцать лет назад, смертью в изгнании. Есть и еще один интересный момент — в молодости генерал Григоренко был одним из организаторов комсомольской организации в родном селе, а позднее членом ЦК ЛКСМУ.

Разумеется, в Москве нетрудно найти какой-нибудь закоулок и для отмазки переименовать его в улицу Григоренко. Мне, как сыну, и это будет приятно, но вот русскому народу такая отписка вряд ли сослужит полезную службу. Переименование именно Комсомольского проспекта только и может иметь какой-то смысл для преодоления раковой опухоли тоталитаризма, по прежнему распускающей свои ядовитые метастазы. Такое переименование было бы не просто отданием должного памяти одного из первых борцов с этой заразой, но и символом искупления наравне с восстановленным храмом Христа Спасителя, символом преодоления комсомольского лже-романтизма, символом преодоленного шовинизма.

Да, коммунизм — это реальное историческое прошлое России. Но в истории каждой нации, как и в жизни отдельного человека, есть моменты взлета и моменты падения. И каждый, кто закрывает глаза на собственные ошибки и преступления, а уж тем более бахвалиться ими, обречен повторять их снова и снова. Ну, подумайте в какую нормальную голову придет мысль, чтобы в Берлине был проспект Гитлерюгенда. А в Москве Комсомольский проспект и площадь того же наименования никого не удивляет. Не удивляет никого и мумия человека, совершившего тяжкие преступления против человечества в самом сердце российской столицы, не говоря уже об улицах и памятниках разного рода служителей очевидно преступного коммунистического режима.

Мне далеко не безразличны судьбы народов бывшего СССР, не таю я и зла на страну моего рождения и возмужания за вынужденное изгнание. И по сей день любая неурядица этой страны приносит мне истинную боль. И заканчивая эту заметку, я вовсе не рассчитываю на то, что она приведет к какому-то немедленному результату. Мой жизненный опыт и долгие годы борьбы за право человека быть самим собой в условиях тоталитарного общества научили меня терпению, но при этом не истребили мой природный оптимизм. Я глубоко убежден сейчас, как и был убежден в начале шестидесятых годов, что тоталитаризм будет рано или поздно побежден, как в принципах государственного и национального строительства, так и в душах отдельных людей. И такой день будет самым замечательным памятником памяти моего героического отца — бескорыстного рыцаря в борьбе за достоинство и подлинную свободу Человека.

*Андрей Григоренко
Нью-Йорк
12 октября 1998 года*

В Украине

Григоренко опальный и в 100 лет

Верховная Рада отказалась провести празднование 100-летия со дня рождения генерала Петра Григоренко в 2007 году. За принятие проекта постановления № 2207 проголосовали 193 депутата при необходимых 226

* * *

31 октября 2006 года в ходе вечернего пленарного заседания Верховной Рады Украины народный депутат Украины, Председатель Меджлиса крымскотатарского народа Мустафа Джемилев выступил по проекту Постановления о праздновании 100-летия со дня рождения выдающегося общественного деятеля, известного правозащитника, генерала Петра Григоренко.

В сентябре текущего года указанный проект Постановления, авторами которого являются народные депутаты Украины Мустафа Джемилев, Нина Карпачева и Левко Лукьяненко, был зарегистрирован в Верховной Раде Украины под № 2207.

Согласно проекту постановления, в октябре 2007 года предлагалось на государственном уровне торжественно отметить 100-летие со дня рождения П. Григоренко, проведя в Киеве торжественные собрания с участием представителей органов государственной власти и правозащитных организаций Украины.

В своем выступлении народный депутат Украины Мустафа Джемилев отметил, что предложенный им на

рассмотрение проект Постановления призван увековечить в Украине имя человека, который был символом свободы и демократии, лидером правозащитного движения в бывшем СССР и наиболее известным в мире украинцем в 60-х — 80-х годах прошлого столетия. «Выходец из простой крестьянской семьи с. Борисовка Запорожской области, П. Григоренко дослужился до звания генерала советской армии, был неоднократно ранен в боях на советско-германском и советско-японском фронтах, работал заведующим кафедрой кибернетики в военной академии им. Фрунзе, но за свои выступления против произвола и беззаконий властей был разжалован в солдаты и одновременно признан психически невменяемым, многие годы содержался вместе с умалишенными в страшных спецтюрьмах. Годы неволи и пыток не сломили этого мужественного человека. Он до конца своих дней оставался стойким приверженцем идей демократии, противником тоталитаризма и всех форм расовой и национальной дискриминации», — сказал М. Джемилев. По словам нардепа Украины Мустафы Джемилева, огромен вклад генерала П. Григоренко в дело восстановления прав репрессированных при сталинском режиме народов и, в первую очередь, крымскотатарского народа. «Он сделал для этого народа больше, чем кто-либо в мире. Петр Григоренко, наряду с Тарасом Шевченко и Вячеславом Черноволом, является наиболее известным и самым почитаемым украинцем среди крымских татар», — добавил Председатель Меджлиса. «Все меры, предусмотренные нашим проектом Постановления, — продолжил М. Джемилев, — не потребуют больших бюджетных средств, а некоторые меры, как например, выпуск монет с изображением П. Григоренко, могут даже принести некоторый доход государству, поскольку эти монеты, я уверен, будут моментально раскуплены в первую очередь крымскими татарами». Народный депутат Украины Мустафа Джемилев выразил надежду, что подав-

ляющее большинство депутатов поддержат предложенный проект постановления.

«У нас могут быть разные политические взгляды, но в вопросе оказания должных почестей людям, которые ценой своей свободы и жизни служили своему народу, полагаю, мы должны быть едины. Поэтому не случайно, что соавторами этого проекта являются представители трех ведущих фракций нашего парламента, в их числе и соратник покойного П. Григоренко, один из наиболее заслуженных героев Украины Л. Лукьяненко», — отметил Мустафа Джемилев в завершении своего доклада.

К сожалению, Верховная Рада Украины отклонила принятие проекта Постановления о праздновании 100-летия со дня рождения выдающегося общественного деятеля, известного правозащитника, генерала Петра Григоренко.

Пресс-служба Меджлиса

* * *

В Верховной Раде Украины состоялось голосование по резолюции о праздновании столетия со дня рождения генерала Петра Григоренко. Резолюция была провалена солидарными действиями коммунистов, социалистов и регионалов. За резолюцию проголосовало только 199 депутатов при необходимых 226. Хотя речь шла лишь об отдаче должного памяти наиболее известного украинца двадцатого века, но оно символизирует гораздо большее. Провал этой резолюции показывает, что украинский Парламент пренебрегает не только украинским демократическим наследием, но и угрожает поворотом к советским порядкам, подобным тем, которые неумолимо заливают северных соседей Украины.

*Andrew P. Grigorenko
President of General Petro Grigorenko Foundation
www.grigorenko.org*

Вячеслав Чорновил

Украине нужны харизматичные люди, которые бы объединяли людей

Из выступления на вечере памяти

П. Григоренко в Киеве³³

Познакомился я с Петром Григорьевичем Григоренко в апреле 1969 года, вскоре после освобождения из моего первого заключения. Было мне тогда 30 лет. Были мы тогда все патриотами — националистами по большому счету. Нет, мы не были тогда какими-нибудь заскоружлыми националистами, но и слово это не поносили. Мы хорошо умели различить понятия российский империализм от российской демократии. Я должен заметить, что вообще длительное время Москва нам была окном в мир. Это немного погодя открылась Польша, другие страны. Именно тогда, по предложению Нины Строкатой-Караванської, я и согласился проведать московских демократов. В тот приезд в Москву я познакомился с Петром

³³ Расшифровка магнитофонной записи и перевод с украинского Андрея Григоренко.

Григоровичем, о котором тогда ходили легенды. Рассказывали, что за ним повсеместно рыскали сексоты. Когда же Петро Григорович бросал на них взгляд, то они делали вид, что читают газету или завязывают шнурки.

[...] Вторая наша встреча проходила за неделю-полторы перед тем, как его арестовали в Ташкенте. После его ареста в Украину начали поступать письма моим знакомым: «Вы только посмотрите, что это за Славко Черновил такой объявился. Приехал тут, развел провокационные разговоры с нашим дорогим Петром Григорьевичем Григоренко, после чего его арестовали». Вот как они умели забивать клинья, разъединять нас.

[...] В последний раз я встретился с Петром Григоровичем в Бандбруке на украинском кладбище в Америке, когда стоял подле его могилы...

Украине нужны харизматичные люди, которые бы объединили людей, были бы Светочем нации. Именно таким человеком был светлой памяти Петро Григорович Григоренко. И наше единство может послужить лучшим проявлением памяти об этом мужественном человеке.

*Киев
октябрь, 1997 год*

Рефат Чубаров

Память — удел гордых и свободных людей

«Он перестал быть марксистом
просто потому, что привык
додумывать все до конца»

Сергей Ковалев

В 1964 г. Григоренко был лишен звания, наград, пенсии, а затем неоднократно подвергался арестам и принудительному заточению в специальные психиатрические больницы. Находясь в Ленинградской спецпсихбольнице, он познакомился с Буковским, который впоследствии ввел его в круг диссидентов. Выступал в защиту «Пражской весны», в защиту арестованных А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Марченко, демонстрантов, вышедших 26 августа 1968 г. на Красную площадь и других инакомыслящих. К этому же времени относится его знакомство с крымскими татарами, прибывавшими в Москву по поручению национального движения. Как человек чрезвычайно сочувливый, он не только сопереживает трагедии крымских татар, но и непосредственно включается в их борьбу за восстановление прав. Его речь, произнесенная 17 марта 1968 года на банкете в ресторане «Алтай», устроенном представителями крымскотатарского народа в Москве по случаю 72-летия писателя Алексея Костерина, стала заметным событием не только в диссидентском движении

бывшего СССР, но и в крымскотатарском национальном движении. За отсутствием места, приведем выдержки из этого выступления (цитируется по изданию — Петр Григоренко. «Мысли сумасшедшего», избранные письма и выступления Петра Григорьевича Григоренко. Фонд имени Герцена, Амстердам, 1973):

«Теперь позвольте мне коротко высказать наши с Костериным взгляды по актуальным проблемам вашего движения.

Скоро исполнится четверть века с тех пор, как ваш народ был выброшен из собственных жилищ, изгнан из земли своих предков и загнан в резервации, в такие условия, в которых гибель всей крымскотатарской нации казалась неизбежной. Но выносливый и трудолюбивый народ преодолел все и выжил назло своим недругам. Потеряв 46% своего состава, он начал постепенно набирать силы и вступать в борьбу за свои национальные и человеческие права. Но, несмотря на это, права ваши попираются. Почему?! Нам думается, что главная причина этого заключается в том, что вы недооцениваете своего врага. Вы думаете, что вам приходится общаться только с честными людьми. А это не так. То, что сделано с вашим народом, делал не один Сталин. И его соучастники не только живы, но и занимают ответственные посты. Они боятся, что если вам возвратят незаконно отнятое, то им придется со временем отвечать за свое участие в произволе.

Начинайте требовать. И требуйте не части, не кусочки, а всего, что у вас было незаконно отнято — восстановления Крымской Автономной Советской Социалистической Республики! (Бурные аплодисменты, возгласы: «Да здравствует Крымская АССР!», «Ура!»)

В своей борьбе не замыкайтесь в узко национальную скорлупу. Устанавливайте контакты со всеми прогрессивными людьми других наций Советского Союза, прежде всего, с нациями, среди которых вы живете, с русскими и украинцами, с нациями, которые подвергались

и подвергаются таким же унижениям, как и ваш народ. Не считайте свое дело только внутригосударственным. Обращайтесь за помощью к мировой прогрессивной общественности и к международным организациям. То, что с вами сделали в 1944 году, имеет вполне определенное название. Это чистойшей воды геноцид — «один из тяжчайших видов преступления против человечества...».

Как видите, международное право тоже на вашей стороне. (Бурные аплодисменты.) И если бы вам не удалось решить вопрос внутри страны, вы вправе обратиться в Организацию Объединенных Наций и в Международный трибунал.

Перестаньте просить! Верните то, что принадлежит вам по праву, но незаконно у вас отнято! И запомните: в этой справедливой и благородной борьбе нельзя позволить противнику безнаказанно выхватывать бойцов, идущих в первых шеренгах вашего движения.

Я поднимаю свой бокал за смелых и несгибаемых борцов за национальное равноправие, за одного из наиболее выдающихся бойцов этого фронта, за писателя, большевика, интернационалиста Алексея Костерина, за здоровье крымскотатарского народа! Я желаю вашему народу полного успеха в его справедливой борьбе! За встречу в Крыму, дорогие друзья, на территории восстановленной и возрожденной Крымской Автономной Советской Социалистической Республики!!!

Мертвые сраму не имут. А живые забыли про совесть

Цинизм, демагогия, свидетельство утраты всякой морали и нравственности — все это в полной мере было сконцентрировано в позиции тех народных депутатов Украины, кто отказался поддержать постановление «Про відзначення 100-річчя з дня народження

видатного українського громадського діяча, генерала Петра Григоровича Григоренка», представленного одним из авторов документа, народным депутатом Украины Мустафой Джемилевым.

Вначале, казалось, что особых проблем с принятием указанного постановления не предвидится. Тем более, что перед этим состоялось позитивное голосование по вопросу «Про відзначення 30-ї річниці створення Української групи сприяння виконанню Гельсінкських угод», представленного народным депутатом Ниной Карпачевой. А, как известно, Петро Григоренко не только выступил тридцать лет назад одним из десяти учредителей Украинской группы содействия выполнению Хельсинских соглашений, но и был координатором между Украинской и Московской Хельсинскими группами. Данное постановление было проголосовано 378 голосами «ЗА», из которых 185 принадлежит членам фракции Партии регионов Украины.

Ситуация в зале стало меняться на глазах, когда с трибуны Верховной Рады Украины народный депутат Украины Мустафа Джемилев начал представлять проект постановления об ознаменовании 100-летия со дня рождения Петра Григоренко. Практически все члены фракции Компартии Украины демонстративно, с шумом стали покидать зал заседания.

Оставшиеся из этой фракции несколько человек (скорее всего, специально оставленные) попытались выкриками помешать выступлению Мустафы Джемилева, а затем, по свидетельству некоторых членов Партии регионов, от имени КПУ предъявили ультиматум своим союзникам по «антикризисной коалиции» — не голосовать, «поскольку Григоренко предатель, помогавший крымским татарам». Фракция партии Регионов, уступив желанию своих союзников, легко отказалась от принятого ими ранее на заседании фракции решения в поддержку постановления об ознаменовании юбилея Петра Григоровича Григоренко. В итоге постановление «Об озна-

меновании 100-летия со дня рождения выдающегося украинского общественного деятеля, генерала Петра Григоровича Григоренко» набрало всего 193 голоса «ЗА» при необходимых 226 голосов.

«Крысы добились изгнания меня с Родины... Но будущего у крыс нет»

Эти слова взяты из книги Петра Григоренко «В подполье можно встретить только крыс», впервые увидевшей свет в Нью-Йорке в 1981 году. Будучи выдавленным за пределы своей Родины, Петро Григорович не теряет присущего ему оптимизма, завершая свою книгу утверждением: «Мы вернемся на Родину и увидим наш освобожденный от крысиной напасти народ!». Жаль, ему не довелось дожить до краха тоталитарной системы и радоваться вместе с крымскими татарами их возвращению на свои земли. Уходят из жизни его ближайшие соратники. Умерший в июне 2005 года Генрих Алтунян в одном из своих последних интервью сказал: «Я ничего не боюсь. Мне семьдесят лет, как говорится, уже «с ярмарки». Я все повидал. Думаю, что ничего худшего, чем многодневное сидение в карцере Чистопольской тюрьмы я лично уже не увижу. Я боюсь за страну, в которой я живу, и за будущее моих близких. Еще Бруно Ясенский призывал бояться равнодушных. Дай Бог, чтобы наш народ таким не стал.»

Мустафа Джемилев, еще один из долголетних соратников и друзей Петра Григоренко, решил дать шанс своим коллегам по парламенту не только отречься от стереотипов прошлого, но и продемонстрировать свое соответствие высокому статусу парламентария Украинского государства. Не удалось, поскольку значительная часть народных депутатов Украины отказали в признании заслуг одного из тех легендарных людей, кто отдал свою жизнь за независимость страны, в парламенте которой они восседают. Кто обвинит

меня, если я назову такое поведение ничтожным и, вслед за Петром Григоренко, повторю — «будущего у крыс нет».

«За встречу в Крыму, дорогие друзья!»

Слава Всевышнему, мир держится на людях совестливых и справедливых, благодарных и памятливых. Сегодня в Крыму и за его пределами живы сотни и сотни соратников Петра Григоренко. Благодаря их усилиям в Симферополе, вопреки противодействию властей (!), установлен бюст Петра Григоренко, его имя носят ряд улиц в поселках крымских татар и один из проспектов Киева. У меня нет сомнения, что юбилейные мероприятия в честь 100-летия со дня рождения Петра Григоровича Григоренко в Крыму будут проведены повсеместно. Гарантом этому выступит крымскотатарский народ во главе с Меджлисом. Возможно, к тому времени одумаются и те, кому еще Михаил Булгаков поставил точный диагноз — «разруха в головах».

Петро Григоренко ни на йоту не сомневался в том, что борьба крымскотатарского народа увенчается его возвращением на свою Родину.

«За встречу в Крыму!» — напутствовал он при прощаниях со своими соратниками-крымскими татарами. И сам он рвался на Родину до последнего мгновения.

Не случилось. Петро Григоренко покоится в далекой Америке. На его могилу часто приходят поклониться люди разных национальностей: крымские татары, украинцы, евреи. ... Поклониться Человеку, беззаветно любившему людей! Ибо, память — удел гордых и свободных людей!

Указ Президента Украины № 177/2007 «Об увековечении памяти Петра Григоренко»³⁴

С целью достойно почтить память выдающегося правозащитника, участника диссидентского движения, одного из учредителей Украинской Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, Петра Григоренко и в связи со 100-летием со дня рождения

ПОСТАНОВЛЯЮ

- Кабинету министров Украины разработать в месячный срок в содружестве с Национальной академией наук Украины, Украинским Хельсинкским Союзом прав человека и Всеукраинским обществом политических заключенных и репрессированных и утвердить план мер по оказанию почестей памяти Петра Григоренко, предусмотрев, в частности:
- проведение в течение сентября–октября 2007 года в городе Киеве, иных населенных пунктах, связанных с жизнью и общественно-политической деятельностью Петра Григоренко, мероприятий, посвященных его памяти;

³⁴ Перевод с украинского Андрея Григоренко.

- проведение в учебных заведениях, заведениях культуры, военных соединениях и частях тематических мер по популяризации его общественной и правозащитной деятельности;
- чеканку и введение в обращение в установленном порядке юбилейной монеты, посвященной 100-летию со дня рождения Петра Григоренко;
- выпуск в обращение почтовой марки и конверта, посвященных 100-летию дня рождения Петра Григоренко, и проведение спец-гашения почтовой марки;
- издание публицистических произведений Петра Григоренко.
- Кабинету министров Украины, Совету министров Автономной Республики Крым, областным, Киевской и Севастопольской городским государственным администрациям изучить вопрос о присвоении отдельным учебным заведениям и научным учреждениям имени Петра Григоренко, как и соответствующего наименования или переименования в установленном порядке улиц и площадей в населенных пунктах Украины.
- Государственному комитету телевидения Украины обеспечить широкое освещение в средствах массовой информации мер по оказанию почестей памяти Петра Григоренко, организовать тематические радио- и телепередачи, посвященные его жизни и деятельности.

Президент Украины Виктор ЮЩЕНКО,
5 марта 2007 года

Письмо Президенту Ющенко

Многоуважаемый Г-н Президент,³⁵

Разрешите высказать Вам искреннюю признательность за Ваш указ по поводу столетнего юбилея моего покойного отца генерала Петра Григоренко.

Как сыну, мне, несомненно, приятно знать, что Родина не забыла моего отца, но моя признательность идет несколько дальше, чем признательность сына.

Ваше решение почтить память одного из наиболее известных в мире украинских патриотов, придерживавшегося широких демократических принципов, особенно важно и современной Украине, и всем бывшим подсоветским народам. Покойный генерал был и остается символом толерантности, символом истинного патриота, который не только не забывает о боли своего народа, но столь же бескорыстно отзывается на боль других народов. Именно такой образ столь остро нужен сегодня не только украинскому народу, но и остальному миру, захлестываемому ядовитой волной религиозной и национальной нетерпимости.

Чествование дочерей и сынов Украины, мечтавших и делавших все, что было в их силах, чтобы родная страна стала свободным, независимым и демократическим членом мирового сообщества, необходимо и для поднятия международного престижа страны. Необходимо такое

³⁵ Письмо Президенту Ющенко в оригинале написано по-украински. Здесь публикуется в моём собственном переводе. *Прим. А. Г.*

чествование и нам — многомиллионной украинской диаспоре, распорошенной по всему миру, поскольку это не только придает нам гордости за землю наших предков, но и разрушает десятилетиями культивировавшийся советской пропагандой фальшивый образ украинца-погромщика и бандита.

Многоуважаемый Г-н Президент,

Мне хочется привести пару высказываний, представителей российской интеллигенции, подтверждающие, что Ваше решение о чествовании Петра Григоренко, нашло широкий отклик и далеко за пределами Украины.

Вот что пишет по этому поводу Елена Боннэр, вдова академика Андрея Сахарова:

«Приветствую решение правительства Украины об увековечивании памяти одного из благороднейших и мужественных представителей украинского народа генерала Григоренко. Только бережно сохраняя память о таких людях, каким был Петр Григорьевич, и напоминая о них представителям последующих поколений, возможно созидание реально демократического государства.» Другое же высказывание, пронизанное нескрываемой горечью о судьбе его собственной Родины, принадлежит одному из моих московских друзей. Вот, что он пишет:

«Дорогой Андрей!

Поздравляю тебя и всех нас с ющенковским указом. Жаль, конечно, что ничего подобного не будет в Москве, но чего ждать от чекистской власти?»

Мне хочется надеяться, что ни одному украинскому гражданину никогда не придется разделить горечь моего московского друга, что Украина не позволит более навязать себе ярмо колониализма и не задохнется в тисках шовинизма и тоталитаризма.

С глубоким уважением,

Андрей Григоренко

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из выступления Петра Григоренко на партийной конференции Ленинского района г. Москвы 7 сентября 1961 г.

<...>

Я считаю, что главные пути, по которым шло развитие культа личности, это, во-первых, то, что отменили партмаксимум, очень мало возвращали на производство людей, которые забюрократились, ослабили борьбу за чистоту рядов партии. Вы посмотрите, сколько пишут, что такой-то воровал, обманывал покупателей, а потом сообщается, что «на такого-то наложено партийное, административное взыскание». Да разве таких людей можно держать в партии?

Я считаю, что выступление т. Бирюзова в отношении лишения меня слова не относится к ленинским принципам, потому что этот способ зажима осужден. В партии запрещена фракционная борьба, но в уставе продекларировано, что член партии имеет право со всеми вопросами обратиться в любой орган. Я и выступаю на партийной конференции.

Мои конкретные предложения следующие. Усилить демократизацию выборов и широкую сменяемость, ответственность перед избирателями. Изжить все условия, порождающие нарушение ленинских принципов и норм, в частности, высокие оклады, несменяемость. Борьба за чистоту рядов партии.

Необходимо прямо записать в программу о борьбе с карьеризмом, беспринципностью в партии, взяточничеством, обворовыванием покупателей, обманом партии и государства в интересах получения личной выгоды, что несовместимо с пребыванием в партии. Если коммунист, находящийся на любом руководящем посту, культивирует бюрократизм, волокиту, угодничество, семейственность, и в любой форме зажимает критику, то он должен подвергаться суровому партийному взысканию и безусловно отстраняться от занимаемой должности, направляется на работу, связанную с физическим трудом в промышленности и сельском хозяйстве (Аплодисменты).

<...>

Речь П. Григоренко

**на банкете 17 марта 1968 г.,
устроенном представителями
крымскотатарского народа в Москве,
в ресторане «Алтай», по случаю 72-летия писателя
А. Е. Костерина**

(Приводится в сокращении)

<...>

Теперь позвольте мне коротко высказать наши с Костериним взгляды по актуальным проблемам вашего движения.

Скоро исполнится четверть века с тех пор, как ваш народ был выброшен из собственных жилищ, изгнан из земли своих предков и загнан в резервации, в такие условия, в которых гибель всей крымскотатарской нации казалась неизбежной. Но выносливый и трудолюбивый народ преодолел все и выжил назло своим недругам. Потеряв 46% своего состава, он начал постепенно набирать силы и вступать в борьбу за свои национальные и человеческие права. Эта борьба привела к некоторым успехам: снят режим ссыльнопоселенцев и произведена политическая реабилитация народа. Правда, последнее сделано с оговорками, значительно обесценивающими этот акт, и, главное, кулуарно. Широкие массы советского народа,

которые в свое время были широко информированы о том, что крымские татары продали Крым, так и не узнали, что эта продажа — вымысел чистой воды. Но хуже всего то, что указом о политической реабилитации одновременно, так сказать, походя, узаконена ликвидация крымскотатарской нации. Теперь нет, оказывается, крымских татар, а есть татары, ранее проживавшие в Крыму. Один этот факт может служить убедительнейшим доказательством того, что ваша борьба не только не достигла цели, но в известном смысле привела к движению назад. Репрессиям вы подвергались как крымские татары, а после «политической реабилитации» оказалось, что такой нации и на свете нет. Нация исчезла. А вот дискриминация осталась. Преступлений, за которые вас изгнали из Крыма, вы не совершали, а возвратиться в Крым вам нельзя.

На каком основании ваш народ ставят в столь неравноправное положение?! Статья 123 Конституции СССР гласит: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав... граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности... карается законом».

Таким образом, закон на вашей стороне. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Но, несмотря на это, права ваши попираются. Почему?!

Нам думается, что главная причина этого заключается в том, что вы недооцениваете своего врага. Вы думаете, что вам приходится общаться только с честными людьми. А это не так. То, что сделано с вашим народом, делал не один Сталин. И его соучастники не только живы, но и занимают ответственные посты. Они боятся, что если вам возвратят незаконно отнятое, то им придется со временем отвечать за свое участие в произволе. (Бурные аплодисменты.) Поэтому они принимают все меры, чтобы не допустить успеха в вашей борьбе. Ведь если сохранить все, как есть, то вроде бы в прошлом и не было никакого беззакония. А вы избрали тактику, которая по-

могает им добиваться этого, Вы обращаетесь к руководству партии и правительства со смиренными письменными просьбами, которые идут через руки тех, кто настроен против вашего национально-го равноправия. А так как просят лишь о том, на что безусловного права не имеется, то ваш вопрос преподносится тем, кто его решает, как вопрос сомнительный, спорный. Ваше дело обволакивается не имеющими к нему отношения суждениями. Например: «В Крыму нет свободных мест для поселения татар», «Если татары уедут, в Средней Азии некому будет работать», «Крымскотатарский народ обжился на новом месте. К тому же, он не представляет из себя самостоятельной нации, поэтому, кому из них хочется жить в татарской республике, пусть едет в Татарскую АССР», «На переселение надо много денег» и т. д.

Все перечисленные, как и множество других мотивов, выдвигаемых врагами вашего национального возрождения, яйца выеденного не стоят. Но так как вы просите, а против вашей просьбы выдвигаются «веские» возражения, то дело не двигается или двигается в обратном направлении. Чтобы покончить с этим ненормальным положением, вам надо твердо усвоить то, что положено по праву, не просят, а требуют! (Бурные аплодисменты, возгласы: «Правильно!», «Верно!», «Ура!»)

Начинайте требовать. И требуйте не части, не кусочка, а всего, что у вас было незаконно отнято — восстановления Крымской Автономной Советской Социалистической Республики! (Бурные аплодисменты, возгласы: «Да здравствует Крымская АССР!», «Ура!»)

Свои требования не ограничивайте писанием петиций. Подкрепляйте их всеми теми средствами, которые вам предоставляет Конституция — использованием свободы слова и печати, митингов, собраний, уличных шествий и демонстраций.

Для вас издается газета в Москве. Но делающие эту газету люди не поддерживают ваше движение. Отберите у них газету. Изберите

свою редакцию. А если вам помешают сделать это — бойкотируйте эту газету и создавайте другую свою! Движение не может нормально развиваться без собственной печати.

В своей борьбе не замыкайтесь в узко национальную скорлупу. Устанавливайте контакты со всеми прогрессивными людьми других наций Советского Союза, прежде всего, с нациями, среди которых вы живете, с русскими и украинцами, с нациями, которые подвергались и подвергаются таким же унижениям, как и ваш народ.

Не считайте свое дело только внутригосударственным. Обращайтесь за помощью к мировой прогрессивной общественности и к международным организациям. То, что с вами сделали в 1944 году, имеет вполне определенное название. Это чистойшей воды геноцид — «один из тягчайших видов преступления против человечества...» (БСЭ, т. 10, стр. 441).

Конвенция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г., отнесла к геноциду «...действия, совершенные с намерением уничтожить полностью или частично какую-нибудь национальную, этническую, расовую или религиозную группу...» различными методами и, в частности, путем умышленного создания «для них таких условий жизни, которые имели бы целью ее полное или частичное физическое уничтожение...» (там же). Такие действия, т. е. геноцид, «...с точки зрения международного права является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию» (там же).

Как видите, международное право тоже на вашей стороне. (Бурные аплодисменты.) И если бы вам не удалось решить вопрос внутри страны, вы вправе обратиться в Организацию Объединенных Наций и в Международный трибунал.

Перестаньте просить! Верните то, что принадлежит вам по праву, но незаконно у вас отнято! (Бурные аплодисменты, в едином

порыве все вскакивают со своих мест и скандируют: «КрымАССР!, КрымАССР!..»)

И запомните: в этой справедливой и благородной борьбе нельзя позволить противнику безнаказанно выхватывать бойцов, идущих в первых шеренгах вашего движения. В Средней Азии уже состоялся ряд процессов, на которых незаконно, по ложным мотивам, осуждены борцы за национальное равноправие крымских татар. Сейчас в Ташкенте готовится процесс такого же характера над Энвером Маметовым, Юрием и Сабри Османовыми и другими. Не допустите судебной расправы над ними. Потребуйте, чтобы в соответствии с законом суд был открытым. Добейтесь открытого суда, массой придите на него и не допускайте, чтобы зал заполнили специально подобранной публикой. В зале должны сидеть представители крымскотатарского народа.

<...>

Выступление П. Григоренко на похоронах А. Е. Костерина

в московском крематории 14 ноября 1968 года

Подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

*К. Рылеев
Ода «Гражданское мужество»*

Д а, далеко не каждый наделён таким качеством, как гражданское мужество. Алексею Евграфовичу, тело которого мы провожаем сегодня в последний земной путь, это качество было присуще органически.

На моих глазах совершались героические воинские подвиги. Совершали их многие. На смерть во имя победы над врагом на поле боя шли массы. Но даже многие из тех, кто были настоящими героями в бою, отступают, когда надо проявить мужество гражданское. Чтобы совершить подвиг гражданственности, надо очень любить людей, ненавидеть зло и беззаконие и верить, верить беззаветно в победу правого дела. Алексею все это было присуще. И тем тяжелее нам сегодня.

Дорогая Вера Ивановна, дорогие Лена и Алеша, дорогие Ирма и Вера, дорогие родственники покойного! Мы понимаем, как всем вам тяжело, особенно вам, Вера Ивановна, — его самому близкому человеку. Мы понимаем как тяжело его дочери Лене и воспитывавшемуся у вас внуку — наследнику имени и дела своего деда — Алексею Костерину. Понимаем и горе Ирмы, для которой в лице Алексея Евграфовича ушёл из жизни не просто брат ее расстрелянного отца, а человек, на которого она перенесла дочернюю любовь. Но поверьте, что наша скорбь, горе его друзей и соратников, тоже очень тяжелы. Наши ряды поредели, и утрату эту мы ничем восполнить не можем. В наших рядах мы, видимо, ещё долго будем ощущать большую брешь, а в сердцах — неутраченную боль. Вот почему, выражая вам самое сердечное соболезнование, я одновременно соболезную всем его друзьям, всему демократическому движению, особенно всем борцам за национальное равноправие малых наций. Они потеряли в лице Алексея Костерина горячего и непоколебимого, умного и душевного своего защитника. Я вижу здесь представительей многих наций. Их было бы куда больше, если бы люди вовремя узнали о его кончине. Но, к сожалению, наша печать не пожелала оповестить об этом, а телеграф позаботился, чтобы некоторые телеграммы шли не очень быстро. В Фергане, например, телеграмма получена только вчера вечером. Поэтому, выражая соболезнование всем вам, я одновременно не могу не выразить своего возмущения и презрения тем, кто всячески пытался помешать нам провести похороны достойно того, что заслужил этот человек.

Дорогие товарищи! И моя душа стонет от горя. И я плачу вместе с вами. Особенно соболезную я вам, представители многострального крымско-татарского народа. Многие из вашей нации знали Алексея Евграфовича при его жизни, дружили с ним. Он был всегда с вами и среди вас. Он и останется с вами. Думаю, что Нурфет, звонивший вчера из Ферганы, выразил общее мнение вашего

народа, когда заявил: «Мы не признаём его смерти. Он будет всегда жить среди нас». Вы знаете, что Алексей Евграфович питал чувства большой любви к вашему народу. Недаром он и прах свой завещал крымским татарам. И мы — Вера Ивановна и все его друзья — выполним этот завет и перевезем урну с его прахом в Крым, как только будет восстановлена крымско-татарская автономия на земле ваших предков. Верьте, Костерин будет продолжать бороться за это. Мы надеемся также, что среди советских писателей найдутся люди, способные подхватить костеринское знамя и повести борьбу за равноправие малых народов не только в США, Латинской Америке и Африке, но и у себя дома, в своей стране.

Я очень недолго знаю Алексея. Меньше трех лет. Но у меня прошла с ним рядом целая жизнь. Самый близкий мне человек еще при жизни Костерина сказал: «Тебя сотворил Костерин». И я не спорил. Да, сотворил — превратил бунтаря в борца. И я ему буду благодарен за это до конца дней своих. Я буду помнить каждый шаг, пройденный с ним рядом. Мы были неразлучны, даже когда находились территориально врозь. И я могу сказать, что знаю этого человека всю жизнь и одобряю каждый его шаг, каждую его мысль. И он дал мне право называться одним из самых близких его друзей.

Что же могу сказать я о нем, как самый близкий его друг? Что привлекало меня в нем с особой силой?

Прежде всего, — его человечность, его неиссякаемая любовь к людям и вера в них, вера в то, что человек создан для того, чтобы идти по земле с гордо поднятой головой, а не ползать — то ли перед властью денег, то ли перед «авторитетами», то ли перед властью имущими. Человек по Костерину — мыслящее существо. Поэтому ему от природы присуще стремиться к познанию, т. е. критически оценивать действительность, делать собственные выводы и свободно высказывать свои убеждения и взгляды. Он и сам был таким человеком — мыслителем с очень зорким взглядом на жизнь. За эту чер-

ту его жутко ненавидели те, кто считает, что люди существуют для того, чтобы создавать фон для «вождей», аплодировать им и кричать «ура!», слепо верить в них, молиться на них, безропотно сносить все их издевательства над собой и похрюкивать от удовольствия, если в корыто нальют поила побольше, чем в другие, и погуще.

Алексей отвечал таким существам в человеческом образе полной взаимностью. Людьми их он не считал и верил, что недалеко то время, когда человечество навсегда избавится от подобной мерзости. Он ненавидел не только их, но и созданные ими порядки. Он не устал повторять слова Ленина: «Нет ничего более жестокого и бездушного, чем чиновничье-бюрократическая машина». Поэтому он считал, что у коммуниста нет более важной задачи, чем разрушение этой машины. Но он не был экстремистом в принятом ныне значении слова — бунтарем-разрушителем. Он был уверен, что работа разрушения этой машины — не просто разовое силовое действие, что это — длительная работа, связанная с преодолением многовековых предрассудков и мистического преклонения перед государством, веры в то, что люди могут существовать только в условиях надсмотрщика над ними, в условиях подавления их мысли и воли извне навязанной силой. Иначе говоря, разрушение чиновничье-бюрократической машины это, прежде всего — революция в умах, в сознании людей, что немислимо в условиях тоталитаризма. Поэтому важнейшая задача сегодняшнего дня — развитие подлинной ленинской демократии, бескомпромиссная борьба против тоталитаризма, скрывающегося под маской так называемой «социалистической демократии». Этому он и отдавал все свои силы.

Сегодня на примере жизни, смерти и похорон Костерина мы воочию убеждаемся в правоте ленинской характеристики «нравственного лица» чиновничье-бюрократической машины. В условиях господства этой машины любой из тех, кто сидел на партийном собрании, разбиравшем «персональное дело Костерина», молча

слушал клевету на своего товарища по партии, зная, что тот стоит на краю могилы, и потом голосовал за его исключение, понимая, что это не только морально-психический удар по тяжело больному человеку, но и санкция на дальнейшую его травлю, может сказать — «Ну, что я мог поделаться один?» — и, освободив, таким образом, совесть, спать спокойно. До этих людей, воспитанных не в духе личной ответственности за все, что происходит в мире, а в бездушном подчинении «указаниям», так и не дойдет, что они участвовали в убийстве человека, т. к. не только травмировали больного, но хотели лишить его того главного, что делает человека человеком — права мыслить.

А те, кто организовали исключение из партии, а затем как воры, в глубокой тайне, пытались лишить Костерина писательского звания, а вернее, тех преимуществ, кои вытекают из права быть записанным писателем в бюрократических кондуитах, — они что скажут? Они получили «указания» и с видом всемогущим взялись за «разжалование», даже не понимая, что имя писателя приобретается не путем подачи заявления о приеме в ССП. Они забыли, а, может, и не знают, что ни Пушкин, ни Толстой в этой организации не состояли. Они настолько веруют в силу своих бюрократических установлений, что пытались лишить писательского звания даже такого величайшего поэта нашей страны, как Пастернак. Они не понимают и того, что Солженицын и без их Союза останется великим писателем, а его произведения переживут века, в то время как их бюрократическое творение без писателей, подобных Пастернаку и Солженицыну, — никому не нужная пустышка. Им и невдомек, что каждому действительному писателю приятнее разделить судьбу Пастернака и Костерина, чем заседать рядом с воронковыми и ильиными. Им еще многое непонятно — этим винтикам чиновничье-бюрократической машины «во писательстве». Ни у кого из них даже угрызений совести не появится. Как же! Они ведь «долг свой

выполнили» — крутили колеса не ими заведенной машины. А что погиб человек в результате этого — так при чем тут они?!

Никто не виновен. У всех совесть чиста. И у директора столовой, который накануне дня похорон принял наш заказ на поминки по усопшему, а за 2 часа до похорон, после того как его навестили двое с синенькими книжечками, категорически отказал и вернул полученный накануне задаток; и у коменданта крематория, который под руководством таинственной личности в цивильном сократил положенные нам полчаса (два оплаченных срока) до 18 минут; и у тех многочисленных типов в гражданском и чинов милиции, которые непрерывно маячили у нас на глазах, омрачая и без того тяжёлые минуты нашего горестного прощания, — у всех у них совесть спокойная. Все они выполняли «указания», хотя никто из них даже не знает толком, от кого они исходят. Только у одного человека — работника морга, который, тоже руководствуясь указаниями таинственной личности, выдал нам тело нашего друга не за час, как было условлено, а за 20 минут до отъезда из морга, — только у него, после того, как он прослушал выступления нескольких друзей писателя-большевика, шевельнулось, видимо, что-то человеческое, и он с просительно-извиняющимся выражением на лице сказал нам вслед: «Поймите, пожалуйста, что я же не по своей воле сделал это».

Вот какова эта машина, машина, вращаемая нашими руками и головами, беспощадно нас давящая, уничтожающая лучших людей нашего общества, делающая всех невинными, ответственными за совершаемые ей преступления, освобождающая своих слуг от совести. Страшная, жестокая, бездушная машина.

Именно против этой машины и боролся Костерин всю свою жизнь. Именно от нее он защищал людей. И люди шли к нему, становились с ним рядом, заслоняли его собой. В его кругу не возник ни национальный вопрос, ни проблема отцов и детей. Укра-

инцы, немцы, чехи, турки, чеченцы, крымские татары и многие другие национальности (всех и не перечислить) находили теплый прием в его доме; среди всех них, а особенно среди крымских татар, чеченцев и ингушей, у него было много близких друзей. То же и с возрастaми. Наряду с людьми его поколения, с ним дружили и люди среднего возраста, и молодежь — такие, как талантливый физик-теоретик, сведённый в могилу той же чиновничье-бюрократической машиной, 28-летний Валерий Павлинчук, как ныне отбывающий срок в лагерях строгого режима организатор демонстрации на площади Пушкина в защиту Галанскова, Гинзбурга и других — Володя Буковский, и многие еще более молодые, которых я, по понятным причинам, не назову.

В надгробной речи нельзя рассказать все о таком человеке, как покойный, особенно, когда горло сжимается горем и душит злоба против убийц этого замечательного человека — коммуниста, демократа-интернационалиста, негибаемого бойца за человеческое достоинство, за права человека, когда слуги убийц пытаются прервать тебя, не дать тебе высказать все что просится наружу из самой глубины сердца.

Прощаясь с покойником, обычно говорят: «Спи спокойно, дорогой товарищ!». Я этого не скажу. Во-первых, потому что он меня не слушает. Он все равно будет воевать. Во-вторых, мне без тебя, Алеша, никак нельзя Ты во мне сидишь. И оставайся там. Без тебя и мне не жить. Поэтому не спи, Алешка! Воюй, Алешка Костерин, костери всякую мерзопакость, которая хочет вечно крутить ту проклятую машину, с которой ты боролся всю жизнь! Мы, твои друзья, не отстанем от тебя.

Свобода будет! Демократия будет! Твой прах в Крыму будет!

В районную участковую избирательную комиссию

Членам участковой избирательной
комиссии Ленинского района
г. Москвы (ул. Тимура Фрунзе, дом № 11).
В редакции газет «Известия»
и «Московская правда»

Не желая доставлять излишние хлопоты агитаторам, сообщаю вам, что не приду к избирательной урне.

Причины:

1. У нас нет выборов. Есть голосование за того единственного кандидата, которого выставили те, кто стоит у власти сегодня. Придут ли люди или не придут, этот единственный кандидат будет «избран». Следовательно, выборы — это пустая комедия, нужная тем, кто стоит у власти для того, чтобы продемонстрировать перед заграницей, что весь народ поддерживает их. Я не желаю участвовать ни в каких комедиях. Поэтому пойду на голосование только тогда, когда мой голос будет что-нибудь значить.

2. Наши депутаты не обладают никакой реальной властью и даже правом голоса. Им позволяют высказываться только для того, чтобы одобрять политику и практическую деятельность хорошо спевшейся группы высших

правителей. За все время действия нынешней конституции не было случая, чтобы кто-нибудь из депутатов любого ранга выступил против произвола властей. А ведь были времена, когда истреблялись десятки миллионов ни в чем не повинных людей, в том числе подавляющее большинство «избранных» народом депутатов.

О бесправности депутатов свидетельствует и мой собственный опыт. В 1964 году я был арестован органами ГБ только за то, что выступил за восстановление ленинских принципов в партийной и государственной жизни. Судить меня не стали, по-видимому, боясь той правды, которую я мог высказать на суде. Поэтому меня без суда упрятали в тюремную психиатричку, уволили из армии и разжаловали из генералов в рядовые. Мои обращения в правительство и органы правосудия остались без ответа. Не ответил мне и ни один из депутатов. А обращался я ко всем депутатам Верховного Совета СССР, в том числе к тем, за кого я подавал свой голос.

Теперь судите сами, могу ли я участвовать в избирательной комедии, имеющей целью выразить доверие правительству, пытающемуся увековечить свою власть методами произвола?!

16 марта 1969 г. П. Г. Григоренко

Москва, Г-21, Комсомольский проспект,
14/1, кв. 96. Тел. 2-46-27-37

Петро Григоренко

За национальные права подсоветских народов³⁶

Выступая в первый день Слушаний, Валерий Чалидзе сказал, что особая угроза правам человека во всем мире со стороны Советского Союза проистекает из того, что правящая партия и правительство этой страны дают теоретическое обоснование малой значимости общих прав человека, превосходству над ними социально-экономических прав. Это приводит к тому, что попираются все общечеловеческие права, в том числе и социально-экономические.

Я должен добавить к этому, что Советский Союз взял на себя роль теоретика и в национальных вопросах. Мы знаем, что 20 век ознаменован ликвидацией колониальной системы, развалом колониальных империй, созданием многих новых национальных государств. Но одна из империй, возглавляемая коммунистической партией, решила избежать развала путём большого обмана своих народов, а с ними и всего мира. Эта империя присвоила себе громкоговорящее название — «Союз Советских Социалистических Республик» — и выдвинула теорию о незначительности национального вопроса при социализме.

³⁶ Печатается по изданию: Сучасність. — Декабрь 1979 г. — № 12. — стр. 43–48.
Перевод с украинского Андрея Григоренко.

Пропагандистский аппарат советской тоталитарной машины утверждает, что по мере исчезновения социальных противоречий будут исчезать и национальные различия — нации начнут сливаться и в конце концов сольются в одну. Доказательств этому никаких. Нельзя привести даже одного примера такого слияния. Напротив, мы каждый день видим примеры того, как упорно борются даже маленькие нации за сохранение своей национальной самостоятельности, как просыпаются для сознательной национальной жизни нации, давно считавшиеся мёртвыми. В этих условиях теория слияния наций при социализме есть только орудие сокрытия и оправдания геноцида. Коммунистическая пропаганда кричит, что слияние наций является прогрессивным явлением, что жизнь этого требует, что бытие человечества идёт к тому, и ради этого живописного будущего лютые преступления против наций, предназначенных на «слияние», нельзя считать чрезмерными.

Приведу пример, который привела в своих показаниях 27 сентября сотрудник представительства Украинской Хельсинкской Группы Заграницей крымская татарка Айше Сеитмуратова. Её народ, депортированный в 1944 году в пустыни и полупустыни Средней Азии, потерял почти половину своего состава. А те, кто выжил, были рассеяны по Уралу, Казахстану, Средней Азии и поставлены на грань физического вымирания, и, тем самым, к гибели народа как нации. Они лишены школ на родном языке, своей прессы, радио, телевидения, своего языка; уничтожены могилы, кладбища, памятники крымскотатарской культуры, и даже уничтожены все крымскотатарские географические названия и запрещено называть кого-то крымским татаринном.

И это не единственная нация. Всего во время Второй мировой войны было депортировано и предназначено на «слияние», то есть полную ликвидацию национального бытия, 14 малых наций. Но национальное сопротивление было таким, что пришлось отсту-

пить. Большинству из этих 14 наций было разрешено вернуться в свои края и восстановить родной язык и национальную культуру. Наказанными остались только крымские татары, советские немцы, месхи и высланные ещё до Второй мировой войны (1934 г.) корейцы. На этих несчастных людях советская власть решила доказать жизнеспособность теории «слияния наций». О том какие методы употребляют для достижения этой цели, прекрасно рассказала крымская татарка Айше Сеитмуратова и бывший советский немец Фридрих Руппель.

Кровь в жилах стынет, когда слушаешь о нечеловеческих издевательствах над людьми этих наций. Разве можно забыть рассказ Руппеля о его семье, в которой были арестованы 14 человек, а вышли из заключения, да и то полными инвалидами, лишь четверо. Десять ушли в тундровый перегонной. Или рассказ Айше Сеитмуратовой о том, как 42-летний крымский татарин, отец троих детей, Муса Мамут, чтобы защитить дом для своей семьи, съёл сам себя.

Но не помогают и такие зверства, это просто настоящий геноцид. Народы, о которых я говорю, живут и борются, стойко стоят против тоталитарной машины. Они ждут помощи от свободных стран, от Организации Объединённых Наций, но, к сожалению, помощь не идёт. Можно творить геноцид, и все будут молчать.

И советское правительство продолжает геноцид не только в отношении этих четырёх несчастных наций, но и по отношению ко всем другим народам СССР. Пытаются ликвидировать даже такую великую нацию как украинская. И для этого принимают соответствующие меры: «раскулачивания», массовые депортации на далёкий север и дальний восток, искусственный голод (1931–1933 годов), которым заморили более 6 миллионов украинских крестьян, искусственной миграцией, поощрением украинцев на выезд за пределы родины, а русских на въезд в Украину. В результате более 10 мил-

лионов украинцев живут за пределами родины, лишены родного языка, культуры. В то же время около 10 миллионов россиян осели в пределах Украины.

В Украине производится интенсивная русификация украинского населения. Фактически теперь государственным языком в Украине является русский. В государственных и партийных учреждениях говорят на русском, преподавание в высших научных заведениях ведётся на русском языке. Все больше начальных и средних школ переводят на русский язык обучения. Особенно угрожающим является создание смешанных школ, где часть учеников учится в украинском классе, остальные в российских классах. Однако всё общешкольное — управление школой и общественная жизнь — происходят на русском языке. Тем самым ученикам украинских классов прививается сознание, что их речь неполноценна, второстепенна, и тем самым у детей воспитывается чувство неполноценности всего украинского.

Попытки защищать национальную самобытность, развивать украинскую национальную культуру и национальное сознание преследуются государственным наказанием. Юрий Орлов — руководитель Московской Хельсинской группы — провёл исследование о лагерях и тюрьмах СССР и установил, что украинцы в политических лагерях составляют более 40%. Ещё около 30% приходится на прибалтийцев (латышей, литовцев, эстонцев). На все другие нации, в том числе и русских, приходится около 30%. При том наказания украинских политзаключенных и прибалтийцев очень жестокие. Западная пресса уже не раз писала о Данииле Шумуке, который уже 34 года находится в заключении. Сидел за украинский национализм в предвоенной Польше, за то же сидит в советских лагерях. Около 30 лет Юрий Шухевич заключён только за то, что его отец Роман Шухевич-Чупрынка был генералом Украинской повстанческой армии (УПА) и погиб в боях за свободу родины. Не смогли произде-

ваться над отцом, так мстят сыну. Взяли 15 летнего мальчика и мучают до старости.

Так мстят не только семьям генералов, но и семьям рядовых воинов УПА. Вот Константин Максимович Скрипчук, осуждён на 25 лет в 1953 году. В 1956 была амнистия для воинов УПА, но к Скрипчуку она не была применена («мало сидел»). В 1958 за то, что он присоединился к «Свидетелям Иеговы», добавили ещё 5 лет и на 12 лет посадили в лагерь особого режима. Но Скрипчуку можно предъявить хотя бы то, что он боролся с оружием в руках. А вот Левко Лукьяненко совсем мирный человек. Как юрист он объяснял своим землякам, что поскольку в конституции СССР провозглашено, что союзные республики имеют право на выход из состава Советского Союза, то каждый имеет право агитировать за такой выход, равно как и против. Для того, чтобы вести агитацию (никакой вооружённой борьбы — только агитация), он создал организацию. За это ему дали смертный приговор. Через два месяца, которые он провёл в камере смертников, смертную казнь заменили на 15 лет. За что? Только за то, что любит свой народ, свою культуру.

После меня будут свидетельствовать мои друзья — украинцы, армяне, литовцы, будут защищать мужественных борцов за национальное освобождение своих народов. Все, о ком они будут говорить, — не террористы, не разбойники, не преступники. Всех их наказывают только за то, что они считают, что как человек отличается от человека и имеет право на свою индивидуальность, так отличаются друг от друга коллективные сообщества людей — нации. Только в разнообразии, в многоцветности людей и наций Божья красота человечества и его будущее, а не в сером однообразии безнациональной массы. За красоту вселенной, за лучшее будущее человечества боролись мои друзья россияне Юрий Орлов и Сергей Ковалёв, глава Церкви адвентистов седьмого дня Владимир Шелков, Юрий Фёдоров, литовские правозащитники Викторас Пяткус

и Балис Гаяускас, члены Армянской Хельсинской группы Роберт Назарян, Эдвард и Шаген Арутюнян, а также мои друзья сотрудники Украинской Хельсинкской группы — которые сейчас в тяжёлом заключении и тяжело больные — Мыкола Руденко и Олексий Тихий, а также Мирослав Маринович, Мыкола Матусевич, Левко Лукьяненко, Василь Овсиенко, Олесь Бердник, уже седьмой месяц держит голодовку, Юрий Литвин, отец и сын (Петро и Василь) Сички, Иосиф Зисельс, Олексий Мурженко.

Людмила Алексеева, выступая в первый день Слушаний, рассказала о действительно большой работе, которую выполняет Московская Хельсинкская группа в защиту прав человека. Я с гордостью слушал тот рассказ, потому что в действиях Группы есть какая-то небольшая капля и моего труда как члена этой Группы, часть моей души, моего сердца. Мне нечего добавить к сказанному и не с чем спорить. Однако мне представляется, что есть потребность осветить дело с другой стороны. Во-первых, я хочу напомнить, что действовала не только Московская группа. Правда, эта группа, если успехи в действиях рассматривать с точки зрения количества и качества документов, сделала больше. К этому есть много причин — я не буду их перечислять, скажу только, что не последней причиной является то, что в Москве имеются дипломатические представительства, живут иностранные корреспонденты и Москва является центром международного туризма. Но работа взвешивается не только бумагой, но и живой кровью людей. И вот каков итог этой крови. Армянская группа сумела себя только заявить, — и за это заплатила всем своим составом. Трое осуждены и один принуждён к эмиграции. Но группа возрождается. Также, как и Армянская, полностью истреблены Литовская и Грузинская группы. Первая из них уже возродилась, а вторая, я надеюсь, возродится.

Весьма интересные сравнения возникают, когда мы рассматриваем Московскую и Украинскую группы. КГБ все группы уничто-

жало, добивалось прекращения их деятельности. С малыми группами (4–5 членов) это было не очень трудно. Группы, которые противопоставили сопротивление своему уничтожению, рекрутируя всё новых и новых членов, дают возможность наблюдать, какими методами борются в Москве и какими в союзных республиках.

Обе группы имели первоначальный состав по 11 членов — учредителей. За период своей деятельности Московская группа потеряла 13 членов, но двое из них уже вернулись из ссылки и работают в группе. Потери в Украинской группе примерно такие же — 12. Но что за потери? Применяя военную терминологию, можно сказать, что это безвозвратные потери. Только один член Украинской группы, Петро Винс, отбыв год лагеря, был выслан за границу. Всех остальных членов группы КГБ хватает так, чтобы не выпустить. Разве можно надеяться на будущее осуждённому на 12 лет тяжело раненому Мыколе Руденко или заключённому на полтора десятка лет больному циррозом печени Олексию Тихому? Осуждают так, чтобы уничтожить человека и утратить тех, кто вокруг, чтобы никто не встал на их места. В Московской группе из 13 наказанных только трое осуждены на длительные сроки, остальные потери состоят из следующего: трое — приговорены к ссылке, 5 принуждены к эмиграции, один лишён советского гражданства и один угрозами принуждён к выходу из членов группы.

То же самое и с устрашениями через бандитские нападения и террористические действия. КГБ везде остаётся КГБ — провокационной бандитской организацией и методы у них везде одинаковые. Но многое зависит от того, где и как им дают свободу. В Москве агенты КГБ бандитским нападением убили Костю Богатырёва. Но резонанс, вызванный этим случаем, остановил КГБ. Случай с Богатырёвым так и остался частным случаем. А в Украине убийство художницы Аллы Горской НЕ осталось единичным. За ней был убит художник Ростислав Палецкий. И убийц не нашли, как не на-

шли убийц Аллы Горской и Кости Богатырёва. Во время следствия замучили украинского писателя Гелия Снегирёва. Недавно (18 мая 1979) замучен композитор Володимир Ивасюк. Широко применяется хулиганское избиение активных правозащитников. Дважды был избит Петро Винс, недавно побит доктор Маленкович, когда он входил во двор своего приятеля на заранее условленную встречу.

Но ещё страшнее поступило КГБ в Армении. Трёх молодых честных людей, среди которых был один член Объединённой Армянской Национальной Партии (НОП), безосновательно обвинили в террористическом акте (взрыв в московском метро 8 января 1977) и без открытого суда расстреляли. Все эти бандитские действия КГБ, особенно последнее (армянское) носят откровенно колониальный характер.

Против этого социалистического колониализма нужно решительное международное противодействие. Надо поставить перед Организацией Объединённых Наций вопрос о геноциде крымских татар, месхов, корейцев, советских немцев и о деколонизации Советского Союза.

Надо разъяснять людям, что теория слияния наций при социализме является античеловеческой теорией, с помощью которой маскируется и оправдывается геноцид и новейший социалистический колониализм.

На следующих Сахаровских Слушаниях надо ясно и недвусмысленно поставить вопрос о советском колониализме и геноциде.

Выступление Петра Григоренко на пресс-конференции в Мадриде 11 ноября 1980³⁷

Уже более двух месяцев мы являемся свидетелями того, как Советская делегация ведет затяжную борьбу вокруг порядка совещаний в Мадриде, Сегодня судьба Мадридской конференции висит на волоске.

СССР вспоминает только те факты, которые полезны для него, ТАСС настаивает на том, что Хельсинкский акт подтвердил границы после войны, и эти границы незыблемы.

Советы полностью отказываются говорить о правах человека. Хельсинкский принцип о национальных правах, право каждой нации решать собственное социальное, экономическое, политическое и культурное развитие — СССР считает преступлением.

Поэтому сопротивление в нерусских национальных республиках СССР — в Украине, Литве, Латвии, Армении — жестоко преследуется. Советский режим, применяя

³⁷ Печатается по изданию: К нашему участию в «Правозащитном Мадриде» — Зарубежное представительство Украинской Хельсинской группы. — Декабрь 1980. Перевод с украинского Андрея Григоренко.

террор, старается уничтожить историческую память нерусских народов.

Сопrotивление в Украине — сопротивление великой нации — преследуется особенно жестоко. Украинская Хельсинкская группа потеряла почти всех своих членов. 28 членов сейчас находятся в заключении и в ссылке. Нескольких насильно выслали за пределы СССР. Советское правительство пытается физически уничтожить наиболее национально сознательную часть украинского народа.

Участников украинского движения сопротивления нелегально задерживают на улицах, физически избивают. Вследствие этого уже несколько человек убито. В 1970-х годах три художника-диссидента были убиты в Украине. Убили композитора Володимира Ивасюка, убили католического священника и его жену. Украинского писателя Гелия Снегирёва убили с помощью советской медицины. Украинский правозащитник Михаил МЕЛЬНИК покончил самоубийством после постоянных преследований. Муса МАМУТ, крымский татарин, покончил жизнь саможжением.

Я не буду говорить об ужасах прошлых лет, о миллионах украинских жертв ГУЛАГа. Сегодняшний террор меньших размеров, но направлен он на наиболее выдающихся представителей украинского народа.

Накануне Мадридской конференции украинский поэт Василь СТУС осуждён на 15 лет лишения свободы. Украинский журналист Вячеслав Чорновил был осуждён по фальшивому обвинению в изнасиловании. Юрий Бадзьо, учёный, получил 12 лет лагерей и ссылки за авторство книги о национальной дискриминации украинского народа.

У меня нет времени перечислить те сотни людей, которых советский режим заключает в тюрьмы и концентрационные лагеря. Там находятся такие люди, как Юрий Шухевич и Данило Шумук, прошедшие в тюрьмах и лагерях десятки лет. Там такие, как Мы-

кола РУДЕНКО — председатель Украинской Хельсинкской группы и Левко Лукьяненко — украинский адвокат, который сейчас отбывает второй срок заключения по 15 лет.

Совесь мира не может мириться с уничтожением этих людей. Поэтому Украинская Хельсинкская группа подготовила предложение для Мадридского совещания о праве граждан проверять выполнение Хельсинкского акта, она ставит требование освободить всех политических заключённых.

Украина не является частью России. Украина имеет свою национальную идентичность, свою историю и культуру. Украинский народ желает того же, что и другие народы, — право свободно решать свою национальную судьбу в самостоятельном украинском государстве.

Основные даты жизни Петра Григоренко

Петро Григоренко родился в Украине в 1907 году. Подроском он оказался свидетелем бесчинства Красных и Белых. Увлеченный идеалами интернационал-социализма (коммунизма), он становится членом коммунистической партии в 1927 году. С 1930 года он лояльный офицер Красной Армии, орденосец и ветеран Второй Мировой Войны, профессор, заведующий кафедрой военной кибернетики в военной академии им. М. В. Фрунзе.

В послевоенные годы он все больше и больше разочаровывается в советском режиме. Не в состоянии мириться с окружающей его несправедливостью он вступает на путь открытой оппозиции режиму. Такое было значительно больше того, что мог позволить тоталитарный режим. В 1964 году он был арестован, заключен в специальную психиатрическую больницу (СПБ) и разжалован в рядовые. После освобождения он становится одной из лидирующих фигур советского Движения за права человека наряду с другими известными диссидентами Буковским, Сахаровым, Есениным-Вольпиным, Чернолом, Джемилевым, Руденко, Плющом и другими.

В 1969 году его снова арестовывают, и он проводит в заключении еще шесть лет. Во время визита генерала, к сыну Андрею, ранее эмигрировавшему в США, его

лишили советского гражданства, тем самым превратив его в единственного генерала, когда-либо изгнанного из СССР.

В эмиграции он продолжал защиту прав человека. Он также написал уникальную книгу, позволяющую взглянуть на советскую жизнь с силой, честностью и страстью, которые живо напоминают лучшие романы. Книга под названием «В подполье можно встретить только крыс» была переведена на многие иностранные языки и имела большой успех в разных концах света.

Петро Григоренко умер в изгнании в 1987 году и похоронен на украинском православном кладбище св. Андрея в штате New Jersey, США. После развала СССР генерал был реабилитирован и восстановлен в звании генерала. В Украине Григоренко был посмертно награждён орденом «За Мужество» Первой степени.

В ознаменование 100-летнего юбилея со дня рождения генерала Григоренко в Украине были выпущены юбилейные почтовые конверты и почтовая марка, а также отчеканена юбилейная монета.

Главные вехи его гражданского служения

1961 — призыв к демократизации советской жизни, сделанный на партийной конференции.

1963–1964 распространение листовок с детальным описанием массовых расстрелов мирных демонстраций в Ново-Черкасске, Темир Тау и Тбилиси, критикой советских порядков и призывом к демократизации.

1965 — написал брошюру «Сокрытие исторической правды — преступление перед народом», получившую широкое распространение в Самиздате, с анализом первоначального периода советско-германского столкновения во время Второй Мировой Войны. В этой брошюре впервые был затронут вопрос о подготовке Сталиным неожиданного удара по Германии. Эта брошюра в последствии повлияла на Виктора Суворова начать историческое исследование о действительной роли СССР во Второй Мировой Войне.

1965–1977 — лидирующий советский правозащитник, горячий сторонник Пражской Весны, борец за права депортированных народов, в особенности крымских татар, вернуться на родные земли, за право этнических немцев и евреев на репатриацию, убежденный сторонник создания общественных негосударственных организаций

по защите прав человека, член-основатель Московской и Украинской Хельсинских групп, член-основатель Комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией.

1977 — лишен советского гражданства и получил политическое убежище в Соединенных Штатах, где и жил до конца своей жизни.

1977–1987 — глава Заграничного Представительства Украинской Хельсинской Группы. В этом качестве он продолжает защиту прав человека. В этот же период он успешно работает против клеветы на украинский народ и искажения его национальных устремлений, таким образом, разрушая советскую антиукраинскую пропаганду, которая также культивировалась в определенных западных кругах.

Несколько книг Петра Григоренко были опубликованы в разных странах. Он также автор большого количества статей, как по вопросам правозащиты, так и чисто военным, большинство которых было доступно только офицерам и генералам, но закрытой для широкой публики. Последняя военная книга, написанная уже в эмиграции, опубликована только на английском языке и по сей день изучается в военных институтах и академиях США. Его мемуары и сборники статей были переведены на многие языки и опубликованы в целом ряде стран.

В Советском Союзе Петро Григоренко жил под непрерывным надзором КГБ (советской тайной полиции) и был дважды в заключении. В общей сложности он провел в заключении семь с половиной лет.

Коротко об авторах³⁸

*Абдуль-Джамиль (Джемилев), Мустафа (Кырымгоглу); крымскотат. Mustafa Abdülcemil Cemilev (Qúgútođlı), укр. Мустафа Джемилев (Киримоголу), род. 13 ноября 1943, Бозкой, Крымская АССР, РСФСР, СССР) — правозащитник, деятель крымскотатарского национального движения, председатель Меджлиса крымскотатарского народа, депутат Верховной Рады Украины I, II, III, IV, V, VI и VII (текущего) созывов, писатель, в прошлом политзаключённый (провёл в тюрьмах и ссылке в общей сложности около 15 лет). Дважды выдвигался на соискание Нобелевской премии мира. Награды: «Премия Нансена»; Почетный доктор права сельджукского университета (1996, *Flag of Turkey.svg* Турция); Лауреат Международной премии им. Пилипа Орлика «За демократизацию украинского общества» (апрель 2001); Орден князя Ярослава Мудрого V в. (Август 2001), IV в. (Ноябрь 2003); Медаль «За особый весомый вклад в укрепление мира и межнационального согласия» (ноябрь 2003); Почетная грамота КМ Украины (декабрь 2003); Орден «За интеллектуальную отвагу» (2007); Премия «Свет справедливости» (9 июля, 2011). Мустафа Абдуль-Джамиль — член Международного Совета Фонда генерала Петра Григоренко.*

Алтунян, Генрих (1933–2005), военный инженер майор, общественный деятель (Харьков, УССР); правозащитник,

³⁸ Copyright © by Andrew P. Grigorenko.

автор и распространитель Самиздата: в том числе бюллетеня «Хроника текущих событий», член ИГ (1969); выступал в поддержку Пражской весны; подвергался преследованиям: обыски, увольнение из армии, исключение из КПСС (1968), политзаключенный (1969–1971, 288/1, Красноярский край, переведен на «химию», 1971–1972); вновь арестован (1980–1987, ВС-389/36, Чистопольская тюрьма), участник акций протеста политзаключенных, освобождён досрочно в рамках горбачевской кампании по освобождению политзаключенных. Народный депутат Верховной Рады Украины (1990–1994), один из основателей общества «Мемориал» (1989), сопредседатель отделения общества (Харьков), координатор Украина-Американского бюро по правам человека по Харьковской области. Мемуарист. Умер в Тель-Авиве, похоронен в Харькове. Генрих Алтунян — до конца своей жизни был членом Международного Совета Фонда генерала Петра Григоренко.

Памяти Генриха Алтуняна: <http://www.kirimtatar.com/Archive/alt.html>

Амальрик, Андрей (12 мая 1938, Москва — 12 ноября 1980, ок. г. Гвадалахара, Испания) — правозащитник, публицист, писатель, политзаключённый (1965–1968, 1970–1975), в 1976 году принуждён к эмиграции из СССР, автор книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?».

Баев, Гомер (род. в 1938) — активист крымскотатарского национального движения, инженер. Арестован в 1968 году, осужден в 1969 по статье ст. 190-1 УК РСФСР (ст. 187-1 УК УССР) на два года лишения свободы. В настоящее время живет в Акъмесджите (Симферополе).

Боннэр, Елена (15 февраля 1923, Мерв, Туркестанская АССР, СССР — 18 июня 2011, Бостон, Массачусетс, США) — советский

и российский общественный деятель, правозащитник, публицист. Вторая жена академика Андрея Сахарова. Последние годы жизни провела в США. В 1965 году вступила в КПСС. Переосмыслив после подавления «Пражской весны» 1968 года свою жизненную позицию, в 1972 году вышла из КПСС в связи с несоответствием своих убеждений политике партии. За свою правозащитную деятельность подвергалась преследованию. В 1984 году была осуждена Горьковским областным судом по ст. 190-1 УК РСФСР (клевета на советский общественный и государственный строй), наказание отбыла по месту высылки мужа в г. Горьком. Награды и премии: Орден Отечественной войны 2 степени; «Отличник здравоохранения СССР»; Награда «За свободу Прессы» (1993); Звание почётного доктора права ряда американских и европейских университетов; Лауреат премии Международного фонда им. Рауля Валленберга; Лауреат премии памяти профессора Торолфа Рафто (1991); Командорский Крест ордена Заслуг перед Республикой Польша по указу президента Польши Леха Качиньского «за выдающиеся достижения в области защиты прав человека и продвижения гражданских свобод» (2009). Похоронена в Москве рядом с мужем.

Буковский, Владимир (30 декабря 1942, Белебей, Башкирская АССР, СССР) — правозащитник, писатель, политический и общественный деятель, учёный-нейрофизиолог. Один из основателей Правозащитного движения в СССР. В 1960 году он вместе с Юрием Галансковым, Эдуардом Кузнецовым и др. становится одним из организаторов регулярных собраний молодёжи у памятника поэту Маяковскому в центре Москвы (т. н. «Маяковка»). В начале декабря 1965 года он принял активное участие в подготовке «митинга гласности» в защиту Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Этот митинг, 5 декабря 1965 года, стал «днём рождения» советского Движения за Права Человека. За свою правозащитную деятельность

Буковский подвергся репрессиям. В общей сложности в тюрьмах и на принудительном лечении провёл 12 лет. В 1976 году советские власти обменяли Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, после чего Буковский переехал в Великобританию. В 2007 году выдвигался кандидатом в президенты России на выборах 2008 года, но его кандидатура не была зарегистрирована ЦИК. В 2008 году принимал участие в организации Объединённого демократического движения «Солидарность», в 2009 году вошёл в состав руководящего органа движения — Бюро федерального политсовета «Солидарности». Буковский является почётным вице-президентом Ассоциации свободы — британского консервативно-либертарианского аналитического центра и, по утверждению Би-би-си, Буковский является одним из идеологов Партии независимости Соединённого Королевства (UKIP, Великобритания). Оказавшаяся на втором месте по итогам выборов в Европарламент в Великобритании, UKIP добивается выхода страны из Европейского союза. Владимир Буковский — член Международного Совета Фонда генерала Петра Григоренко.

Войнович, Владимир (26 сентября 1932, Сталинабад Таджикской ССР) — русский писатель. В конце 1960-х годов Войнович принимал активное участие в движении за права человека. За свою правозащитную деятельность и сатирическое изображение советской действительности писатель подвергался преследованию — за ним установил слежку КГБ, в 1974 году был исключён из Союза писателей СССР. Был принят в члены ПЕН-клуба во Франции. Войнович — автор «Чонкина». В декабре 1980 года Войнович был выслан из СССР, а в 1981 году указом Президиума Верховного совета СССР лишён советского гражданства. В 1980—1992 годах жил в ФРГ и США. Сотрудничал с радиостанцией «Свобода». В 1990 году Войновичу было возвращено советское гражданство, и он вернулся в СССР. После

распада Советского Союза прислал на конкурс свой вариант текста нового гимна России с весьма ироничным содержанием.

Войнович также много занимается живописью — первая персональная выставка открылась 5 ноября 1996 года в московской галерее «Асти». Живёт в своём доме под Москвой. Член русского ПЕН-клуба.

Галич, Александр (настоящая фамилия Гинзбург; 19 октября 1918, Екатеринослав — 15 декабря 1977, Париж) — российский и советский поэт, сценарист, драматург, автор и исполнитель собственных песен. С конца 1950-х гг. Галич начинает сочинять песни, исполняя их под собственный аккомпанемент на семиструнной гитаре. Со временем его песни становились всё более глубокими и политически острыми, что привело к конфликту с властью. Галичу было запрещено давать публичные концерты. Его не печатали и не позволяли выпустить пластинку. Он выступал со своими песнями по квартирам, на так называемых домашних концертах; его песни распространяли и передавали друг другу в магнитофонных записях, благодаря которым он становился всё более популярен и которые изымались при обысках. В 1969 г. в издательстве «Посев» вышла книга его песен. Именно это послужило причиной его исключения из Союза писателей (1971) и Союза кинематографистов и Литфонда (1972). Галич был член-корреспондентом Комитета прав человека в СССР (1970—1973), участвовал в правозащитных петиционных компаниях. В 1974 году Галич эмигрировал. А. Галич и его жена похоронены на православном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

Гершович, Владимир — (1935, Владикавказ) — правозащитник, математик, педагог, публицист. Отец Владимира, инженер связи, репрессирован в 1937 году, погиб в 1943. Мать — врач-педиатр.

В 1953 г. поступил на физмат МГПИ (Московский Государственный пединститут). Тогда же вышел из комсомола, за что был взят на психиатрический учёт. В 1954–1955 годах был насильственно госпитализирован в больницу Ганнушкина в отделение Снежневского (академика) — «лечение» инсулиновым шоком. Одновременно был исключен из института, однако на волне хрущёвской «весны» и 20-го съезда был восстановлен. Летом 1957 г. на время Всемирного фестиваля в Москве был помещён в психбольницу им. Кащенко. Каким-то чудом в 1958 году получил диплом учителя математики (при вручении диплома проректор процедил: «Проскользнул»). Несмотря на право свободного распределения, уехал учительствовать в Мордовию, в Zubовополянский район (место расположения политических концлагерей). Преподавал литературу, астрономию и математику. После возвращения в Москву работал в школах. В 1961–1963 годах работал на кафедре высшей математики МИЭМа (Московский институт электронного машиностроения). Однако после обнаружения фактов прошлой биографии (выход из комсомола) был уволен. После доноса, что он присутствовал у суда над демонстрантами на Красной площади против оккупации Чехословакии 25 августа 1968 года, был уволен как не соответствующий занимаемой должности. Далее вплоть до выезда в Израиль 30 октября 1972 года перебивался случайными заработками. В Израиле работал в Иерусалимском университете, приуниверситетской гимназии, и Академии искусств Бецалель. Преподавал математику, композицию и историю науки. В настоящее время на пенсии. С 1972 года проводил собрания по правозащитной и исторической тематике, на русском языке, и на иврите. Его ученики поступают в самые престижные университеты мира, выигрывают олимпиады, одна из его учениц после окончания МТИ — Массачусетского Технологического института сегодня работает в НАСА, а один из самых талантливых совсем недавно получил престиж-

нейшую премию по математике — Медаль Филдса, приравняемую по значимости к Нобелевской. Владимир Гершович — член Международного Совета Фонда генерала Петра Григоренко.

Горбаль, Мыкола — (10 сентября 1940), Воливець Горлицкого уезда Краковского воеводства, Польша, на территории, оккупированной нацистской Германией, в 1945 семья была депортирована из ПНР в УССР — украинский поэт, педагог, участник правозащитного движения, политик, общественный деятель. За свою гуманистическую деятельность трижды арестовывался советскими властями (1970 год — 5 лет лишения свободы и 2 года ссылки, 1979 год — 5 лет лишения свободы, 1984 год — 8 лет лишения свободы и 3 года ссылки). 12 августа 1988 вышел указ Президиума ВС СССР о помиловании Горбала и 23 августа 1988 он был доставлен самолетом в КГБ УССР и освобождён из под стражи.

Общественно-политическая деятельность: с сентября 1988 — секретарь Исполкома Украинской Хельсинкской Союза; 1990–1994 — председатель Киевской организации Украинской Республиканской партии (УРП); 1990–1994 — депутат Киевского горсовета; 4 марта 1994 избран народным депутатом Украины, работал в Комитете культуры и духовности, председателем депутатской группы УРП, входил во фракции «Государственность», «Конституционный центр», «Народный Рух Украины»; член-основатель Республиканской Христианской партии (РХП), на Учредительном съезде партии 1 мая 1997 избран первым заместителем председателя; с 30 мая 1998 — член Центрального Провода РХП. Мыкола Горбаль — член Международного ПЕН-клуба с 1986 г. С целью поддержки нетрадиционного искусства и помощи непрофессиональным художникам инвалидам и популяризации их искусства создал в 1999 году Благотворительный фонд «Галерея Богдана» (в честь покойного брата Богдана Горбала). Награждён орденом Свободы

(18 ноября 2009), орденом «За мужество» I степени (8 ноября 2006); орден «За заслуги» III степени (26 ноября 2005). М. Горбаль — лауреат Премии имени Василия Стуса, 1992. Мыкола Горбаль — член Международного Совета Фонда генерала Петра Григоренко.

Григоренко (Егорова), Зинаида (1909–1994), пенсионерка (Москва), участник правозащитного движения, жена П. Г. Григоренко, мать А. П. Григоренко; узница сталинских тюрем (1937–1938, Бутырская тюрьма), ветеран ВМВ; подписывала письма в защиту политзаключенных; выступала в защиту мужа, сразу же после ареста Петра Григоренко выступила с инициативой создания Комитета по защите Прав Человека. Идея горячо обсуждалась в квартире Григоренко при этом чаша весов явно склонялась к принятию инициативы З. Г. Виктор Красин выступал горячим противником инициативы, что привело к компромиссному решению отложить обсуждение на следующий день. Назначенное обсуждение не состоялось, так как вечером того же дня Красин и Якир объявили на весь мир об образовании Инициативной Группы защиты Прав Человека (ИГ), тем самым торпедировав и утопив идею создания Комитета. Зинаида Григоренко подверглась преследованиям: исключена из партии, допросы, «беседы» (1969, 1972, 1974). В связи с лишением Петра Григоренко советского гражданства была вынуждена остаться в США (1977). Умерла в Нью-Йорке. Похоронена рядом с мужем и сыном Олегом на украинском православном кладбище св. Андрея Первозванного в Баунд-Брук, штат Нью-Джерси. Гвардии старший сержант Зинаида Григоренко награждена боевыми медалями.

Григоренко, Андрей (6 сентября 1945 года, Москва) — правозащитник, общественный деятель, инженер, специалист по инновационным технологиям, муниципальный служащий, изда-

тель, предприниматель, сын П. Г. и З. М. Григоренко. В возрасте пятнадцати лет вступил в коммунистический союз молодёжи (комсомол). Но, быть по настоящему верующим коммунистом после разоблачений преступлений Сталина было несколько затруднительно. Поэтому не случайно, что в то же самое время он присоединяется к полуофициальному дискуссионному клубу, посещает вольные собрания на площади Маяковского («Маяк»). В начале шестидесятых годов с несколькими друзьями, организовал подпольную неомарксистскую группу. Три члена этой группы позже присоединились к Союзу Борьбы За Возрождение Ленинизма (СБЗВЛ) во главе с отцом Андрея генерал-майором Петром Григоренко. СБЗВЛ распространял листовки антиправительственного содержания. В феврале-марте 1964 года все члены этой группы были арестованы. Признание руководителя СБЗВЛ сумасшедшим привело к освобождению остальных членов СБЗВЛ. Однако все они были подвергнуты административным репрессиям: изгнание из армии, университетов и занесение в чёрные списки. Андрей был изгнан из Московского Энергетического Института (Технический Университет) и из комсомола. Занесение в чёрные списки не позволяли Андрею почти год найти постоянную работу в то время, когда его родители и брат-инвалид зависели от его доходов. Только в 1965 году он смог приземлиться на постоянную работу в качестве техника и продолжить своё образование на вечернем отделении МИСИ (Московский государственный строительный университет — МГСУ). 1965 принёс освобождение отца Андрея из тюрьмы. В том же году печально известный суд над Синявским и Даниэлем дал толчок к рождению Движения за Права Человека в СССР. Демонстрация 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади в Москве под лозунгом «Уважайте вашу Конституцию!» стала днём рождения Движения за Права Человека в СССР. «Отцом» лозунга был Александр Есенин-Вольпин. Петро и Андрей Григоренко

приняли участие в этой демонстрации, как и во всех последующих демонстрациях. Позже демонстрации происходили 10 декабря в Международный День Прав Человека. Андрей, как и его отец, проявил особый интерес к бедственному положению этнических и религиозных меньшинств, евреев, поволжских немцев, месхетинцев, чеченцев, корейцев, крымских татар и других. Он был несколько раз арестован за участие в демонстрациях некоторых из этих меньшинств, особенно евреев и крымских татар. С середины шестидесятых годов Андрей также играл роль курьера между русскими и украинскими правозащитниками. В августе 1968 года Андрей приехал в Крым, чтобы быть свидетелем первой попытки массового переселения крымских татар на свою историческую родину, из которой они были депортированы 18 мая 1944 года. Он обобщил свой опыт в документе, который имел хождение в «самиздате». В том же году за подписание протеста против советского вторжения в Чехословакию Андрей потерял работу. Это не помешало ему подписать многие другие документы в защиту прав человека и этнических и религиозных меньшинств. Его подпись можно найти во многих документах, распространённых в «самиздате» с 1965 по 1975, включая основополагающую декларацию о создании Инициативной Группы по защите прав человека в СССР (ИГ). После второго ареста отца и двух противоречивых психиатрических экспертиз он передал документы, полученные от адвоката Софьи Калистратовой, его киевскому другу доктору Глузману. Третья психиатрическая экспертиза, проведённая доктором Глузманом, во многом основывалась на анализе этих документов.

В годы, когда Татьяна Великанова взяла на себя основные организаторские функции в подготовке «Хроники текущих событий», подготовка и редактирование бюллетеня зачастую осуществлялось на квартире младшей сестры Татьяны, Марии Велика-

нивой-Григоренко, а Андрей Григоренко выполнял роль секретаря Татьяны.

В начале семидесятых годов прошлого века Андрей оказался под интенсивным давлением КГБ, принудившим его эмигрировать. Летом 1975 Андрей, и его жена Мария, уехали из Советского Союза навсегда. Сегодня Андрей считает, что его вынужденная эмиграция была частью заговора с целью изгнания из СССР его отца — известного лидера Движения за Права Человека — генерала Петра Григоренко.

В 1975–1977 годах Андрей жил в Мюнхене и работал в качестве внештатного журналиста. Его статьи были опубликованы в целом ряде американских и европейских газет и журналов. Он также написал серию скриптов для Радио «Свобода» и немецкого и австрийского телевидения. В 1975 году Григоренко был свидетелем на первом слушании А. Д. Сахарова в Копенгагене. С 1977 года Андрей, его жена Мария и их две дочери, родившиеся в Америке, живут в Соединённых Штатах, где Андрей работал инженером-электриком, специалистом по информационным технологиям, муниципальным работником. В США Андрей продолжает свою правозащитную деятельность. Он является одним из основателей фонда «Крым», основателем и президентом, Фонда генерала Петра Григоренко, издателем и главным редактором издательства «Детинец», автором книги «Когда мы вернёмся...» о положении крымских татар, редактором и составителем сборников по правозащитной тематике. Андрей дебютировал в качестве журналиста в самиздате в середине шестидесятых годов. После эмиграции он периодически пишет для западных, а также русских и украинских эмигрантских публикаций. Его статьи появлялись в Новом Русском Слове, Континенте, Сучастности, Свободе, Украинском Самостийнике, Ukrainian Weekly, Süddeutsche Zeitung, Muenchener Merkur, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Times, Los Angeles Times, International Herald Tribune,

День, Авет и многих других. После развала СССР он также публикуется в посткоммунистических странах. Григоренко пишет на трёх языках: английском, русском и украинском.

Гримм, Юрий (1935–2011). Родился в Москве, участник правозащитного движения, общественный деятель, писатель, машинист башенного крана, фотограф. По окончании школы и службы в армии работал машинистом башенного крана. Тогда же, в начале 1960-х гг., вместе со своим другом Борисом Хасяновым занялся распространением листовок с критикой режима Хрущева и освещением событий 1962 г. в Новочеркасске, где власти применили оружие против мирной рабочей демонстрации. В 1964 г. был арестован и осужден на 3 года лагерей. После освобождения включается в правозащитное движение, входит в состав редколлегии самиздатовского сборника «Вокруг проекта Конституции» и журнала «Поиски». В 1980 г. новый арест и 3 года лагерей строгого режима, по выходе из которых устроиться на работу мог только чернорабочим. В последние годы жизни работал над мемуарной книгой «От «Серпов» до «Аяса», отрывок из которой включен в настоящий сборник.

Памяти Юрия Гримма: <http://www.hro.org/node/11578>

Джемилев, Решат — (1 мая 1931 — 22 марта 2002) деревня Улу-Узен Алуштинского р-на Крымской АССР, инженер-строитель, правозащитник, общественный деятель; депортирован в 1944 в Узбекистан. В 1952 поступил на учебу в Самаркандский гидромелиоративный техникум, по окончании которого работал мастером в Бекабадском строительном управлении-10. В 1956–1957 Джемилев принимал участие в сборе подписей под народным обращением в ЦК КПСС. В июне 1966 был направлен в Москву в качестве народного представителя. Был участником встречи

в Кремле 21 июля 1967 с представителями высшего руководства страны по поводу решения крымскотатарской проблемы. Стал одним из организаторов митинга 27 августа в Ташкенте, разогнанного властями. На 2 сентября 1967 намечалось провести акцию протеста, но пытавшихся пройти к зданию ЦК компартии Узбекистана задерживали по дороге (таким образом схватили около 130 крымских татар, в том числе и Джемилева). Процесс над 12 активистами крымскотатарского движения, пытавшимися организовать акцию протеста, состоялся в Ташкентском городском суде в декабре 1967. Джемилев был приговорен к 1 году исправительных работ. Весной 1968 предпринял неудачную попытку переселиться в Крым. Познакомился и сблизился с московскими правозащитниками Петром Григоренко, Павлом Литвиновым, Петром Якиром. По просьбе Григоренко 25 августа 1968 наблюдал в Москве на Красной площади за ходом «демонстрации семерых», в декабре 1968 подписал обращение к депутатам Верховного Совета СССР и РСФСР в защиту осужденных демонстрантов. В 1969 с семьей переехал в Краснодарский край. 6 июня 1969 г. участвовал в демонстрации на площади Маяковского в Москве, был задержан и выслан по месту жительства. 15 июня 1969 подвергся административному аресту на 15 суток, после освобождения скрывался с семьей в Дагестане. В мае 1970 вернулся в Узбекистан, работал строителем в посёлке Аккурган под Ташкентом. В феврале 1971 его дом был разрушен по указанию местных властей. 12 июля 1972 у Р. Джемилева был произведен очередной обыск, в ходе которого были изъяты документы движения. В октябре 1972 он был арестован, приговорен Ташкентским областным судом к 3 годам лишения свободы. Срок отбывал в лагере в Красноярском крае. 11 октября 1975 освобожден. Сразу же после освобождения вылетел в Москву организовать кампанию в поддержку Мустафы Джемилева, над которым готовился очередной

судебный процесс. Вместе с П. Григоренко провел несколько пресс-конференций для западных журналистов. Подписал вместе с Андреем Сахаровым, П. Григоренко и др. письмо в ООН с просьбой провести гласное расследование дела Мустафы Джемилева, собирал подписи в его защиту в Крыму, в Херсонской области, в Краснодарском крае. В 1978–1979 неоднократно выступал с открытыми письмами с призывом помочь спасти М. Джемилева и в июле 1978 с рассказом о самосожжении Мусы Мамута. 4 апреля 1979, после очередного обыска, арестован в четвертый раз. В декабре 1979 Ташкентский городской суд приговорил его к 3 годам лишения свободы. Срок отбывал в Норильске, неоднократно водворялся в штрафной изолятор. Освобожден 3 апреля 1982. В восьмидесятих годах вёл активную работу по организации компании с требованием освобождения Мустафы Джемилева. До 1987 участвовал в организации Всесоюзных встреч членов инициативных групп в Ташкенте, подготовке документов движения; вошел в состав крымскотатарской делегации, побывавшей на приеме в Кремле (1987). В 1989 впервые выехал за границу, выступал на Всемирной конференции по проблемам мусульманства, проходившей в Нью-Йорке. Вернулся в Крым в начале 1990-х. Стал одним из организаторов Меджлиса крымскотатарского народа, но в дальнейшем разошелся с новым руководством Меджлиса и стал активным критиком его действий. Похоронен на Добровском кладбище в Акъмесджите (Симферополе).

Ельцын, Борис — (1 февраля 1931, Бутка, Буткинский район, Уральская область — 23 апреля 2007, Москва) — советский партийный и российский политический и государственный деятель, первый президент Российской Федерации. Избирался президентом два раза — 12 июня 1991 года и 3 июля 1996 года, занимал эту должность с 10 июля 1991 года по 31 декабря 1999 года. Вошёл

в историю как первый всенародно избранный глава России, один из организаторов сопротивления действиям ГКЧП, радикальный реформатор общественно-политического и экономического устройства России.

Есенин-Вольпин, Александр — (12 мая 1924, Ленинград, СССР) — математик, философ, поэт, один из лидеров правозащитного движения в СССР, пионер правового просвещения в диссидентских кругах советского общества, организатор «Митинга гласности», состоявшегося в Москве 5 декабря 1965 года (этот митинг стал «днём рождения» Правозащитного Движения в СССР), в 1970–1972 годах являлся экспертом Комитета прав человека в СССР, советский политзаключённый (общий срок пребывания в тюрьмах, ссылке и «психушках» — 14 лет). Есенин-Вольпин является автором ряда фундаментальных работ в области математической логики, а также автором ряда работ, посвящённых теоретическим аспектам проблемы законодательного обеспечения прав человека в СССР и правоприменительной практике в этой области. Одним из первых в 1960-х годах в СССР начал пропагандировать правовой подход во взаимоотношениях государства и граждан, и отстаивать идею о том, что проблема не в плохих законах, а проблема заключается в отказе со стороны государства следовать этим законам, что требование к государству соблюдать свои собственные законы, в конечном итоге приведет к тому, что граждане не будут находиться в положении бесправия, и что ситуация с соблюдением прав человека изменится, если граждане будут активно добиваться от государства соблюдения законов. В мае 1972 года под давлением советских властей эмигрировал в США, где работал в университете Буффало, затем — в Бостонском университете. Автор теоремы в области диадических пространств, получившей его имя (теорема Есенина-Вольпина). Живёт в Бостоне.

Каллистратова, София (6 (19) сентября 1907, Рыльск, Курская губерния — 5 декабря 1989, Москва) — советский адвокат, член Московской Хельсинкской группы, известна своими правозащитными документами и выступлениями на политических процессах над советскими диссидентами. В 1997 году была награждена посмертно золотой медалью Гильдии российских адвокатов. В том же году издательство «Звенья» выпустило книгу «Заступница» о жизни и деятельности Каллистратовой.

Ким, Юлий — (23 декабря 1936, Москва) — российский поэт, композитор, драматург, сценарист, бард. В 1938 году после ареста родителей покинул столицу на 16 лет, которые провел в Калужской области и Туркмении. С 1954 года — опять москвич. Окончил историко-филологический факультет Московского государственного педагогического института (1959), работал пять лет по распределению на Камчатке, затем несколько лет в Москве, преподавал историю и обществоведение; в 1965–1968 годах Юлий Ким один из активистов правозащитного движения; в 1966 году он женился на Ирине Якир (1948–1999) — внучке репрессированного командарма Ионы Якира. Отец Ирины, Пётр Якир, известный правозащитник, был арестован в 14 лет и вышел на свободу только в 32 года. В 1968 году Ким расстался со школой навеки по воле начальства, не простившего ему участия в правозащитном движении. С тех пор — свободный художник. Ещё будучи студентом пединститута Юлий Ким начал писать песни на свои стихи (с 1956 г.) и исполнять их, аккомпанируя себе на семиструнной гитаре с особым «цыганским» строем. Его первые концерты прокатились по Москве в начале 1960-х годов, молодой автор быстро вошёл в круг самых популярных бардов России. С 1968 года Юлий стал профессионально заниматься сочинением песен и пьес для театра и кино. Будучи участником правозащитного движения, долгое время появлялся в титрах ки-

нофильмов и афишах спектаклей под псевдонимом «Ю. Михайлов», поскольку фамилия «Ким» звучала для начальства по-диссидентски крамольно. Большинство песен Юлия Кима написано на собственную музыку, многое написано также в соавторстве с такими композиторами, как Геннадий Гладков, Владимир Дашкевич, Алексей Рыбников. В 1974 году Юлий Ким вступает в Московский профком драматургов и начинает работу над собственными пьесами. В 1985 году он исполнил главную роль в спектакле по своей пьесе «Ной и его сыновья». В том же году отказался от использования псевдонима и начал публиковаться под собственным именем. Тогда же вышел первый диск с его песнями — «Рыба-кит». К настоящему времени дискография Юлия Кима насчитывает более 20 наименований дисков, аудио- и видеокассет с записями песен. Песни Юлия Кима вошли во все антологии авторской песни, а также во многие поэтические антологии современной русской поэзии, в числе которых «Строфы века» (составитель Е. Евтушенко, 1994).

Юлий Ким — член Союза кинематографистов СССР (1987), Союза писателей (1991), Пен-клуба (1997). Автор около пятисот песен (многие из них звучат в кинофильмах и спектаклях), трех десятков пьес и десятка книг. Лауреат премии «Золотой Остап» (1998). Лауреат российской Государственной премии им. Булата Окуджавы (2000). С 1998 года живет в Иерусалиме и в Москве поочередно. Член редколлегии «Иерусалимского журнала». Участвовал в записи «Иерусалимского альбома» — первого диска из серии «Авторская песня в Израиле». В Израиле Юлий Ким два раза в год проводит презентации «Иерусалимского журнала», вместе с поэтом и редактором «Иерусалимского журнала» Игорем Бяльским и Игорем Губерманом, ведёт презентации журнала и в Москве. В Израиле сочиняет песни в соавторстве с композитором и бардом Мариной Меламед. В 2002–2006 году Юлий Ким совместно с Игорем Бяльским написал пьесу в стихах о строительстве второго Храма.

Ковалев, Сергей (1930, Середина-Буда, Сумской обл.), один из лидеров правозащитного движения в СССР, российский политический и общественный деятель. В 1954 г. окончил биологический факультет МГУ, а в 1964 году защитил кандидатскую диссертацию. 1964–1969 гг. — работа в МГУ, в лаборатории математических методов в биологии. В правозащитном движении с 1966 г. В 1969 г. входит в состав Инициативной группы защиты прав человека в СССР, а в 1971–1974 гг. принимает участие в издании «Хроники текущих событий». В декабре 1974 г. Ковалева арестовывают по обвинению в «антисоветской пропаганде и агитации» и приговаривают к 7 годам лагерей строгого режима. С началом перестройки в 1987 г. получает возможность вернуться в Москву, участвует в создании правозащитного общества Мемориал, а с конца 1989 г. включается в активную политическую деятельность. На первых же свободных выборах 1990 г. Ковалев избирается от одного из московских округов народным депутатом РСФСР. В 1990–1993 гг. он член Верховного Совета РСФСР, председатель парламентского Комитета по правам человека, один из авторов Декларации прав человека и гражданина, принятой в январе 1991 г. В 1993–2003 гг. депутат Государственной Думы, председатель Комиссии по правам человека при Президенте РФ (1993–1996) и первый Уполномоченный по правам человека Российской Федерации (1994–1995). Он был одним из учредителей движения «Выбор России» и партии «Демократический выбор России», входил в состав ее политсовета. С первых же дней чеченской кампании Ковалев в самом пекле событий (в день штурма Грозного он находился в подвале президентского дворца), выступая за мирное разрешение конфликта. Его бесстрашная деятельность по вызволению пленных, прямые контакты с руководителями боевиков завоевали ему широкое признание среди демократических кругов России и ненависть со стороны ее высшего военного руководства. Велика роль Сергея Ко-

валева и в освобождении заложников в Буденновске в июне 1995 года. В составе группы депутатов Госдумы он добился прекращения штурма больницы, а затем, получив полномочия от премьер-министра России, вёл прямые переговоры с террористами Басаева. В результате 1,5 тысячи заложников, остававшиеся на тот момент в живых, были освобождены, а отряд Басаева отпущен на свободу. За эту акцию он был награждён в 2006 г. орденом Почётного легиона. В настоящее время С. Ковалев председатель Российского общества «Мемориал», президент организации «Институт прав человека».

Койнаш, Галина — (ноябрь, 1960 года) — общественный деятель, журналист, филолог, педагог, член Харьковской Правозащитной Группы (ХПГ), после окончания университета работала в школах и университетах, опубликовала два пособия по языку, как журналист печатается в Телекритике, Критике, Zakhid.net, Kyiv Post, и других. Галина редактирует англоязычную страничку ХПГ. Галина Койнаш пишет на трёх языках: английском, украинском и русском.

Копелев, Лев — (9 апреля 1912, Киев — 18 июня 1997, Кёльн) — критик, литературовед (германист), правозащитник. Родился в Киеве в семье агронома, в детстве обучался дома немецкому языку. С 1926 — в Харькове. Впервые был арестован в марте 1929 за сочувствие к «бухаринско-троцкистской оппозиции» и провёл 10 дней в тюрьме. Работал редактором радионовостей. В 1932, будучи одним из «тридцатитысячников», своими глазами наблюдал работу НКВД по ликвидации кулачества — эти наблюдения легли в основу книги его мемуаров «И сотворил себе кумира». В 1933 поступил в Харьковский университет, а в 1935 перевёлся в Московский институт иностранных языков (факультет немецкого языка). Обу-

чаясь в Харьковском университете, написал свои первые статьи на русском и украинском языках, некоторые из них были опубликованы в газете «Комсомольская правда». С 1938 преподавал в Московском институте философии, литературы и истории. В 1941 году записался добровольцем в Красную армию. Благодаря своему знанию немецкого языка служил пропагандистом и переводчиком. В 1945 году Советская армия вошла в Восточную Пруссию, он был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорён к 10 годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». В «шарашке» Марфино встретился с Александром Солженицыным, стал прототипом Рубина в его книге «В круге первом». Освобождён в 1954, реабилитирован в 1956. Всё ещё сохраняя оптимизм, он восстановился в КПСС. В 1957–1969 преподавал в Московском полиграфическом институте и Институте истории искусств. С 1966 активно участвует в правозащитном движении. В 1968 исключён из КПСС и Союза писателей, уволен с работы за подписание протестных писем против преследования диссидентов, а также за критику советского вторжения в Чехословакию. Начал распространять свои книги через самиздат. В 1977 ему было запрещено преподавать и публиковаться.

Занимаясь историческими исследованиями по российско-германским культурным связям, поддерживал контакты с рядом немецких вузов. В течение многих лет дружил с известным немецким писателем Зигфридом Ленцем. В 1980 во время исследовательской поездки в Германию он был лишён советского гражданства. С 1981 — профессор Вуппертальского университета. Позднее — почётный доктор философии Кёльнского университета. В 1990 Горбачёв восстановил ему советское гражданство. Умер в Кёльне в 1997.

Коржавин, Наум (Эммануил Мандель) — (14 октября 1925, Киев, СССР) — российский поэт, прозаик, переводчик и драматург, политзаключённый (1947-1954), автор Самииздата, участник Движения за Права Человека в СССР, в 1974 году эмигрировал в США, живёт в городе Бостон. Наум Коржавин — один из героев документального фильма «Они выбирали свободу» (RTVi, 2005). 2006 — Специальный приз «За вклад в литературу» премии «Большая книга».

Корсунская, Ирина — (9 апреля 1935, Москва), правозащитник, историк, искусствовед. В 1960–1970-е активно участвовала в организации помощи политзаключенным и их семьям, была постоянным корреспондентом множества политзаключенных. Ирина категорически отказывалась от дачи показаний. Ей принадлежит замечательное приложение к протоколу допроса: «Прошу впредь ни поэтому, ни по какому другому поводу не вызывать, т. к. у меня постоянные мигрени из-за спазмов сосудов, диагноз: шейный остеохондроз». (Хроника Текущих Событий № 63). В 1982 году под давлением КГБ Ирина эмигрировала в США.

Корти, Марио (Mario Corti) — (1945, Треццо-сулль-Адда под Миланом) прозаик, переводчик, радиожурналист. Детство и отрочество провел в Аргентине. В 1961–1963 учился в миланской консерватории. Работал на заводе в Германии, переводчиком на ФИАТе в Турине и на фирме Пирелли в Милане. В 1972–1975 переводчик в посольстве Италии в Москве. В середине 70-х член редакционной коллегии журнала «Руссия Кристиана» (Russia Cristiana) в Милане. В 1975 один из основателей издательства «La casa di Matriona», публикующего тексты по русской культуре и истории. В 1977 организатор Сахаровских слушаний в Риме. Участвовал в организации выставок самиздатовских документов на Биеннале в Венеции (1977), в Турине (1978), в Вашингтоне (1979) и в Риме.

С 1979 на Радио Свобода в Мюнхене. Аналитик, начальник отдела Самиздата, редактор и издатель еженедельника «Материалы Самиздата». В 1990–1994 заместитель директора, затем директор Отдела информационных ресурсов НИИ РС-РСЕ. С 1995 на Радио Свобода в Праге. В 1998–2003 директор Русской службы. Составитель сборников о советском диссидентском движении. Его статьи и интервью на правозащитные темы публиковались в европейских и американских изданиях. Автор радиопередач на исторические, историко-музыкальные и общекультурные темы. Среди них радиоциклы «Неаполь в Петербурге», «Моцарт и Сальери», «Казанова — европейская судьба». В России печатался в «Литературной газете», «Независимой газете», журналах «Знание-сила», «Персона», «Футбольная правда» и др. В 2002 в издательстве «Вагриус» вышла его художественная книга «Дрейф», написанная на русском языке. Автор книг «Сальери и Моцарт», издательство «Композитор», Санкт-Петербург, 2005 год, «Другие итальянцы: врачи на службе России», Журнал «Звезда», СПб, 2110.

Куртумеров, Эскендер — (8 августа 1938), уроженец села Коз, Судакского р-на Крымской АССР, образование 11 классов, активист крымскотатарского национального движения; 28 ноября 1973 года осуждён на два года заключения за распространение «заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

Литвинова, Татьяна — (1918–2011) правозащитник, художник-график замечательной яркости, литератор, переводчик с русского языка на английский и с английского на русский. Татьяна — дочь советского наркома иностранных дел Максима Литвинова и английской писательницы Айви Лоу (Ivy Low), тётя известного правозащитника Павла Литвинова. Она сочетала в себе нечто от

русского революционного духа и английской богемы. Литвинова родилась в Хэмпстеде, Великобритания; большую часть жизни прожила в Москве, в середине семидесятых годов прошлого века была вынуждена эмигрировать; поселилась в Англии, умерла в Брайтоне, Великобритания.

Макаренко, Михаил — (1931–2007) правозащитник, общественный деятель, мемуарист; родился в городе Галац, Румынии; в 1939 году убежал из дома и оказался на территории СССР; воспитывался в колонии для беспризорников, бежал оттуда и скитался по стране; во время Второй мировой войны стал сыном полка. В 1965 году в Новосибирске Макаренко организует клуб «Под интегралом» и картинную галерею Академгородка; как организатор виртуальной организации «Параллельная коммунистическая партия Советского Союза» привлёк к себе внимание органов государственной безопасности СССР; осуждённый за антисоветскую агитацию и пропаганду М. Макаренко провёл в советских тюрьмах и лагерях 11 лет. Находясь в заключении, с помощью других политических заключённых развернул кампанию жалоб и публичных обращений в различные инстанции в защиту прав заключённых. В 1979 году Михаил Макаренко эмигрировал в США. Михаил был беспричинно убит бездомным на парковочной стоянке в штате Нью-Джерси; похоронен на кладбище в Рок-Крик.

Маринович, Мирослав — (4 января 1949) — украинский правозащитник, публицист, религиовед, вице-ректор Украинского католического университета во Львове. В 1972 г. окончил Львовский политехнический институт, год работал переводчиком с английского языка. 9 ноября 1976 г. стал соучредителем Украинской Хельсинской группы. 23 апреля 1977 года арестован и осуждён на 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки за «проведение антисо-

ветской агитации и пропаганды». В 1978 году «Международная амнистия» взяла его под свою защиту как узника совести. В феврале 1987 года отказался подать ходатайство о помиловании, однако в марте 1987 года всё же был помилован, и вернулся в Украину. Работал оператором нефтеперерабатывающего завода в Дрогобыче. В 1990-х годах преподавал историю христианства в Дрогобычском педагогическом институте и был сотрудником Института восточноевропейских исследований (Киев). Был участником многих отечественных и международных конференций по правам человека и религиоведения. С 1997 г. Маринович — директор Института религии и общества Львовской богословской академии (теперь — Украинского католического университета). 13 сентября 2010 г. возглавил Украинский центр Международного ПЕН-клуба. В 1990 г. в Украине был опубликован труд Мариновича «Евангелие от юродивого», написанный еще в лагере.

Мирослав является автором книг: «Украина на полях Священного Писания» (1991, Дрогобыч), «Украина: дорога через пустыню» (1993, Харьков), «Украинская идея и христианство, или Когда гарцуют цветные кони апокалипсиса» («Українська ідея і християнство, або Коли гарцюють кольорові коні апокаліпсису» 2003, Киев); «An Ecumenist Analyzes the History and Prospects of Religion in Ukraine» (2004, Львов), «Иисус и Божий народ: иудеи и христиане в сообществе спасения» (2009, Львов).

Маринович основатель первой группы «Международной Амнистии» в СССР, Украинской ассоциации «Международной Амнистии» (УАМА), с 1993 по 1998 гг. был председателем Национального комитета УАМА.

Награды: Кавалер орденов Украины «За мужество» 1 ст. (2006); орден Свободы (2008), Кавалерский крест ордена Польши «За заслуги» (2006), орден «За интеллектуальную отвагу» (2004); медаль «За заслуги перед украинским народом» Народного Руха Украины

(2005); лауреат премий журнала «Современность» (1993), имени Валерия Марченко (1995), имени Зеева (Владимира) Жаботинского от Общества «Украина — Израиль» (1999), имени Василия Стуса (2009).

Мюге, Сергей — (1925 Одесса — 1999 New Jersey) — правозащитник, ветеран ВМВ, биолог, в 1967 году защитил докторскую диссертацию, участник научных семинаров Александра Воронеля, работал в Москве в Гельминтологической лаборатории Академии наук СССР, он автор более семидесяти научных работ, часть из которых переведена на иностранные языки. Сергей — муж Ксении (Аси) Великановой, происходит из довольно старой либеральной дворянской семьи, его отец был наполовину поляк, наполовину — немец из французов, а мать русская, с очень древней фамилией — правнучка Дениса Давыдова. Отец Сергея с 1936 года находился в лагерях и умер в 1942 году. Сергей был арестован в 1949 году за «попытку организовать демонстрацию против сессии ВАСХНИЛ, одобренной ЦК Партии». Отбывал срок в карагандинских лагерях. В 1964 году под нажимом КГБ эмигрировал и поселился в США, где работал профессором в Калифорнийском и Массачусетском университетах.

Орлов, Юрий (13 августа 1924, Москва, СССР) — ветеран ВМВ, член-корреспондент Армянской Академии Наук, профессор Корнелльского университета, физик, автор сотен научных публикаций, участник правозащитного движения, член советской группы «Международной амнистии» (с 1973 года), основатель и первый руководитель Московской Хельсинкской группы (МХГ, с 1976 года), политзаключённый (1977–1984, 1984–1986 в ссылке). Лишён звания члена-корреспондента (1979). В 1986 году Орлов был лишён советского гражданства и выслан из СССР в обмен на арестованного в США советского разведчика Геннадия Захарова, сотрудника

представительства СССР в ООН. Почётный председатель Международной Хельсинкской федерации по правам человека (с 1986 года). Член Американской академии искусств и наук. В 1995 году Американское физическое общество наградило Орлова медалью Николсона за гуманитарную деятельность. В 2006 году стал первым награждённым премией Андрея Сахарова, учреждённой Американским физическим обществом за заслуги учёных в вопросах защиты прав человека. Орлов — один из героев документального фильма «Они выбирали свободу» (RTVi, 2005)

Петренко-Подъяпольская, Мария — (1922–2011) правозащитник, геолог. Еженедельные среды у Подъяпольских были особым явлением в жизни Москвы. Чего только не было оговорено на этих «средах», сколько спето авторских песен, сколько прочитано стихов. Её голос звучал в защиту гонимых, её преследовали советские власти, её вынудили в 1980 эмигрировать из СССР. Маша оставила замечательные записки о судьбе её семьи и о своём муже Григории Подъяпольском — физике, правозащитнике, поэте, члене Инициативной Группы по защите Прав Человека в СССР. В США она поселилась в Бостоне, где уже жили её дочь и внуки. Мария проявляла большую заботу об узниках совести и в особенности о тех, кого не заметила международная общественность. Она, в частности, долгие годы заботилась о многолетнем узнике политлагерей и спецпсихушек Михаиле Кукобаке, писала ему, писала о нём, неизменно напоминала всем о его трагической судьбе. Многие узники, освобождаясь, проходили через квартиру Подъяпольских, получая здесь первую помощь и поддержку. Мария Петренко-Подъяпольская ушла из жизни 28 ноября 2011 года и похоронена в Бостоне.

Петровский, Леонид — (1933) ветеран правозащитного движения, историк, журналист, член Союза журналистов СССР и РФ;

происходит из семьи Петровских два поколения которых сыграли заметную роль в истории партии большевиков: дед Г. И. Петровский — «всеукраинский староста», бабушка Д. Ф. Петровская — единственная женщина, избранная в Учредительное собрание от партии большевиков, отец Леонида — П. Г. Петровский — участник штурма Зимнего дворца, герой гражданской войны, который систематически выступал против Сталина за что трижды исключался из партии (1929, 1931, 1932), четыре раза был судим Военной коллегией Верховного Суда СССР (1932, 1933, 1937, 1941). П. Г. Петровского вместе с другими политзаключенными расстреляли в Орловском тюремном центре.

Плюц, Леонид (26 апреля 1938, Нарын, Киргизия — 4 июня 2015, Франция) — математик, философ, публицист, участник правозащитного движения в СССР, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, член Заграничного представительства Украинской Хельсинкской группы. Плюцу также принадлежит заслуга в привлечении общественного внимания к украинской и другим национальным проблемам. Философские и публицистические работы Леонида Плюца публиковались как в Украине, так и за её пределами. Орден «За мужество» I ст. (8 ноября 2006) — за гражданское мужество, самоотверженность в борьбе за утверждение идеалов свободы и демократии.

Поляновский, Эдвин (1937–2006), журналист, многолетний сотрудник газеты «Известия». Входил в «золотую обойму» очеркистов этой газеты. Даже в самые застойные времена его выступления всегда отличались остротой и бескомпромиссностью, особенно когда речь шла о защите человеческой чести и достоинства. «Человек с обнаженной совестью», — так отзывались о нем его коллеги. Много сил отдал Поляновский возрождению имен за-

бытых или обогланных героев минувшей войны. Именно благодаря его публикациям была восстановлена историческая справедливость по отношению к легендарному командиру подлодки «С-13» Александру Маринеско, посмертно удостоенному в 1990 г. звания Героя Советского Союза. Автор книг «Жизнь и смерть Осипа Мандельштама», «Венок прощания», а также сценария фильма «Блокада Ленинграда» (документальная киноэпопея «Великая отечественная»).

Померанц, Григорий (1918–2013) — философ, культуролог, эссеист, ветеран ВМВ. В 1949 году был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, осуждён на 5 лет лагерей. Освободившись в 1953 г. по бериевской амнистии, работал учителем в сельской школе, в 1956 г. после реабилитации смог вернуться в Москву и поступил библиографом в ИНИОН РАН. С середины 1960-х гг. Померанц примыкает к правозащитному движению, прежде всего как публицист. Его работы, в которых он защищает идеи духовной свободы и автономии личности, оказали большое влияние на мировоззрение либеральной интеллигенции, широко расходились в самиздате, печатались за рубежом. Особое место занимает в его публицистике многолетняя полемика с Солженицыным и критика «почвеннического утопизма». Расходясь с почвенниками, Померанц сближается с кругом правозащитников, подписывает обращение в защиту Гинзбурга и Галанского, сотрудничает с самиздатовским журналом «Поиски», принимает участие в философском семинаре на квартире у В. Ф. Турчина, который посещал А. Д. Сахаров. С конца 1980-х гг. сочинения Померанца начинают печататься и в России. Совершив, по его собственному признанию, переход «от марксизма к идеализму», он приходит к выводу, что выход из духовного кризиса современности только в «самостояньи» личности, в ее углублении в себя вместо растворения в массе.

Райч, Волтер — (*Dr. Walter Reich, MD Psychiatry, Board Certified*) (1943) Доктор Райч активист защиты прав человека во всем мире с начала 1970-х годов. Он был сопредседателем Комитета обеспокоенных ученых (*Committee of Concerned Scientists*), членом Комитета Научных Свобод и Ответственности учёных американской ассоциации содействия развитию науки (*the Committee on Scientific Freedom and Responsibility of the American Association for the Advancement of Science*), председателем Комитета по правам человека американской психиатрической ассоциации.

Доктор Райч закончил Колумбийский колледж в 1965 году; в 1970 защитил степень доктора медицины в Нью-Йоркском Университете. В 1973 году, после завершения психиатрической резидентатуры Йельского университета, д-р Райч вступил в Национальный институт психического здоровья в Вашингтоне. В исследовательском Центре Вудро Вильсона, он изучал политическое злоупотребление психиатрией в Советском Союзе; психологию терроризма, научные, этические и общественно-политические аспекты в вопросах здоровья. Он основал и руководил проектами в центре Вильсона по вопросам здоровья, гуманитарных ценностей и государственной политике, позднее он был назначен директором Мемориального музея Холокоста в США.

Рейган, Рональд — (*Ronald Wilson Reagan*) (1911, Тампико, штат Иллинойс — 2004, Бель-Эйр, Лос-Анджелес); 40-й президент США (1981–1989 гг.); Рейган окончил в 1932 году Юрический колледж (бакалавр искусств); до 1937 года работал спортивным комментатором; весной 1937 года Рейган переехал в Голливуд и до 1976 года снялся более чем в 50 фильмах. В 1942–1945 служил в американских ВВС (капитан).

Осенью 1966 года был избран губернатором штата Калифорния. В 1980 году Рейган был избран подавляющим большинством прези-

дентом США, а в 1984 г. был переизбран на второй срок. Под руководством Президента Рейгана США одержали победу в «холодной войне», и, в какой-то степени, приблизил конец СССР и Варшавского договора. В последние годы своей жизни страдал болезнью Альцгеймера. Рональд Рейган скончался 5 июня 2004 года у себя дома в Бель-Эйр в Лос-Анджелесе в возрасте 93 лет.

Рейф, Игорь (1938, Москва), врач, журналист. В 12-летнем возрасте пережил арест старшей сестры, осужденной на 25 лет лагерей за участие в молодежной подпольной организации. В 1963 г. окончил 1-й Московский медицинский институт, работал врачом в медсанчасти КБ Туполева и в Загородной клинике 1 ММИ. В конце 1960-х гг. примыкал к правозащитному движению, публиковался в самиздате. Печататься начал в перестроечные и постперестроечные годы. В середине 1990-х сотрудничал с Комитетом солдатских матерей, результатом чего явилась серия статей в газете «Труд» и Литературной газете. В 1995 г. подготовил к печати лагерные мемуары проживающей в Канаде сестры Аллы Тумановой «Шаг вправо, шаг влево...», посвященные памяти троих расстрелянных ее однодельцев, вышедшие в том же году в издательстве «Прогресс». С 1998 г. живет в Германии. Автор книг «Знай, что у меня впереди хорошее будущее... Повесть о незначительном выпускнике МГУ» «Гении и таланты», «Мысль и судьба психолога Выготского», книг и статей по проблемам глобальной экологии. Игорь Рейф — член Международного Совета Фонда генерала Петра Григоренко.

Руденко, Микола (1920–2004), философ, ученый, писатель и поэт, ветеран Второй Мировой войны, соратник А. Д. Сахарова и П. Г. Григоренко, один из основателей и первый председатель Украинской Хельсинкской группы. Был редактором журнала «Дніпро», секретарем парторганизации Союза писателей Украины.

В 1974 г. исключен из партии «за метафизическое искажение марксизма», а в 1977 г. осужден на 7 лет лагерей «за антисоветскую агитацию», которой посчитали его правозащитную деятельность и научный экономический труд «Энергия прогресса». В 1988 году под давлением общественности освобожден, после чего эмигрировал за границу. Вернулся в Украину в 1992 г.

Самокиш, Нина (1923–2006) родилась в Калише (Польша) в семье художника, офицера Армии УНР. Во время Второй мировой войны активно участвовала в ОУН. В 1950 г. эмигрировала в Америку, жила в столице штата Нью-Джерси г. Трентон. Широко известна своей деятельностью в Пласте (куренная «верховинок»), в Союзе Украинок Америки, в деятельности УГВР за рубежом. В зарубежном представительстве Украинской Хельсинской группы выполняла важные функции секретаря и финансиста. Умерла в Нью-Йорке.

Сахаров, Андрей — (21 мая 1921 года — 14 декабря 1989 года) Детство и ранняя юность Андрея Сахарова прошли в Москве. Начальное образование Сахаров получил дома, начиная с седьмого класса учился в школе; в 1938 году поступил на физический факультет Московского университета; летом 1941 года по состоянию здоровья он не был принят в военную академию, в 1942 году окончил университет с отличием; по окончании университета он был направлен в распоряжение Наркомата вооружения; с 1942 года работал на патронном заводе в Ульяновске в должности инженера-изобретателя, имел ряд изобретений в области методов контроля продукции; в 1943 году Андрей Сахаров женился на Клавдии Алексеевне Вихиревой (1919–1969), в 1972 г. он женился на Елене Георгиевне Боннэр. В конце 1944 года Сахаров поступил в аспирантуру ФИАН (Физического института АН СССР имени П. Н. Лебедева), где его научным руководителем был Игорь Тамм, впоследствии

академик, нобелевский лауреат. Вскоре после защиты кандидатской диссертации в 1948 году был зачислен в исследовательскую группу, занимающуюся проблемой термоядерного оружия. Сахарова часто называют «отцом водородной бомбы», но он считал, что эти слова очень неточно отражают сложную ситуацию коллективного авторства. С 1950 года А. Сахаров и И. Тамм начали совместно работать по проблеме управляемой термоядерной реакции. Эти работы были доложены в 1956 г. И. Курчатовым на конференции в Харуэлле (Великобритания) и считаются пионерскими. В 1952 году Сахаров выдвинул идею магнитной кумуляции для получения сверхсильных магнитных полей и в 1961 году — идею лазерного обжатия для получения импульсной управляемой термоядерной реакции. Сахарову принадлежат несколько ключевых работ в космологии («Барионная асимметрия Вселенной», «Многолистные модели Вселенной», «Космологические модели Вселенной с поворотом стрелы времени»), работы по теории поля и элементарным частицам. В 1953 году Сахаров был избран действительным членом АН СССР.

Сахаров — один из инициаторов заключения в 1963 году Московского договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и океане. В 1964 г. Сахаров выступил против Лысенко и его школы. В 1966 г. принял участие в коллективном письме против возрождения культа Сталина. В 1968 году написал большую статью «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Общий тираж этой статьи на Западе достиг 20 миллионов экземпляров. После публикации этой статьи Сахаров был отстранен от секретных работ в закрытом городе Арзамасе-16, где провел 18 лет. В 1969 году он вернулся к научной работе в ФИАНе. В это же время Сахаров передал свои сбережения — 139 тысяч рублей — Красному Кресту и на строительство онкологического центра в Москве.

В ноябре 1970 года Сахаров стал одним из основателей Комитета прав человека. В последующие годы он выступал в защиту узников совести и основных прав человека — права получать и распространять информацию, права на свободу совести, права покидать свою страну и возвращаться в нее и права выбора местожительства внутри страны. Одновременно много выступал по проблемам разоружения, являясь единственным независимым профессиональным экспертом в этой области в странах социалистического лагеря. Летом 1975 года опубликовал книгу «О стране и мире». В октябре 1975 года А. Сахарову была присуждена Нобелевская премия Мира. В его Нобелевской лекции, прочитанной в Осло Еленой Боннэр 10 декабря того же года, Сахаров утверждал: «Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими».

22 января 1980 г. Сахаров без суда был сослан в Горький. Тогда же указом Президиума Верховного Совета СССР он был лишен звания трижды Героя Социалистического труда (1953, 1956, 1962) и постановлением Совета Министров СССР — звания лауреата Государственной (1953) и Ленинской (1956) премий. Ссылка Сахарова была, по-видимому, связана с его резкими выступлениями против вторжения в декабре 1979 года советских войск в Афганистан.

В Горьком, несмотря на жесточайшую изоляцию, он продолжал общественные выступления. Большой резонанс на Западе имели статья «Опасность термоядерной войны», письмо Леониду Брежневу об Афганистане и обращение к Михаилу Горбачеву о необходимости освобождения всех узников совести. В Горьком Сахаров четырежды объявлял бессрочные голодовки в связи с давлением КГБ на семью. Там же дважды у него были украдены органами КГБ рукописи его воспоминаний, научные и личные дневники. За «горьковские годы» он сделал и напечатал четыре научные работы. Горьковская ссылка закончилась в декабре 1986 года.

В феврале 1987 года Сахаров на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» выступил по проблеме разоружения — предложил принцип разделения «пакета» (т. е. рассмотрение вопроса о сокращении числа евrorакет отдельно от проблем СОИ), который через две недели был принят Горбачевым. На этом форуме А. Сахаров выступил также за сокращение армии СССР и по проблемам безопасности ядерной энергетики.

В 1988 году А. Сахаров был избран почетным председателем общества «Мемориал» и приложил много сил для его признания властями. В марте 1989 года он был избран народным депутатом СССР. Как член Конституционной комиссии Сахаров подготовил и 27 ноября 1989 года представил проект новой Конституции; в основе ее концепции лежит защита прав личности и права всех народов на равную с другими государственность.

А. Сахаров был иностранным членом Академий наук США, Франции, Италии, Нидерландов, Норвегии и почетным доктором многих университетов Европы, Америки и Азии.

Андрей Дмитриевич скончался 14 декабря 1989 года и похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

При жизни Сахарова в СССР по общественным вопросам были опубликованы только его статьи и интервью 1987–1989 годов. 1990 год стал годом первого знакомства пост-советского общества с мемуарами и публицистическим наследием Андрея Сахарова, но в еще большей степени таким стал 1991 год — год семидесятилетия Андрея Сахарова. В эти годы были изданы его мемуары «Воспоминания» («Знамя», 1990, №№ 10–12; 1991, №№ 1–5) и «Горький — Москва, далее везде» («Знамя», 1991, №№ 9–10), книга Е. Боннэр о горьковской ссылке «Постскриптум» (М.: Интербук, 1990), сборники статей и выступлений «Мир, прогресс, права человека» (М.: Советский писатель, 1990) и «Тревога и надежда» (М.: Интер-Версо, 1990), напечатаны интервью («Звезда», 1991, №№ 1, 5, 10). Вышли также

сборники «Конституционные идеи Андрея Сахарова» (М.: Новелла, 1990), «Андрей Дмитриевич. Воспоминания о Сахарове» (М.: Терра, 1990), «Андрей Сахаров. За и против» (М.: Пик, 1991), «А. Д. Сахаров глазами коллег и друзей. Этюды к научному портрету. Вольномыслие» (М.: Мир, 1991), «Сахаровский сборник» (М.: Книга, 1991), «И один в поле воин» (Ереван; Луис, 1991), издана брошюра «Человек и легенда. Образ А. Д. Сахарова в общественном мнении. Всесоюзный опрос ВЦ И ОМ. Март 1991» (М.: Информ. агентство «Дата», 1991). Книги Андрея Сахарова «Воспоминания» и «Горький — Москва, далее везде» переведены на английский, немецкий, французский, итальянский, датский, голландский и японский языки.

Свитлычна, Надия — (8 ноября 1936 — 8 августа 2006) правозащитник, участница движения шестидесятников, публицист, межуарист, журналист. Член Заграничного представительства Украинской Хельсинской группы, редактор-составитель «Вестника репрессий в Украине» (США). Надия родилась в селе Половинкино Старобельского района Луганской области, Украина; в 1958 закончила Харьковский университет (филологический факультет, отделение украинского языка и литературы); работала учителем, завучем и директором средней школы, преподавала русскую литературу в медицинском техникуме, переводила с русского для ряда украинских журналов. Надия была арестована 18 мая 1972 года на излёте массовых арестов шестидесятников. В тот же день сотрудники КГБ похитили из детского сада её двухлетнего сына и поместили в сиротский дом. Только благодаря усилиям родственников удалось отыскать и спасти ребёнка от потери семьи. «Следователь, — вспоминает Надия Свитлычна, — дал мне постановление, в котором говорилось, что из-за моего неискреннего поведения на следствии меня посылают на психиатрическую экспертизу. «А в чем вы видите мою неискренность?» — спросила я следовате-

ля. — «Так вы же отказываетесь отвечать на вопросы...». Надия была осуждена на четыре года. После освобождения из заключения, 2 октября 1978, эмигрировала и была лишена советского гражданства. В США работала в Украинском музее в Нью-Йорке, переводчицей в Гарвардском университете, журналистом Украинской редакции Радио «Свобода», редактировала женский журнал «Вера», принимала активное участие в работе Зарубежного представительства УГГ, была редактором-составителем периодического издания Представительства. С 1985 регулярно издавала «Вестник репрессий в Украине», собирала средства на памятник Оксане Мешко и её матери Мариш, на Казацкий крест «Убиенным сыновьям Украины» в урочище Сандармох (Карелия). Надия — сестра известного украинского правозащитника и поэта Ивана Светличного.

Надия умерла в городе Матаван, штат Нью-Джерси, США, похоронена 17 августа 2006 в Киеве на Байковом кладбище. Чин погребения отправил священник УПЦ Киевского патриархата. На похоронах присутствовал Президент Украины Виктор Ющенко.

Надия Свитлычна — до конца своей жизни была директором Фонда генерала Петра Григоренко.

Награды: Орден «За мужество» «I степени (8 ноября 2006) — за гражданское мужество, самоотверженность в борьбе за утверждение идеалов свободы и демократии (посмертно); Орден княгини Ольги III ст. (26 ноября 2005); Государственная премия Украины имени Т. Шевченко 1994 года — за активную журналистскую и публицистическую деятельность; премия имени Василя Стуса (1992).

Сеитмуратова, Айше — (1937, Крым) правозащитник, активист крымскотатарского национального движения. Успешно окончив университет в 1964 году, Айше работает в школе, через год подаёт документы в аспирантуру Академии наук СССР. Хотя она сдала все экзамены на «хорошо» и «отлично», в приёме на учёбу ей отказали.

В 1967 году последовал первый арест по обвинению в разжигании национальной розни, под следствием находилась в Лефортовской тюрьме КГБ, освобождена за отсутствием состава преступления; новый арест в 1971 году и три года заключения в Мордовии. В 1979 году Айше эмигрировала в США; в начале 1990-х вернулась в Крым. Сеитмуратова организовала и возглавила Симферопольский гериатрический пансионат для одиноких пенсионеров и инвалидов 1 и 2 групп из числа депортированных крымских татар «Къартлар эви» — «Дом Доброты».

Награды: Орден «За мужество» I степени (2007); почётная грамота Чрезвычайного и Полномочного посла Азербайджана в Украине (2007).

Смирнов, Алексей (1951, Москва). *С детских лет рос и воспитывался в семье деда А. Е. Костерина, старого большевика, колымского лагерника, а впоследствии одного из основателей правозащитного движения, соратника П. Г. Григоренко. После школы и службы в армии работал в конструкторском бюро ЗИЛ'а, совмещая работу с учебой в вечернем институте. В правозащитном движении с 1969 г. В 1979–1982 гг. принимал участие в выпуске «Хроники текущих событий», в результате чего был арестован и осужден на 6 лет лагерей. Вышел на свободу в 1987 г. в связи с горбачевской перестройкой. В 1992 г. явился инициатором создания московского Центра по правам человека, собравшего под своей крышей Комитет солдатский матерей, Общество защиты прав детей и т. д. В качестве директора Центра разработал и внедрил ряд правозащитных программ. Принимал участие в работе Комиссии ООН по правам человека, состоял экспертом комиссий по правам человека при президенте России. В настоящее время занимается изучением и сбором материалов по истории правозащитного движения.*

Старчик, Пётр — (8 августа 1938, Рузаевка) российский бард, композитор и общественный деятель, автор порядка 2000 песен на стихи русских и зарубежных поэтов.

Учился в МГУ в течение двух лет, затем оставил учебу и начал работать. Сменил несколько профессий и занятий — кладовщика в Институте психологии Академии педагогических наук СССР, шофёра, церковного сторожа. С начала 1970-х участвовал в правозащитном движении, изготовлял и распространял «антисоветские» листовки. В апреле 1972 г. Старчик был арестован. Институт им. Сербского признал его невменяемым. Был заключён в Казанскую спецпсихбольницу (СПБ). Освободился в 1975. По освобождении продолжил свою концертную деятельность; новый арест в сентябре 1976 и снова психушка. Правозащитники в Советском союзе и за рубежом снова развернули кампанию в защиту барда. В Москве появился общественный комитет «Свободу Петру Старчику!». В ноябре 1976 Старчик был освобожден. Возобновил концерты авторской песни на своей квартире. В 1977 г. участвовал в самиздатском альманахе «Воскресенье» (составитель Валерий Абрамкин), поместил там свою статью «Судьба и песня». В доперестроечное время удалось провести только одно официальное выступление в 1981 году в московском клубе на Волхонке; вход был бесплатный. В годы перестройки Старчик смог выступить уже в больших аудиториях. Продолжалась и его общественная деятельность — в 1987 г. Старчик стал членом редколлегии независимого московского еженедельника «Экспресс-Хроника». В 1995 г. студия «Остров» выпустила альбом песен Старчика «Порука добра» с записями домашних концертов начала 1980-х. Старчик живет в поселке Николо-Погост Городецкого района Нижегородской области.

Терновский, Леонард (6 сентября 1933, Москва — 14 февраля 2006, Москва) — врач, писатель, участник правозащитного движения

в СССР и постсоветской России, член Московской Хельсинкской группы; член «Комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях». За правозащитную деятельность в 1980 году был осужден по статье 190/1 на три года. Награждён медалью Уполномоченного по правам человека в РФ «Спешите делать добро», Офицер ордена Креста Витуса (Литва, 8 января 2003 года).

Харнас, Михаил — (1946, Москва) инженер, был близок к правозащитному движению. В начале шестидесятых годов Михаил с несколькими друзьями, принял участие в подпольной неомарксистской группе. Три члена этой группы, Михаил, Виктор Резвый и Андрей Григоренко, позже присоединились к Союзу Борьбы За Возрождение Ленинизма (СБЗВЛ), возглавлявшегося покойным отцом Андрея генерал-майором Петром Григоренко. В начале 1964 года привлекался в качестве «подозреваемого» по делу СБЗВЛ. Как и остальные члены СБЗВЛ был подвергнут административным репрессиям, исключён из комсомола и занесён в чёрные списки. Михаил — родной брат правозащитника Александра Харнаса.

Чорновил, Вячеслав — (В'ячеслав Чорновіл; (24 декабря 1937 год — 25 марта 1999 год) — украинский политический деятель, правозащитник, журналист, многолетний узник совести, один из основателей Народного Руха Украины, Герой Украины (2000).

Окончил школу в 1955 году и поступил на филологический факультет Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. На втором курсе перешёл на факультет журналистики, был комсоргом. В 1960 году окончил с отличием университет и защитил дипломную работу «Публицистика Бориса Гринченко». С июля 1960 года по май 1963 года работал на Львовской телевизионной студии, сначала редактором, а потом старшим редактором выпусков для молодёжи. С мая 1963 года по сентябрь 1964 года жил

в Вышгороде, работая на строительстве Киевской ГЭС. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию и устроился в газету «Молодая гвардия». 4 сентября 1965 года Вячеслав Черновол, Василий Стус и Иван Дзюба выступили в кинотеатре «Украина» на премьере фильма Сергея Параджанова «Тени забытых предков» с протестом против ареста украинской интеллигенции — т. н. «шестидесятников». За это Черновол был уволен из «Молодой гвардии». После этого он устроился в газету «Друг читателя» литературным работником. В ноябре 1967 года был впервые осуждён на шесть лет колонии строгого режима. Причиной стала его книга о шестидесятниках «Горе от ума». После досрочного освобождения в 1969 году перебивался случайными заработками — работал наблюдателем на метеорологической станции в Закарпатье, землепомом археологической экспедиции на раскопках античной Тире в Одесской области, грузчиком на железнодорожной станции во Львове. С 1970 года издавал подпольный журнал «Украинский вестник», за что в 1972 году был осуждён во второй раз на шесть лет заключения в колонии строгого режима и три года ссылки. Наказание отбывал в Мордовии и Якутии. В 1978 году вышел на свободу. 22 мая 1979 года стал членом Украинской Хельсинкской группы. В мае 1980 года в третий раз был арестован и сослан на пять лет в Якутию. Однако уже в 1983 году Черновол вышел на волю, хотя и без права выезда в Украину, куда он вернулся лишь в 1985. В 1988 году Черновола пытались лишить советского гражданства, однако он призвал все страны мира не принимать его. В том же году вместе с другими правозащитниками создал Украинский Хельсинкский союз — это была первая попытка политической оппозиции советскому правительству. 8–10 сентября 1989 года с участием Черновола был создан «Народный Рух Украины за Перестройку» (впоследствии — Народный рух Украины). 30 марта 1990 года избран народным депутатом Украины, получив 68,60% голосов при

7 претендентах (по одномандатному округу). В апреле 1990 года также избран главой Львовского областного совета. В октябре 1991 года на Большой казацкой раде избран Гетманом украинско-го казачества. 1 декабря 1991 года занял второе место на первых выборах президента Украины, набрав 7420727 голосов (23,27%). С 28 февраля по 1 марта 1992 года прошли Третьи всеукраинские сборы НРУ, на которых был предотвращён раскол партии, назревавший в связи с противостоянием Вячеслава Черновола, с одной стороны, и Ивана Драча и Михаила Горыня, с другой. Все три деятеля были выбраны сопредседателями НРУ. На Четвёртых всеукраинских сборах НРУ в декабре 1992 года избран единоличным главой партии. Недовольные его политикой вышли из партии и создали «Всенародный Рух України», политическая деятельность которого вскоре сошла на нет. В марте 1994 года Вячеслав Черновол во второй раз был избран народным депутатом Украины (62,52% голосов, при 15 претендентах). С 1995 года до самой смерти был членом украинской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ). На прошедших 29 марта 1998 года выборах в Верховную раду в третий раз избран народным депутатом Украины. На Девятых всеукраинских сборах НРУ, прошедших с 12 по 13 декабря 1998 года, выдвинул свою кандидатуру на пост президента Украины (на 1999 год были запланированы выборы президента) вместе с Геннадием Удовенко. Однако в январе 1999 года свою кандидатуру снял. 28 февраля 1999 года в НРУ происходит очередной раскол. Заместитель Вячеслава Черновола Юрий Костенко с группой сторонников пытается прийти к власти, но его действия признаны незаконными, и руководство остаётся у Вячеслава Черновола. Вскоре после этого (25 марта 1999 года) Вячеслав Черновол погиб в результате автокатастрофы. Уже на следующее утро после гибели тогдашний министр внутренних дел Юрий Кравченко, не дожидаясь предварительных результатов следствия, заявил, что лидер НРУ и его води-

тель погибли в результате ДТП и что «версия покушения на Вячеслава Черновола как причина его гибели даже не рассматривалась». В 2000 году один из находившихся в кабине самосвала (Иван Шолом) — главный свидетель — неожиданно скончался от сердечного приступа. Представители НРУ с самого начала называли гибель своего лидера политическим убийством. Вячеслав Черновол похоронен на центральной аллее Байкова кладбища в Киеве. Проводить его в последний путь 29 марта 1999 года собралось более 200 тысяч человек со всех уголков Украины. Гроб с телом Вячеслава Черновола несли на руках от Владимирского собора до Байкова кладбища. Награды: Лауреат Международной журналистской премии им. Николаса Томалина (1975); Лауреат Государственной премии Украины им. Т. Шевченко (1996); орден Ярослава Мудрого V степени (1997); Герой Украины — (2000, посмертно).

Чубаров, Рефат (крымскотатарский Refat Abdurahman odli Çubarov) — (22 сентября 1957 года, г. Самарканд, Узбекская ССР, СССР) — крымскотатарский политик и общественный деятель. Первый заместитель председателя Меджлиса крымскотатарского народа. Заместитель Председателя Верховного Совета Крыма в 1995—1998 годах. Народный депутат Украины в 1998—2007. Президент Всемирного конгресса крымских татар с 2009 года. Образование: 1975 — ПТУ № 1, г. Симферополь, 1983 — Московский государственный историко-архивный институт. Награды: Орден «За заслуги» II степени (08.2002), Орден «За заслуги» I степени (08.2005); Орден князя Ярослава Мудрого V степени (09.2007)

Чумаченко-Юценко, Катерина (Katherine-Claire Chumachenko) — (1 сентября 1961), Чикаго, штат Иллинойс, США — супруга третьего Президента Украины Виктора Юценко. В возрасте 14 лет

вступила в Союз украинской молодежи. В 1982 году окончила Джорджтаунский университет по специальности «международная экономика». После окончания университета работала директором Украинской национальной информационной службы Вашингтонского бюро Украинского Комитета Американского Конгресса. В 1986 году получила степень МВА в Университете Чикаго. С 1986 года работала ассистентом у заместителя Госсекретаря по вопросам прав человека и гуманитарным делам. Была заместителем председателя Офиса общественных связей Белого дома, работала в Министерстве финансов США и Конгрессе США. Родители первоначально дали К. Чумаченко двойное имя — Катерина-Клава, в честь двух младших сестер её отца, погибших от голода в Украине в 1933. А в больнице Чикаго, где она родилась, имя «Катерина-Клава» записали как «Кэтрин-Клер». В 1993 году начала работать в компании KPMG Peat Marwick/Barents Group в Киеве. В 1993 году она знакомится с главой Нацбанка Украины Виктором Ющенко и в январе 1998 года становится его женой. Катерина Ющенко — соучредитель фонда помощи сиротам «Друзья детей», Глава наблюдательного совета международного благотворительного Фонда «Украина 3000», который с 2001 года в основном занимается модернизацией больниц, строительством детских домов. Благотворительный Фонд «Украина 3000» много лет работает над сборником о голодоморе 1932–1933 годов, много лет способствует созданию музея и памятника Голодомора. Культурологическое направление объединяет программы, связанные с историческими, археологическими, этнографическими и культурологическими исследованиями, охраной историко-культурного наследия народа Украины и распространением знаний о нём.

Награды: специальная награда ЮНЕСКО «Золотая пирамида», ноябрь 2005 года; Медаль князя Василия-Константина Острожского от Острожской Академии, октябрь 2005 года; «Награда выдающе-

гося выпускника в области общественной деятельности 2005 года» от бизнес-школы Университета Чикаго, октябрь 2005 года; специальная награда от Фонда помощи детям Чернобыля, апрель 2006 года; награда «Почетный преподаватель гимназии «Киево-Могилянский колледжум»», февраль 2007 года; Большой крест ордена Полярной звезды (2008, Швеция); Медаль Свободы Трумэна-Рейгана (2008, США); Орден Трёх Звёзд 1 класса (Латвия, 19 июня 2008 года).

Юртер, Фикрет — (23 октября 1932 года, село Ай-Серез Судакского района) Фикрет родился в семье учителя. Во время войны его семья эмигрировала в Турцию, там же он успешно окончил лицей. В 1955 году он уехал в Германию и поступил в Ахенский университет на факультет механики. В Германии участвовал в создании, а затем и возглавил тюркское студенческое общество. После окончания университета 4 года работал инженером. В 60-х годах он возвратился в Турцию, где издавал и распространял листовки об истинном положении крымских татар в СССР. В 1970 году Юртер переехал на постоянное место жительства в США, где был избран председателем культурной ассоциации крымских татар. Позже, в 1976 году, совместно с Меметом Севдияром и Мубейном Алтаном он создал Национальный центр крымских татар (НЦКТ). Центр осуществлял сбор и распространение по всему миру информации о депортации крымских татар, их борьбе за возвращение в Крым и восстановление своих прав в Советском Союзе, о судебном беспределе властей в отношении крымских татар. Центр проводил митинги, демонстрации, акции протеста. Организовывал встречи с президентами США Рейганом, Бушем, с представителями международных организаций. Фикрет Юртер и его соратники участвовали в создании комитета по спасению М. Джемилева, оказывали всяческую поддержку П. Григорен-

ко и его семье. В 90-е годы центр продолжал оказывать помощь крымским татарам в обустройстве на родине. В 1999 году в США начал издаваться журнал «Birlik», на страницах которого публикуется наследие НЦКТ: документы, воспоминания, переписка с известными политиками, научные статьи, публицистика. Фикрет Юртер также пишет стихи, некоторые из которых печатались на страницах журнала «Йылдыз». Фикрет Юртер — директор Фонда генерала Петра Григоренко.

Ющенко, Виктор — (23 февраля 1954, Хоружевка, Недригайловский район, Сумская область) — украинский политик, председатель партии «Наша Украина» (2005–2013), основатель и Председатель Совета Института Президента Виктора Ющенко «Стратегические инициативы». Третий Президент Украины (2005–2010), председатель Национального банка Украины (1993–2000), премьер-министр Украины (1999–2001), лидер Оранжевой революции. Почетный гражданин Тернополя.

Звания и награды: Почетный Знак отличия Президента Украины, приравненный к награжденным орденом «За заслуги»; Заслуженный экономист Украины (1997); Лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники (1999); Орден короля Томислава с лентой и Большой Даницей (2007, Хорватия); Орден Белой Розы (2006, Финляндия); Премия «Квадрига» (2006); Орден Белого Орла (2005, Польша); Орден Витаутаса Великого (2006, Литва); Орден Трех Звезд (2006, Латвия); Орден Украинской Православной Церкви преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских I степени (2007); Орден Рыцарей Гроба Господня (2007, Иерусалим); Орден Серафимов (2008, Швеция); Орден Золотого руна (Грузия, 2009); Орден Южного Креста (2009, Бразилия); Премия лидерства Доула (2011, США). В 2005 Ющенко вместе с президентом Грузии Михаилом Саакашвили выдвигался на получение Нобелевской премии мира.

Именной указатель

А

Абрамкин, Валерий 30, 291
Авторханов, Абдурахман 64
Алексеева, Людмила 9, 55, 92, 134, 189, 244
Алтунян, Генрих 61, 215, 254, 255, (фото)
Амальрик, Андрей 157, 255
Андропов, Юрий Владимирович, председатель КГБ СССР (1967–1982 гг.) 110, 183–187, 190–195
Антонелли 149
Арутюнян, Эдвард 244
Арутюнян, Шатен 244

Б

Бабицкий-Кейдан, Федор, (фото)
Бабицкая-Кейдан, Юлия, (фото)
Бадзьо, Юрий 248
Баев, Гомер 253, 255
Банников, С. 183
Бахтин, М. М. 26
Беляк, Олексий 72

Бердник, Олесь 244
Берзин 130, 131
Берия, Лаврентий 153
Берлингуэр 89
Бернс, Роберт 5, 55, 59
Бернштам, М. С. 189
Берсенёв, Павел 83
Богатырёв, Костя 245, 246
Богораз, Лариса 21, 61, 92
Боннэр, Елена 134, 173, 189, 220, 255, 284, 286, 287
Браун, Джон 24, 33
Брежнев, Леонид 60, 86, 157, 195, 196, 286
Буковский, Владимир 58, 62, 86, 149, 150, 157, 211, 236, 250, 256, 257, (фото)

В

Великанова, Ектерина, (фото)
Великанова, Ксения (Ася), (фото)
Великанова, Татьяна 263
Весновская, Г. Ф. 184
Викторас Пяткус, 243

Винс, Петро 245, 246
Вишневская, Галина 149
Вознесенский, 40
Войнич, Э. Л. 110
Войнович, Владимир 157, 257, 258,
(фото)
Володымыр (Базылевский), прото-
иерей, (фото)
Вольпин, Алик 64, 129, 133
Врангель 31
Высоцкий, Владимир 179

Г

Галансков, Юрий 19, 210, 236, 256
Галич, Александр 50, 54, 60, 177,
258
Гальцева, Рената 19, 20
Гамлет 15
Гаяускас, Балис 244
Георгадзе, М. 195, 196
Герцен 211
Гершович, Владимир 172, 258, 260
Гершуни, Владимир 57
Гинзбург, Александр 19, 134, 188,
211, 236, 258, 281
Глузман, Семён (Слава) 58, 263,
(фото)
Горбаль, Мыкола 260, 261, (фото)
Горбачев, М. С. 286, 287, 290
Горская, Алла 245, 246
Григоренко, Александр, (фото)

Григоренко, Андрей 7, 34, 42, 48,
62, 70, 71, 85, 93, 97, 104, 106,
111, 112, 137, 144, 154, 159–
161, 165, 167, 170, 173, 174, 205,
207–209, 217, 220, 239, 247, 250,
251, 261–264, 292, (фото)
Григоренко, Зинаида Михайловна
11, 12, 14, 25, 35, 38, 43–45, 53–
55, 59, 60, 101, 102, 104, 119–121,
126, 134, 138, 143, 144, 149, 153,
155, 159, 163, 164, 171, 173, 261,
262, (фото)

Григоренко, Ольга, (фото)
Григоренко, Татьяна, (фото)

Гримм, Юрий 87, 265

Громыко 195

Грумков 128, 129

Гумилев, Лев 30

Д

Давыдов, Денис 278

Давыдов, Юрий 21

Даниэль, Михаил, (фото)

Джемилев, Мустафа 168, 206–208,
214, 215, 250, 254, 266, 267, 298,
(фото)

Джемилев, Решат 168, 265, 266,
(фото)

Джемилева, Сафинар 64

Джилас, Милован 64

Добровольский, Алексей 19

Дремлюга, Владимир 91

Дудинцев 130

Дудко, о. Дмитрий, священник 39

Е

Евтушенко, Евгений 84, 270

Егидес, Петр 30, 31

Егоров, Алексей 82

Ельцин, Б. Н. 198

Емелькина, Надя 123

Есенин-Вольпин, Александр 169,
262, 268

Ж

Желудков, о. Сергей 54

Жуков, Георгий, маршал 27, 201

З

Захаров, Геннадий 278

Звалинский, Никита 134

Зинкевич, Осип, издатель, (фото)

Зинченко, Александр 116

Зисельс, Иосиф 244

И

Ивасюк, Володимир 246, 248

Истомин, Вася 84

К

Каллистратова, Софья Васильевна
134, 269

Капаев, майор КГБ 106

Карасик-Недобора, Софья, (фото)

Карпачева, Нина 206, 214

Картер, Джимми, президент США,
(фото)

Карус, Е. В. 133

Ким, Юлий 50, 55, 269, 270

Ковалёв, Сергей Адамович 51, 61,
127, 132, 211, 271, 272

Койнаш, Галина 272

Комбз, Ричард, сотрудник посоль-
ства США 190

Конквест, Боб 64

Копелев, Лев 181, 272

Коржавин, Наум 274

Корсунская, Ирина 118, 167, 274

Корти, Марио 68, 146, 274

Костерин, Алексей Евграфович 16,
30, 32, 44, 99, 105, 106, 114, 118–
120, 124, 125, 172, 174, 211, 212,
225, 230–236, 290

Костерина, Вера Ивановна 105

Косыгин, Алексей 195

Красин, Виктор 91, 100, 121–123,
132, 187, 261

Кузнецов, 193

Кузьмак, врач-хирург 93

Кузьмин 131

Кукк, Юри 93

Купчинский, Роман 68, (фото)

Куртумеров, Эскендер 173, 275

Л

Ланда, Мальва 189

Лапин, Владимир 100, 105

Ленин, В. И. 45

Лерт, Раиса 16, 30–32

Литвинов, Максим 275

Литвинов, Павел 21, 168, 266, 275

Литвинова, Татьяна Максимовна
163, 168, 275, 276, (фото)

Лукияненко, Левко 206, 208, 243,
244, 249

М

Макаренко, Михаил 54, 95, 113,
167, 276

Маметов, Энвер 229

Мамут, Мусса 241, 248, 267

Маринович, Любовь, (фото)

Маринович, Мирослав 7, 13, 244,
276, 277, (фото)

Маркс, Карл 32, 39, 40, 47

Марченко, Анатолий 92, 93, 134,
188, 211

Марченко, Валерий 278

Маслова, Катюша 33

Матусевич, Мыкола 244

Медведев, Рой 44

Мехлис, Л. З., генерал-полковник
27

Мешко, Оксана 38, 289

Миркин, А. А. 31

Мстислав (Скрыпник), Патриарх
37, 147 (фото)

Мурженко, Олексий 244

Мюге, Николай, (фото)

Мюге, Сергей 87, 172, 278, (фото)

Н

Недобра, Владислав, (фото)

Неизвестный, Эрнст, (фото)

Некипелов, Виктор 53, 59, 60

Некрич, Александр Моисеевич,
историк 50, 147

О

Овсиенко, Василь 244, (фото)

Окуджава, Булат 50, 270

Опанасенко, И. Р., генерал армии
27

Орлов, Юрий 29, 35, 134, 157, 188–
190, 242, 243, 278, 279

Осипов, Владимир 20

Осипова, Татьяна 134

Османов, Сабри 229

П

- Павлинчук, Валерий 236
 Павловский, Глеб 30
 Палецкий, Ростислав 245
 Пастернак, Борис 234
 Пастушенко, Мария 72
 Пеликан, Иржи 98, 89
 Петренко-Подъяпольская, Мария
 (Маша) 117, 279
 Петровский, Леонид 61, 108, 280
 Петросьян, Николай 128, 130, 132
 Печененко, Савва (Савелий) 9
 Писарев, Сергей Петрович 64–66
 Плоткин, Геннадий 12
 Плющ, Леонид 57, 76, 139, 250, 280
 Поляновский, Эдуард 200, 280
 Померанц, Григорий 15, 281
 Пушкин, Александр 21, 88, 120,
 194, 234, 236, 262

Р

- Радейко, Мыкола 140, 141
 Райч, Волтер 174, 282
 Реддавэй, Питер, (фото)
 Резвый, Виктор 81, 292
 Рейган, Рональд, Президент США
 167, 282, 283, 297
 Рейф, Игорь 283
 Роберт Назарян, 244
 Рогинский, Арсений, (фото)

- Ростропович, Мстислав 149
 Рубин, Виталий 20, 186, 273
 Руденко, Мыкола (Микола) 9, 34,
 36, 43, 45, 49, 244, 245, 250, 283,
 (фото)
 Руппель, Фридрих 241
 Рылеев, К. 230

С

- Савинкин, 195
 Самокиш, Нина 137, 141, 284
 Сатьяграха 33
 Сахаров, Андрей Дмитриевич,
 академик, физик, нобелевский
 лауреат 7, 30, 33, 35, 387, 40, 41,
 47, 52, 54, 56–58, 115, 134, 148,
 150, 157, 158, 173, 174, 186, 188,
 189, 220, 246, 250, 256, 264, 267,
 274, 279, 281, 283–288
 Свитлычна, Надия 12, 122, 138, 288,
 289, (фото)
 Сверстюк, Евгений, (фото)
 Сеитмуратова, Айше 11, 12, 174,
 240, 241, 289, 290, (фото)
 Семичастный В. Е., председатель
 КГБ СССР (1961–1967 гг.) 183,
 203
 Серебров, Феликс, (фото)
 Сидоров, командир 17, 18
 Симоненко, Василь 4
 Сирий, В. (Владимир Набоков) 135

Скрипчук, Константин 243
Сластенов, Павка 28
Слепак, Владимир 186
Смирнов (Костерин), Алексей 61,
99, 106, 290
Смиртюков, 195
Снегирёв, Гелий 246, 248
Солженицын, Александр Исаевич,
писатель, нобелевский лауреат
20, 31, 50, 150, 158, 234, 273,
281
Сталин, И. В. 16, 26, 31, 32, 36, 40,
41, 53, 56, 65, 72, 80, 93
Старчик, Петр 50, 57, 61, 291, 314
Строката, Нина 11, 208, 209
Стус, Василь 153, 165, 248, 261, 278,
289, 293
Суворов, Виктор 252
Суслов, М. А. 194, 195

Т

Тамм, Игорь, академик, нобелев-
ский лауреат 284, 285
Твердохлебов, Андрей 35, 188
Терновский, Леонард 291
Тимачев, Виктор 87
Тихий, Олексий 244
Толстой, А. К. 32, 234
Турчин, Валентин 35, 38, 157, 188,
281

У

Улановская, Майя 122

Ф

Фрунзе, М. В. 35, 85, 93, 146, 159,
171, 183, 199, 207, 237, 250
Фрунзе, Тимур 159, 237

Х

Харнас, Михаил 81, 159–161, 292,
315, (фото)
Христос, Иисус 73

Ч

Чалидзе, Валерий 92, 187, 239
Черненко, Моисей (Митя) 153
Черновил, Вячеслав 207, 210, 248,
293–295
Чубаров, Рефат 210, 295
Чумаченко-Ющенко,
Катерина (Katherine-Claire
Chumachenko) 170, 295, 296

Ш

Шафаревич, Игорь 57, 188
Шевченко, Тарас 137, 207, 289, 292,
295
Шелков, Владимир 243
Шемилевич 128, 129

Шиханович, Юрий 57
Штейнберг, Зинаида (Зельда) 155
Шумук, Данило 242, 248
Шухевич, Юрий 242, 248
Шухевич-Чупрынка, Роман 242

Щ

Щаранский, Анатолий 188
Щелоков, Н. А., министр внутренних дел СССР 193

Э

Эренбург, Илья 76
Эфроимсон, В. П., генетик 26

Ю

Юртер, Фикрет 143, 145, 297, 298
Ющенко, Виктор, президент республики Украина 218–220, 289, 296, 298, 299

Я

Якир, Петр 64, 90, 91, 110, 121–123, 132, 187, 261, 266, 269
Яacobсон, Анатолий 64, 121, 122, 158
Ясенский, Бруно 215
Яхимович, Иван 121–123

Содержание

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗА ДРУЖБУ ПРЕЖНИХ ДНЕЙ

Мирослав Маринович.

Заметки связного 7

Григорий Померанц.

В пространстве без дорог 15

Мыкола Руденко.

«А не пора ли вас, Петро Григорович,
из татарского мурзы переодеть в гетмана?» 34

Пётр Старчик.

За дружбу прежних дней..... 50

Владимир Буковский.

Он принимал свою судьбу стоически 62

Андрей Григоренко.

«Не имей сто рублей...» 71

НА ЖИЗНЕННЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Алексей Смирнов.

Он приходил к нам прямой и крепкий 99

Леонид Петровский.
Дон Кихот XX века 108

Надя Свитлычная.
Национальные проблемы
в правозащитной деятельности Петра Григоренко..... 112

Мария Петренко-Подъяпольская.
Человек, которым мы восхищались и которого полюбили..... 117

В ИЗГНАНИИ

Нина Самокиш.
Воспоминания секретаря 137

Фикрет Юртер.
Неотъемлемая часть современной истории
крымскотатарского народа 143

Марио Корти.
Григоренко в Италии..... 146

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Зинаида Григоренко.
Знакомство с Петром 153

Владимир Войнович.
Из книги «Портрет на фоне мифа»..... 157

Михаил Харнас.
Гражданский костюм..... 159

Татьяна Литвинова.
Он ни на минуту не привыкал к несвободе 163

СКУПОЙ СТРОКОЙ

Рональд Рейган (Перевод с английского Андрея Григоренко)	167
Ирина Корсунская	167
Михаил Макаренко	167
Решат Джемилев	168
Александр Есенин-Вольпин.....	169
Катерина Чумаченко-Ющенко.....	169
Сергей Мюге	170
Владимир Гершович.....	172
Эскендер Куртумеров	172
Елена Боннэр.....	173
Айше Сеитмуратова	173
Волтер Райч — американский врач-психиатр	174

ГОРЕСТНАЯ ОДА

<i>Александр Галич.</i> Горестная ода счастливому человеку	177
---	-----

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

<i>Лев Копелев.</i> Письмо тюремным психиатрам.....	181
Из Архивов КГБ.....	183

ПОСТ-КОММУНИСТИЧЕСКОЕ

В России

- Указ Президента Российской Федерации
«Об увековечении памяти Григоренко П. Г.»..... 199
- Главному Редактору газеты «Известия»200

В Украине

- Григоренко опальный и в 100 лет.....206
- Вячеслав Черновил.*
Украине нужны харизматичные люди,
которые бы объединяли людей209
- Рефат Чубаров.*
Память — удел гордых и свободных людей..... 211
- Указ Президента Украины № 177/2007
«Об увековечении памяти Петра Григоренко» 217
- Андрей Григоренко.*
Письмо Президенту Ющенко..... 219

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Из выступления Петра Григоренко
на партийной конференции Ленинского района
г. Москвы 7 сентября 1961 г..... 223
- Речь П. Григоренко на банкете 17 марта 1968 г.,
устроенном представителями крымскотатарского народа
в Москве, в ресторане «Алтай»,
по случаю 72-летия писателя А. Е. Костерина..... 225

Выступление П. Григоренко на похоронах А. Е. Костерина в московском крематории 14 ноября 1968 года.....	230
В районную участковую избирательную комиссию	237
<i>Петро Григоренко.</i>	
За национальные права подсоветских народов.....	239
Выступление Петра Григоренко на пресс-конференции в Мадриде 11 ноября 1980.....	247
Основные даты жизни Петра Григоренко.....	250
Главные вехи его гражданского служения	252
Коротко об авторах.....	254
Именной указатель	299

Андрей Григоренко и Михаил Харнас. 1975 год

Мыкола Руденко, Зинаида и Петро Григоренко. Конча-Заспа, Украина. 1976 год

*Демонстрация протеста в Нью-Йорке
по случаю лишения Петра Григоренко советского гражданства. 1978 год*

*Петро Григоренко и Президент США Джимми Картер
(на заднем плане Роман Купчинский). 1975 год*

*Петро и Андрей Григоренко
перед домом Фикрета Юртера.
Кодак, Нью-Йорк, 1980 год*

*Айше Сеитмуратова, Зинаида и Петро Григоренко,
Владимир Буковский, Надия Свитлычна. 1980 год*

*Похороны Петра Григоренко:
украинские военные ветераны выносят гроб с телом покойного из храма. 1987 год*

*Украинское Православное кладбище Св. Андрея Первозванного.
Освящение надгробного памятника Петра Григоренко.
На переднем плане Андрей Григоренко, Патриарх Мстислав (Скрыпник),
протоиерей Володымыр (Базылевский), Сергей Мюге, Зинаида Григоренко.
Баунд Брук, Нью-Джерси, 1987 год*

*Похороны Петра Григоренко:
Эрнст Неизвестный говорит о покойном генерале. 1987 год*

*Украинское православное кладбище св. Андрея Первозванного.
Освящение надгробного памятника Петра Григоренко.
Баунд Брук, Нью-Джерси, 1987 год*

*Екатерина и Ксения (Ася) Великановы.
1987 год*

*Надя Свитлычна.
1988 год*

*Татьяна Литвинова.
1990 год*

*Решат Джемилев.
Нью-Йорк, начало 90-х годов*

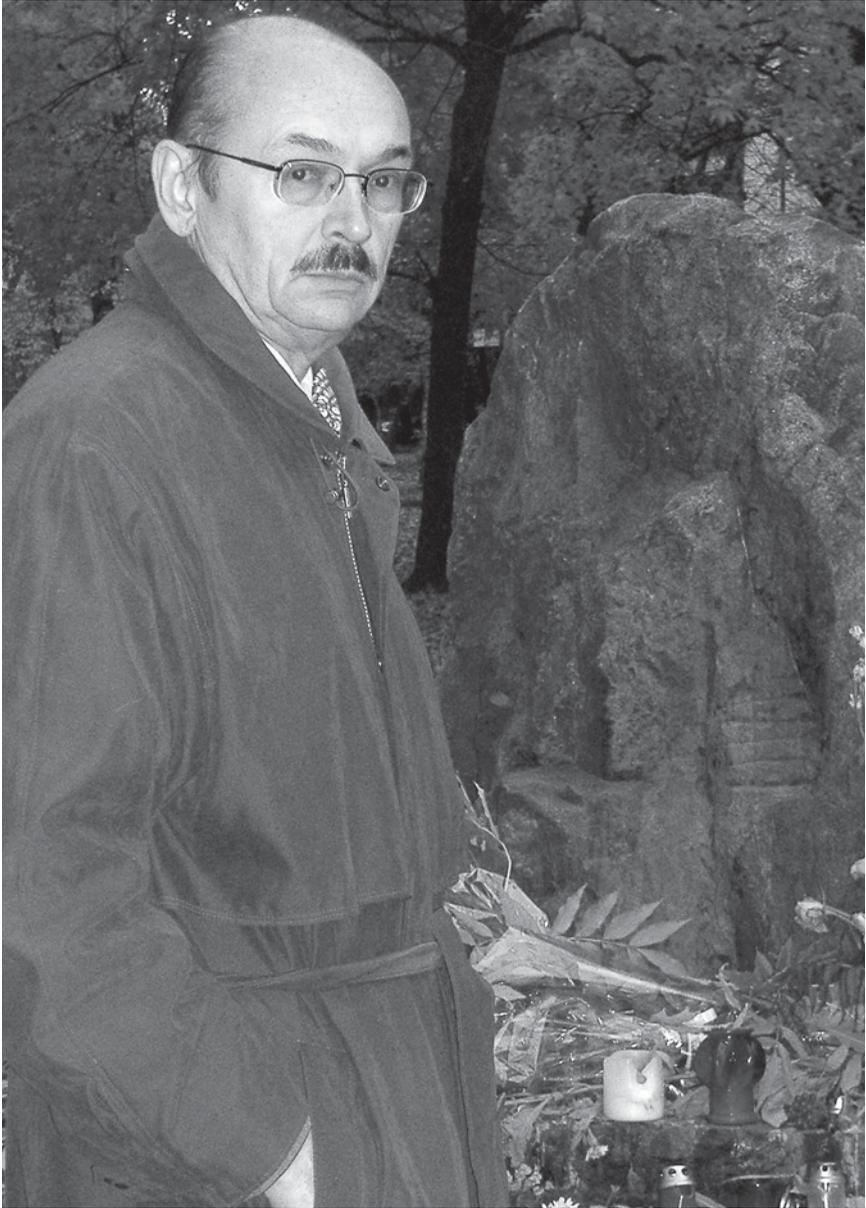
*Александр Григоренко, Мыкола Горбаль, Андрей Григоренко, Генрих Алтунян.
Крым, 90-е годы*

*Александр, Валентина (супруга Михаила),
Михаил и Наталья (супруга Александра) Харнас, Феликс Серебров.
1997 год*

*Семён Глузман.
1997 год*

*Андрей Григоренко
у Монумента бойцам Украинской Повстанческой Армии (УПА).
Харьков, 1997 год*

**МІНІСТЕРСТВО ЮСТИЦІЇ
УКРАЇНИ**

Україна, 01001, м.Київ
вул. Городецького, 13
Тел./факс: (38-044) 278-37-23

10.08.2007р. № 21-26-2007
На № _____

Членам
Організаційного комітету з
вшанування пам'яті видатного
правозахисника, учасника
дисидентського руху, одного
із засновників Української
Громадської Групи сприяння
виконанню Гельсінкських угод
Петра Григоренка з нагоди
100-річчя від дня його народження
(за списком)

Міністерство юстиції на виконання доручення Віце-прем'єр-міністра України Табачника Д.В. від 13.07.2007 р. № 31034/0/1-07 надсилає для ознайомлення План заходів з вшанування пам'яті видатного правозахисника, учасника дисидентського руху, одного із засновників Української Громадської Групи сприяння виконанню Гельсінкських угод Петра Григоренка з нагоди 100-річчя від дня його народження, затверджений 10 серпня 2007 року.

Додаток: План заходів з вшанування пам'яті видатного правозахисника, учасника дисидентського руху, одного із засновників Української Громадської Групи сприяння виконанню Гельсінкських угод Петра Григоренка з нагоди 100-річчя від дня його народження на 3 арк.

З повагою,

Заступник Міністра

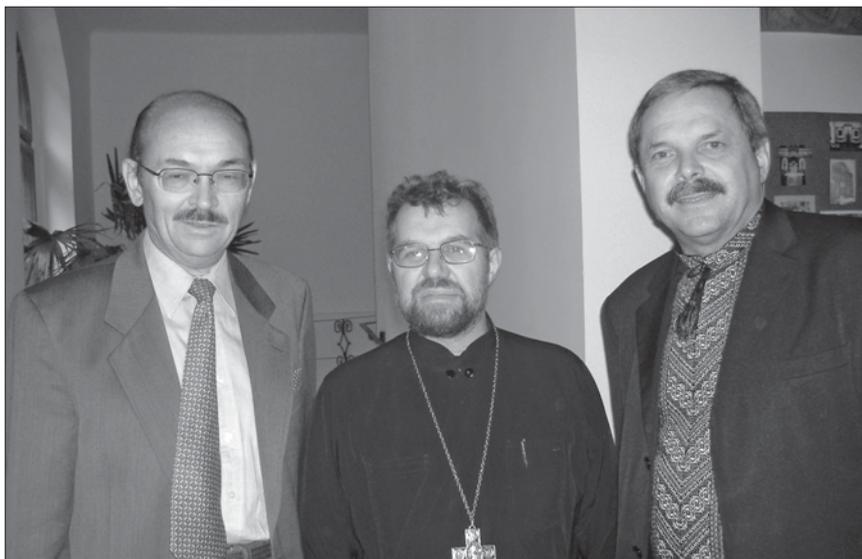
Володимир Богатир

*Владислав Недобора и Андрей Григоренко.
2007 год*

*Владислав Недобора и Софья Карасик-Недобора.
2007 год*

*Андрей Григоренко и Мирослав Маринович.
Украинский Католический Университет. Львов, 2007 год*

*Украина. Мирослав и Люба Маринович, Андрей Григоренко.
Львов, 2007 год*

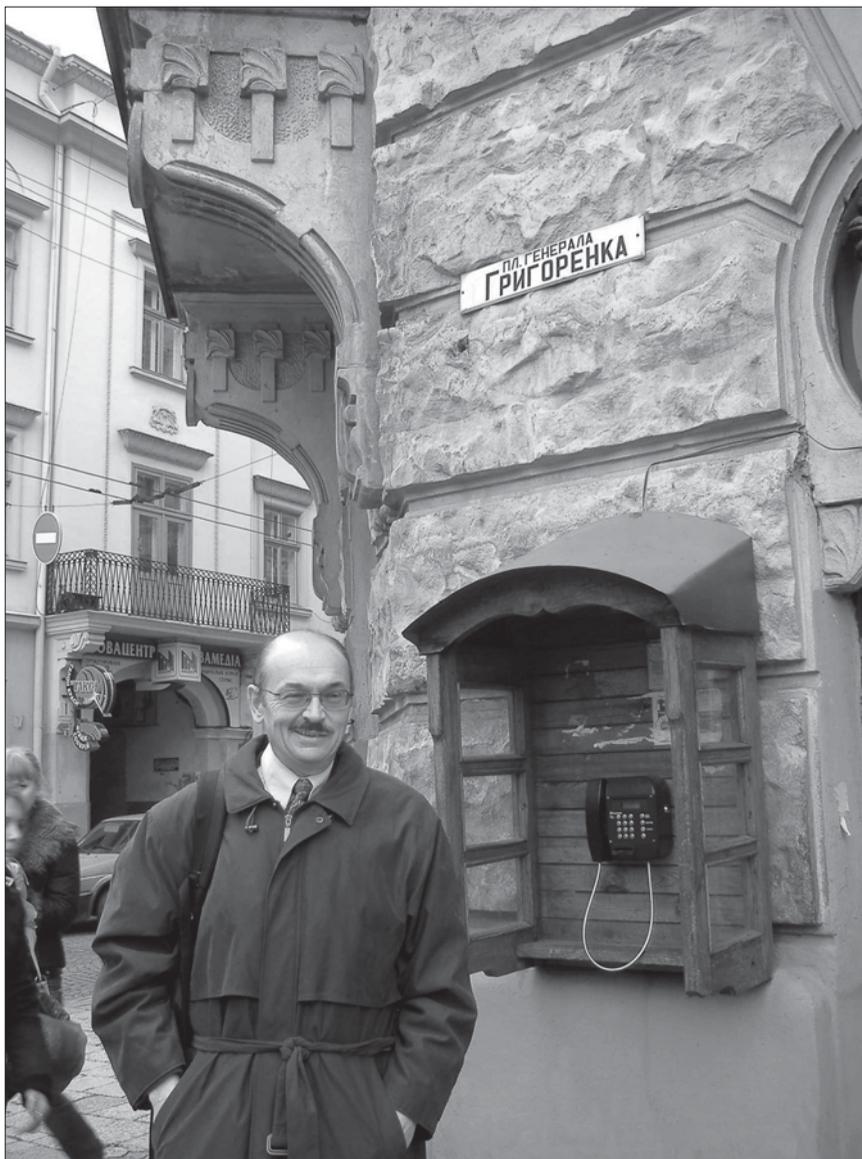
*Василь Овсиенко, Андрей Григоренко и Евген Сверстюк
в Киевском издательстве «Смолоскип». 2007 год*

*Пресс-конференция с участием Леонида Плюща, Андрея Григоренко,
Васыля Овсиенко и Мустафы Абдулджемиля (Джемилева). 2007 год*

*Осип Зинкевич, основатель и глава издательства «Смолоскип».
2007 год*

*Андрей Григоренко на площади носящей имя его покойного отца.
Львов, 2007 год*

*Дорожный знак показывающий направление к Мемориалу Жертв тоталитаризма.
Харьков, 2007 год*

*Владимир Войнович в Колумбийском Университете.
Нью-Йорк, 2009 год*

*Надгробный памятник Олексия Мурженко.
Украинское православное кладбище св. Андрея Первозванного.
Боунд Брук, Нью-Джерси, 2010 год*

*Надгробный памятник Олега Григоренко.
Украинское православное кладбище св. Андрея Первозванного.
Боунд Брук, Нью-Джерси, 2010 год*

*Надгробный памятник Зинаиды Григоренко.
Украинское православное кладбище св. Андрея Первозванного.
Боунд Брук, Нью-Джерси, 2010 год*

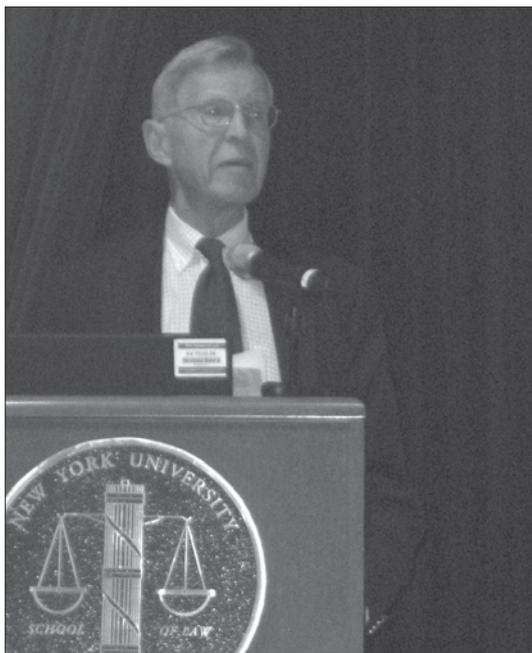
*Надгробные памятники Зинаиды, Олега и Петра Григоренко.
Украинское православное кладбище св. Андрея Первозванного.
Боунд Брук, Нью-Джерси, 2010 год*

*Надгробный памятник Васыля Барки.
Украинское православное кладбище св. Андрея Первозванного.
Бонд Брук, Нью-Джерси, 2010 год*

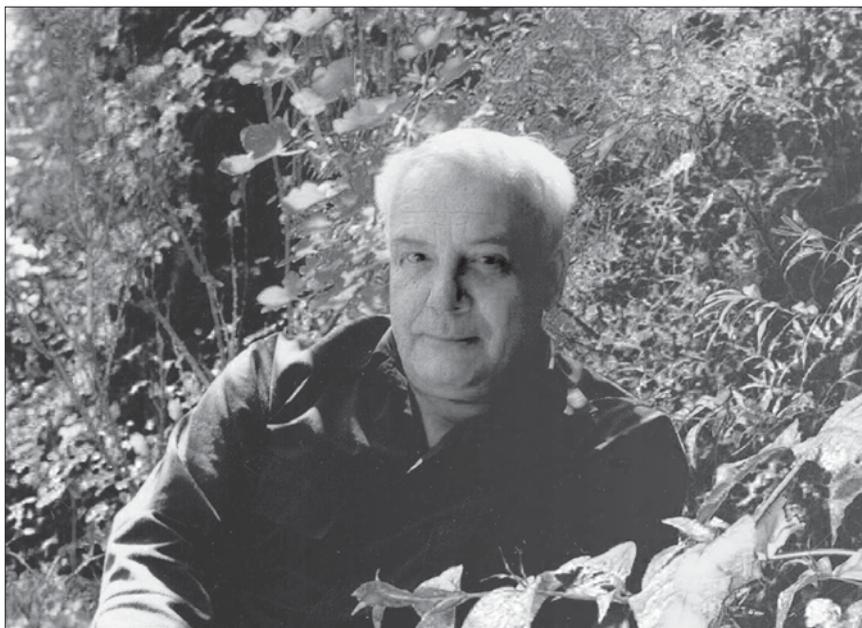
*Надгробный памятник Нины Строката.
Украинское православное кладбище св. Андрея Первозванного.
Боунд Брук, Нью-Джерси, 2010 год*

*Питер Реддавэй.
Нью-Йорк, 2011 год*

*Арсений Рогинский.
Москва, 2011 год*

*Владимир Буковский.
2011 год*

*Татьяна и Ольга Григоренко.
2013 год*

*Николай Мюге (сын Сергея Мюге и Аси (Ксени) Великановой),
Ольга Григоренко (младшая дочь Андрея Григоренко и Мери (Маши) Великановой-Григоренко),
Федор и Юлия Бабицкая-Кейдан (дети Константина Бабицкого и Татьяны Великановой),
Михаил Даниэль (сын Александра Даниэля и Екатерины Великановой).
На фотографии отсутствуют Наталья Бабицкая-Тумаркин
(старшая дочь Константина Бабицкого и Татьяны Великановой),
Татьяна Григоренко (старшая дочь Андрея Григоренко
и Мери (Маши) Великановой-Григоренко),
Александр Рогинский (сын Арсения Рогинского и Екатерины Великановой)
и дети Кирилла Великанова и Анны Шмайн-Великановой — Мария и Иван.
Москва, 2011 год*

У книгу включені вибрані спогади різних людей про одну з центральних фігур руху за права людини в неіснуючому більше СРСР. Це — ветеран Другої світової війни, генерал, громадський діяч, правозахисник і публіцист Петро Григорович Григоренко (1907–1987). Покійний генерал отримав широку міжнародну популярність у другій половині ХХ століття, став єдиним радянським генералом, позбавленим радянського громадянства і найбільш відомим у світі українським патріотом. Його діяльність і публіцистика залишаються багато в чому актуальними і сьогодні.

Літературно-художнє видання

ЛЮДИНА, КОТРА НЕ ЗМОГЛА МОВЧАТИ...

*Сучасники про видатного борця за Права Людини
генерала Петра Григоренка*

(У двох частинах)

Частина друга

(російською мовою)

ISBN 617-7266-18-0

9 786177 1266180

Відповідальний за випуск *Є. Ю. Захаров*
Редактори: *А. П. Григоренко, Є. Ю. Захаров*
Коректори: *І. Б. Захарова, І. Ю. Рапп*
Комп'ютерна верстка *О. А. Мірошниченко*

Підписано до друку 28.05.2015
Формат 60×84 1/16, Папір офсетний. Гарнітура PT Serif
Умов. друк. арк. 18,13. Облік.-вид. арк. 12,68
Наклад 1000 прим. Зам. № ПЛ-06/15

ГО «ХАРКІВСЬКА ПРАВОЗАХИСНА ГРУПА»
61002, Харків, а/с 10430
<http://khpg.org>
<http://library.khpg.org>

ТОВ «ВИДАВНИЦТВО ПРАВА ЛЮДИНИ»
61002, Харків, вул. Дарвіна, 7, кв. 35
Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України
серія ДК № 4783 від 23.10.2014 р.